

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

БУРАК МАРИЯ АНДРЕЕВНА

**ОСОБЕННОСТИ ИНТОНАЦИОННОГО ОФОРМЛЕНИЯ
ТРОПЕИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ЛЕКСИКОНЕ ИНДИВИДА**

10.02.19 - теория языка

Диссертация

на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ:
доктор филологических наук, доцент
Зубкова Ольга Станиславовна

Курск - 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТОНАЦИИ	
1.0 Вводные замечания.....	13
1.1 Изучение интонации в гуманитарной парадигме.....	13
1.2 Просодические аспекты реализации высказывания в условиях публичной речи.....	38
1.3 Паузация как просодическая характеристика публичной речи.....	53
Выводы по главе I.....	61
ГЛАВА II. ТРОПЕЙЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КАК ПРОДУКТ КОГНИТИВНОГО ОПЫТА ИНДИВИДА	
2.0 Вводные замечания.....	63
2.1 Развитие научных представлений о тропах.....	63
2.2 Классификация тропов.....	70
2.3 Метафоризация как основной когнитивный механизм образования тропов.....	80
2.4 Тропейческие средства с позиции лингвосемиотической теории.....	91
Выводы по главе II.....	96
ГЛАВА III. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНТОНАЦИОННОГО ОФОРМЛЕНИЯ ТРОПЕЙЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ	
3.0 Вводные замечания.....	98
3.1.1 Задачи исследования.....	102
3.1.2 Материал исследования.....	103
3.1.3 Методики исследования.....	104
3.1.4 Обработка полученных данных.....	105

3.1.5 Интерпретация полученных данных.....	105
3.1.6 Анализ данных, представляющих особое просодическое оформление тропеических средств.....	146
Выводы по главе III.....	155
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	156
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	162

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в центре внимания когнитивной науки находится исследование процессов восприятия и переработки информации индивидом. Изучение особенностей использования различных аспектов языка, отбора определённых речевых конструкций, взаимодействия сторон при прямой и опосредованной коммуникации даёт исследователям возможность изучить теоретические проблемы, решить которые возможно только при условии практического подхода.

Взаимодействие индивидов происходит в разных условиях, коммуникация представлена различными формами, различными по своим отличительным особенностям. Наш научный интерес лежит в сфере публичной речи, а именно - нас интересует взаимодействие просодического компонента и тропеических средств, широкое разнообразие которых представлено в публичной речи. Публичная речь находилась в центре внимания различных учёных ещё со времён Античности (см. напр. [Головин 1988], [Ножин 1989], [Сопер 1992], [Франс 1992], [Апресян 2009], [Блох, Фрейдина 2011], и др.) Ораторское мастерство дикторов, журналистов, политиков, особенности построения и стиля речи, а также её интонационные особенности также привлекали внимание исследователей (см. напр. [Зильберт 1986], [Костомаров 1971], [Александрова 2003], [Леонтьев 2003], [Рогозина 2003], [Васильев 2003], [Дускаева 2004], [Бельчиков 2007], [Лаптева 2007], [Ковальчук 2008], [Финадеева 2008], [Дешеева 2010], [Бирюкова 2011], [Демина 2011], [Громогласова 2012] и др.).

Особенности публичной речи «вынуждают» говорящего прибегать к использованию большого разнообразия тропеических средств. Просодический аспект употребления тропов стал предметом нашего научного интереса.

Актуальность исследования определяется:

– сущностью применяемого подхода: лингвосемиотическое направление считается одним из наиболее активно развивающихся в рамках современной науки о языке;

– особенностями объекта исследования: тропеические средства можно считать достаточно частотными в языковой и знаковой практике человека, поскольку их использование и функционирование обусловлено человеческим сознанием, которому свойственно сравнивать любые поступающие извне или генерируемые внутри фрагменты информации, оценивая их как сходные или различные, подвергая их концептуализации и категоризации;

– спецификой предмета исследования: актуальность рассмотрения тропов с точки зрения поиска интонационных маркеров их оформления влечет за собой более глубокое проникновение в процессы формирования коммуникативных смыслов: с одной стороны, тропы в публичной речи имплицитно отражают тенденции развития индивида и общества на конкретном этапе, концентрируя в себе информацию о многих аспектах окружающей действительности; с другой стороны, нельзя недооценивать потенциал просодии как мощного средства психологического воздействия на человека.

Объектом исследования являются тропеические средства естественного языка как часть индивидуального лексикона, **предметом** - особенности их интонационного оформления в условиях публичной речи.

Целью данного исследования является изучение особенностей интонационного оформления тропов как части функциональной структуры жанрового пространства текстов публичной речи.

Цель работы предполагает решение следующих **задач**:

- анализ научных публикаций по теме данного исследования;

- отбор материала для исследования на основании цели исследования и результатов анализа научной литературы;
- выявление интонационных маркеров, оформляющих тропеические средства в потоке звучащей речи;
- выявление и описание интонационных моделей, оформляющих тропеические средства в лексиконе индивида;
- установление влияния на выделенные интонационные модели таких факторов, как: коммуникативная ситуация, стратификация по субъектам деятельности, жанровость статусно-индексального общения и индивидуальные особенности говорящего;
- определение особенностей функционирования тропеических средств как лингвосемиотических знаков в устной публичной речи;
- осуществление эмпирического анализа с целью проверки основной гипотезы и сформулированных теоретических постулатов.

Для решения изложенных выше задач применен комплексный **метод исследования**, включающий теоретический анализ имеющейся литературы по изучаемой проблеме; методы интерпретативного и контекстуального анализа, семиологический анализ, метод когнитивного анализа, методы обобщения и описания, методику работы с различными типами звуковых файлов при помощи программы Speech Analyzer 3.1, семантический и электроакустический (компьютерный) анализ экспериментального материала, лингвистическую интерпретацию полученных результатов.

В соответствии с общей целью и задачами исследования на защиту выносятся следующие основные **положения**.

1. Основой для создания и использования адресантом в публичной речи тропеических средств является индивидуальный когнитивный опыт, манифестация продуктов которого осуществляется в рамках процесса метафоризации. Метафоризация формирует основу

семантической транспозиции от исходного знака к знаку формирующемуся, устанавливая корреляции между означаемыми, обусловленными референциальной связью подобия / аналогии / сходства.

2. Тропы, функционирующие в публичной речи, являются лингвосомиотическими знаками и единицами аффективного воздействия, позволяющими в компактной и целостной форме рассматривать и анализировать индивидуальные трансформации личностного опыта под влиянием психолингвистических и социальных факторов, действующих на структуру целостного семантического пространства.

3. Неоднородность выделенных факторов (коммуникативная ситуация, жанровость статусно-индексального общения, стратификация по субъектам деятельности и индивидуальные особенности говорящего), влияющих на формирование просодического оформления тропа, создает основу для имплицитной адресации исследуемого феномена, провоцирует манифестацию эффекта социальной желательности воспринимаемой информации и увеличивает степень полимодальной динамики тропа в условиях звучащей речи.

4. Общая и наиболее частотная интонационная модель оформления в публичной речи тропеических средств – "пауза + повышение тона + пауза", ритмико-интонационные параметры которой выступают как индикаторы фонетического стиля при реализации коммуникативного намерения адресанта и влияют на общую просодику фразы. Данная модель подразумевает высокую плотность ударностей с преобладанием восходящих мелодических характеристик тона.

5. Интонационное оформление тропеических средств в устной публичной речи зависит от лингвокультурных особенностей адресанта, поскольку особенности языкового строя оказывают прямое влияние на интонационный рисунок высказывания.

6. Восприятие тропов напрямую зависит от их принадлежности к типу речи, обуславливающему коммуникативное намерение адресанта и характеризующемуся специфическим набором инвариантных и вариативных семантических и интонационных признаков, а также от интонационного контура высказывания и ритмико-мелодического строения синтагмы.

Научная новизна работы заключается в новом ракурсе рассмотрения феномена тропов с позиции интонологии, лингвосемиотики, психолингвистики и когнитивистики, что не являлось предметом научного поиска ранее. Новым является подход к тропам, функционирующим в публичной речи, как к лингвосемиотическим знакам, эмотивная нагруженность которых варьируется в зависимости от интенций говорящего, его когнитивной базы, ситуации общения и социально-политических установок.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что в нём предложен лингвосемиотический подход к изучению интонационно-просодического аспекта функционирования тропов в публичной речи. На основании детального анализа особенностей просодической организации текстов публичной речи выделена и описана интонационная модель оформления тропов, установлены факторы, влияющие на просодию исследуемого феномена, выявлены характер и механизмы взаимоотношения интонационного оформления исследуемых феноменов и семантики высказывания, что проявляется в виде колебания просодических параметров в наиболее значимых участках, выделены знаковые особенности тропов. Результаты исследования позволяют расширить представления о роли интонации в реализации коммуникативного намерения адресанта. Предлагаемый в диссертации подход расширяет представление о метафоризации и вносит определённый вклад в метафорологию.

Практическая значимость диссертации обусловлена возможностью использования полученных результатов в учебных курсах по теории языка, теоретической и практической фонетике, теории дискурса. Теоретические положения работы, предложенный в ней подход, методика анализа и иллюстративная база могут найти применение в процессе преподавания психолингвистики, общего языкознания, теории речевого воздействия, когнитивной лингвистики.

Степень научной разработанности проблемы подтверждают труды по когнитивной лингвистике Кубряковой [2004], Мишлановой [2002, 2008], Бородулиной [2007], исследования по развитию функционально-когнитивной теории языка (Бенвенист [2002], Демьянков [2012]), работы в области интерпретации текста (Бахтин [2000], Вежицкая [1996], Дейк [2000], Эко [2000]). Основу исследованию положила теория Л.С. Выготского о социальной адаптации личности и механизмах усвоения культурно-исторического опыта [Выготский 2008]. Кроме того, в диссертации использовались идеи, изложенные в работах крупнейших представителей семиологического направления (работы из области теоретической и прикладной семиотики) – Р. Барта [Barthes 2000, 2002, 2004], Л. Эбер [Hébert 2001], Ю.М. Лотмана [2000]. Помимо этого, при рассмотрении проблемы лингвистического изучения тропов и процесса метафоризации нами были изучены работы следующих авторов: В.Н. Телия [1988], Н.Ф. Крюковой [2005], О.С. Зубковой [2011 *а, б, в*, 2013; Zubkova 2016] и др. Теоретическая основа исследования подкреплена эмпирическими исследованиями, посвящёнными проблемам личности и деятельности ([Лурия 2007], [Леонтьев 2005]). Кроме того отметим значимость для данного исследования лингвосемиотической теории тропов О.С. Зубковой [2011 *а*, 2014 *а,б*, 2015, 2017 *а,б*]), постулирующей рассмотрение тропеической лексики как лингвосемиотических знаков с особой коннотативной маркированностью.

Материалом для исследования послужили записи 400 случаев употребления различных тропеических средств, встретившихся в публичной речи. Источником эмпирического материала стали информационно-аналитические программы "Воскресное время", "Время покажет", "К барьеру", "Поединок" (телеканалы "Первый", "НТВ", "Россия") за период с 2014 по 2017 год, новостные материалы телеканалов ARD и Deutsche Welle (2016-2017), записи предвыборных дебатов в Государственную Думу Российской Федерации 2016 года и дебаты кандидатов на пост Президента Соединённых Штатов Америки 2016 года (Дональда Трампа и Хиллари Клинтон), а также записи инаугурационных речей Б.Обамы (2009), В.В. Путина (2012), Д.Трампа (2017). Кроме того, анализу подверглись данные, зафиксированные в 400 скриптах, 2442 расшифрованных текстах и 875 контекстах функционирования тропов.

Достоверность результатов исследования обеспечивается тем, что теоретические выводы основываются на исследовании значительного количества эмпирических данных, подвергнутых анализу с применением взаимодополняющих методов и приёмов анализа. Кроме того, валидность практической части достигается за счет обработки и анализа 875 контекстов функционирования тропеических средств, 400 скриптов, 2442 расшифрованных текстов.

Апробация результатов исследования. Теоретические выводы и практические результаты исследования были представлены на конференциях различного уровня (Конференция, посвящённая 80-летию КГМУ "Язык. Коммуникация. Культура" 2015 г., "Жизнь языка в культуре и социуме - 5", 2015 г., "Язык и человек: проблемы когниции и коммуникации" 2016г., "Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации "Теория речевой деятельности: практика и эксперимент"" 2016 г., "Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка" 2016 г.) Ключевые

положения диссертации были представлены на аспирантских объединениях кафедры теоретической и прикладной лингвистики Юго-Западного государственного университета.

Основное содержание диссертационного исследования нашло отражение в 10 статьях, в том числе в 4 публикациях в рецензируемых научных изданиях, включённых в перечень российских рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК для опубликования основных научных результатов диссертаций.

Структура диссертации: работа состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографического списка.

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, сформулированы его основные цели и задачи, определяются предмет и объект анализа, описывается методологическая база, характеризуются материал и методы исследования, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту, а также приводятся сведения о структуре диссертации.

Первая глава содержит теоретический обзор литературы по вопросам исследования интонации в гуманитарной парадигме, исследования мелодики фразы, рассмотрение просодических характеристик устной речи публицистического стиля. Представлена эволюция научных представлений об интонации, проанализированы различные подходы к пониманию интонации как комплексного явления. Описаны основные особенности просодики публичной речи; особое внимание уделяется паузации как средству манипулирования аудиторией.

Вторая глава посвящена изучению средств языковой выразительности и их функционированию в спонтанной публицистической речи. Предложен анализ работ по исследованию тропеических средств в лингвистической парадигме, предпринята попытка ввести в научный

обход классификацию тропов с учётом задач исследования. Рассмотрены особенности функционирования механизма метафоризации применительно к предмету исследования, а также лингвoseмиотический аспект изучения тропеических средств.

Третья глава содержит эмпирическое исследование публичной речи с целью выявления интонационных характеристик тропеических средств.

Каждая глава диссертации завершается выводами.

В **Заключении** сформулированы основные результаты выполненного исследования, предложены основные выводы, намечены возможные перспективы дальнейшего научного поиска.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТОНАЦИИ

1.0 Вводные замечания

В данной главе представлены наиболее значимые точки зрения зарубежных и российских учёных на проблематику интонации, рассмотрено развитие научных представлений об указанном феномене. В качестве стиля речи, подлежащего изучению, был выбран стиль публичной речи как оказывающей реальное влияние на формирование массового сознания. Анализируются интонационные характеристики, присущие публичной речи, при этом особое внимание уделяется паузации.

1.1 Изучение интонации в гуманитарной парадигме

Впервые интонация стала объектом исследования в трудах древнегреческих ораторов, что было обусловлено потребностями демократического общества [Аристотель 1996]. Политические деятели обращались к народу напрямую, при этом было необходимо убедить собравшихся в своей правоте и уметь противостоять своим оппонентам. Влияние на аудиторию достигалось благодаря разнообразию интонационных конструкций, подкреплявшихся соответствующими жестами и мимикой. Учитывая особенности государственного строя, обучение ораторскому искусству и риторике стало высшей ступенью образования, поэтому античные ораторы начали проводить теоретические обобщения основ ораторского искусства. В IV веке до н.э. Аристотель первым осуществил философское обобщение достижений риторики. Философ определял риторику как способность находить возможные способы убеждения относительно конкретного предмета и выделял три

вида речей: совещательные, судебные и эпидиктические (цит. по: [Брынская 1987]). Судебные речи были особенно распространены. Судебное право было весьма запутанным, обвиняемым было необходимо привлечь симпатии судей на свою сторону, но далеко не все были наделены даром красноречия, поэтому некоторые участники судебных процессов прибегали к помощи людей, обладавших ораторским талантом, называемых логографами. Известны случаи, когда один и тот же человек писал речи и для обвиняемого, и для обвинителя [Плутарх 1994].

Как отмечает Е.Н. Корнилова, одним из известных теоретиков и преподавателей красноречия был Горгий, живший в V в до н.э. и завоевавший признание именно своими эпидиктическими речами. Прославился он благодаря своему призыву к объединению против варваров; в память об этом выступлении в Олимпии была высечена скульптура Горгия. Ораторское мастерство Горгия было во многом новаторским. Выступления Горгия славились симметрично построенными фразами и разнообразием тропеических средств (эпифора и анафора, метафора, сравнение, антитеза, оксюморон, аллитерация, ассонанс), а также чётким ритмическим строем речи и рифмой. Данные особенности известны по сей день как "горгианские фигуры" [Корнилова 2006: 67].

Традиции, заложенные Горгием, продолжил Исократ, одной из особенностей речей которого была плавность, достигавшаяся при избегании стыка гласных в конце слова и в начале следующего за ним. Исократ одним из первых высказывает суждение о большей эффективности устных речей по сравнению с речами, предназначенными для чтения, что доказывает его признание важности акустических характеристик публичной речи. Особое значение интонационной окраске голоса придавал Демосфен, являвшийся одним из величайших мастеров судебной речи. Выступления Демосфена характеризовались логичностью,

патриотизмом, величием, ритмичностью, что достигалось при помощи использования парных синонимов [Гаспарова 1985].

В эпоху эллинизма получило распространение подражание мастерам-ораторам античного периода. Гегесий Магнесийский, пытаясь усовершенствовать стиль классиков, использовал в своей речи короткие фразы, использовал неестественную инверсию, обращал внимание на чёткость ритма и обилие тропеических средств. Учитывая утрату политической свободы Греции, ораторское искусство продолжило своё существование в основном в эпидектическом жанре. При этом на первый план выходят именно прозаические выступления риторов, оттесняя на второй план поэзию. Однако проза приобретает множество поэтических черт, таких как ритмичность, использование большого количества тропеических средств, голосовые модуляции и искусная сопроводительная жестикация [Плутарх 2000].

В Римской империи известнейшим оратором был Цицерон, изучавший ораторское искусство в Греции. С интонационной точки зрения речи Цицерона состояли из коротких простых фраз, сменявшихся восклицаниями, вопросами и длинными периодами, делившимися на части с чётко выраженной метрической формой и звучными окончаниями. В своём трактате "Об ораторе" Цицерон рассуждает о принципах построения и содержания речи, а также её оформлении, подчёркивает важность ритмичности, периодичности и интонирования речи, причём считает важность акустических характеристик речи очевидной: *"Ли надо мне еще говорить о самом выполнении, которое требует следить и за движениями тела, и за жестикацией, и за выражением лица, и за звуками и оттенками голоса?"* [Цицерон 2000:5] В трактате "Оратор" Цицерон высказывает своё мнение об использовании различных стилей речи в зависимости от её содержания, предлагает собственную теорию ритма [Цицерон 2000].

В эпоху средневековья классическое ораторское искусство оказалось невостребованным, так как отсутствовала публичная политика и основные демократические институты. Принципы состязательности в суде отменились. На все была воля феодала. Востребованность риторики пошла на убыль. Падение рабовладельческой Римской империи в конце V в. знаменовало собой переход к новой феодальной формации. Новая социально-экономическая организация обусловила существование изменения во всех сферах духовной жизни, в том числе и в риторике [Антисери 2003].

Заметим, что господствующим жанром становится церковное красноречие. Некоторые священники, благодаря искусству проповеди, приобрели огромную популярность. Церковная проповедь обратила свое слово и к богатому вельможе, и к бедному крестьянину, и она стала самой распространенной формой устного массового общения и одновременно инструментом политической проповеди. Проповедование предполагало довольно высокий уровень ораторского мастерства. На основе проповеди развивается средневековое ораторское искусство, воспринявшее основные нормы античной риторики и формальной логики [Антисери 2003].

Несмотря на религиозную окраску, ораторское искусство средневековья приобрело новые качества. Прежде всего это связано с появлением абсолютного авторитета в виде определённой религиозной догмы. О чем бы ни говорил священник, он соотносил свои суждения и выводы со Священным писанием. Прославленными ораторами Средневековья были Аврелий Августин и Иоанн Златоуст. Аврелий Августин, будучи человеком образованным в лучших традициях античности, был сторонником культурного обогащения христианства и считал, что высшая истина выигрывает от простоты изложения [Введенская 1996]. В выступлениях Иоанна Златоуста постоянный контакт со слушателями был обеспечен виртуозно разработанной системой

использования примеров, вызывающих возражения, риторических вопросов как от себя, так и от лица слушателей. Многочисленные анафоры, восклицания, вопросы, прямые обращения к аудитории, совершенство прозаической ритмики, а также общая продуманность, выдержанность, последовательность тона придавали его речам потрясающую экспрессивность и эмоциональную выразительность. Прерывающийся ритм и отрывистые фразы делали манеру Иоанна страстной, нервной, захватывающей. Именно за соединение простоты и ясности речи с высокой степенью экспрессии и эмоционального воздействия Иоанна и назвали "Златоустом"[Введенская 1996].

Возрождение античных традиций красноречия в Западной Европе начинается в эпоху Ренессанса (XIV–XVI вв.). Появление первых университетов (Сорбонна, Оксфорд и др.) сформировало традиции академического красноречия, поскольку каждый профессор должен был читать свой собственный лекционный курс, а одной из основных учебных форм были диспуты. В форме диспутов проходила и защита диссертаций. К XVI в. ораторское искусство становится неотъемлемой частью европейской культуры, что связано с именами Т. Компанеллы, Т. Мора, Э. Роттердамского [Уколова 1989].

Началом первого этапа становления науки об интонации стал выход в 1551 г. первой книги о мелодике английской речи, в которой автор Джон Харт предпринимал первые попытки разобраться в просодических особенностях английского языка. Именно он вводит такие термины, как фразовое ударение, фразовые единицы, различение интонации вопросительных и восклицательных предложений, первое упоминание о нисходящем тоне, что дало толчок дальнейшему обособлению интонологии [Wolfe 1972].

В XIX в. значительное влияние на развитие фонетической теории оказала работа А.М. Белла "Видимая речь", вышедшая в 1867 г. (Visible

Speech, the science of universal alphabets; or self-interpreting physiological letters, for the writing of all languages in one alphabet illustrated by tables, diagrams and examples). Книга не была вызвана потребностями сравнительно-грамматических исследований, она должна была помочь исправлению недостатков произношения и обучению красноречию. С помощью своих знаков и их сочетаний А.М. Белл фиксировал также и неречевые звуки: свист, сопенье, звук поцелуя, вздохи и другие звуковые выражения эмоций. А.М. Белл способствовал популяризации своей транскрипции, поэтому описал ее в более простой форме в книге 1882 г. "Звуки и отношения между ними" (Sounds and their relations), проиллюстрировав ее применение к английскому, немецкому, французскому языкам в форме таблиц звуков и записи текстов [Bell 1882].

Транскрипционная система А.М. Белла является аналитической: в ней предложены символы не для звуков, а для положений и иногда движений артикулирующих органов: языка, губ, голосовых связок, предлагаются и комбинации элементарных обозначений. Кроме того, А.М. Белл предусматривает возможность отметить модификации звуков: более глубокое или более переднее образование согласных, "смешанные" артикуляции, например, действие задней части языка и лабиализация, что в современной теории описывается как дополнительная артикуляция лабиализации или же подъем средней части языка при образовании преграды кончиком языка, т.е. палатализация. Эта транскрипция не требует дополнительного описания тех звуков, которые обозначены с ее помощью, она сама содержит в себе звуковую интерпретацию.

Транскрипционной системой А.М. Белла пользовался его последователь Генри Суит, который внес в нее некоторые изменения, но широкого распространения она не получила [Sweet 2015]. Основным фонетическим трудом Г. Суита, в котором он в ясной форме изложил свои взгляды и развил идеи Белла относительно классификации гласных, вышел

в 1877 г. (Handbook of phonetics, including a popular exposition of spelling reform), в последствии трижды переработанный. Позднее вышло описание английской фонетики, содержащее множество сведений общefonетического характера (The sounds of English. An introduction to phonetics). Общий подход Г. Суита к основным проблемам фонетики и его приверженность к взглядам А.М. Белла на артикуляторную классификацию звуков речи оставались постоянными; изменения касались только некоторых частных, в связи с новыми сведениями в фонетической литературе [Sweet 2015].

Все труды Г. Суита по фонетике написаны как руководства для учащихся, они отличаются четким, ясным и лаконичным изложением, в них практически нет обсуждения спорных вопросов, но все они содержат рекомендации, как овладеть навыками артикуляции и восприятия различных звуков. Г. Суит подчеркивает, что для изучения фонетики недостаточно усвоить материал учебника, необходима практика наблюдения своего и чужого произношения. В труде 1877 г. Г. Суит не применяет транскрипционные знаки Белла, а обозначает звуки с помощью латинских букв и сочетаний букв. Сама по себе транскрипция Г. Суита имеет много неудобств, особенно из-за использования для разных типов звуков прямого шрифта и курсива, но большой интерес на наш взгляд представляют рассуждения автора о принципах фонетической записи звуков того или иного языка. В этом случае, полагает Г. Суит, нет необходимости фиксировать все обнаруженные различные звучания, а *"...необходим алфавит, в котором отмечены лишь те более значительные различия между звуками, которые соответствуют различиям в значении"* [Sweet 2013: VII], оттенками же можно пренебречь, поскольку они не меняют значения слов. "Каждый язык использует лишь некоторые звуковые различия" [Sweet 2013: VI]. Г. Суит формулирует общее правило: "В любом языке требуют обозначения только те звуковые различия,

которые независимо значимы (independently significant)" [там же: VI]. Такую транскрипцию автор называет "широкой" (broad), в отличие от другой, "узкой" (narrow), в которой отражаются все звуковые различия, без учета их языковой значимости. Эти рассуждения о двух видах транскрипции вполне соответствуют фонологической теории; в сущности, речь идет о разнице между фонемными оппозициями и аллофонным варьированием. Подчеркнем, что впервые в труде по общей фонетике эти различия сформулированы столь четко.

Позднее, в "Основах фонетики" Г. Суит применил транскрипцию А.М. Белла; помимо общих таблиц классификации гласных и согласных, приводятся таблицы звуков трех европейских языков: английского, немецкого, французского (которые соотносятся и со знаками в латинском алфавите), а также образцы транскрибированных текстов. Однако несмотря на многочисленные публикации А.М. Белла и использование этой формы записи Г. Суитом, она осталась лишь образцом еще одной транскрипции аналитического характера, не нашедшей практического применения, несмотря на всю её логичность и продуманность.

Г. Суит разработал систему интонирования речи, в которую он включил музыкальные знаки, однако эта система оказалась слишком сложной для людей, не имевших музыкального образования, но именно на основе транскрипции Г. Суита был в дальнейшем создан международный лингвистический алфавит [Sweet 2015]. Ж.Ж. Руссо отмечал, что просодия является главной отличительной особенностью языков. К концу XIX века лингвисты выделяли 5 голосовых уровней, и учёные стали посвящать работы уже ритму речи, а затем предметом интереса стали индивидуальные особенности речи. Нельзя не отметить вклад в науку авторов системы интонирования Д. Джоунза и Г. Клинхардта, автора структурного деления интонации Г.Е. Палмера, а также Л.И. Армстронга и С. Уорда, которые провели научный анализ английской интонации. В 1886

году была создана Международная Ассоциация Фонетистов (Париж, П. Пасси). Благодаря работе Ассоциации выпускался журнал для преподавателей фонетики, был создан Международный фонетический алфавит (на основе транскрипции Г. Суита). С начала XX века начинаются исследования акустических характеристик звуков и эмоциональной окраски речи, и интонацией интересуются уже не только лингвисты, но и психологи, физиологи, врачи и музыканты (см. напр. [Выготский 2013]; [Лурия 1928]). Однако большое количество теорий интонации и субъективных мнений лингвистов привело к тому, что эмоциональная сторона речи оказалась изучена больше, чем просодические особенности. Подчёркнём, что, несмотря на разнообразие исследований, чётко обоснованной единой теории интонации до сих пор не существует.

В России становление ораторского искусства связано с именем М.В. Ломоносова. Его книга "Краткое руководство к красноречию" 1748 г. стала первым русским учебником по риторике. В книге уделяется внимание различным теоретическим и практическим вопросам риторики, дается определение красноречия как искусства [Ломоносов 1748]. Ломоносов вслед за античными авторами разделяет риторику на три части:

- 1) изобретение – мысли и идеи, которые автор желает донести до слушателей;
- 2) украшение – языковые приемы, лексические и синтаксические средства, с помощью которых автор облекает мысль в языковую форму;
- 3) расположение – правила и приемы, которыми необходимо владеть, чтобы объединять отдельные предложения и высказывания в когерентный текст [Ломоносов 1748].

Благодаря активной деятельности М.В. Ломоносова риторику стали преподавать в духовных учебных заведениях и в университетах.

В XVII-XIX вв. с развитием театрального искусства интонацию начинают рассматривать как важный элемент сценической речи. Для актера, как и для оратора, звучащая речь — основное средство передачи мыслей, чувств, средство воздействия на зрителей, поэтому актер должен уметь использовать все возможности языка, знать его законы. В ораторском искусстве интонация является важнейшим лингвистическим средством воплощения замысла оратора и его эмоций, а также преднамеренным и осознанным средством воздействия на зрителя. Интонационные особенности сценического монолога в речи актера проявляются в модуляциях громкости и движении голосового тона, изменениях тонального уровня и диапазона звучания, в вариативности скорости произнесения, особенностях голосового тембра, в расстановке фразового ударения, локализации пауз, а также в использовании паралингвистических средств речи (мимика, жесты) [Блох 2000]. Для описания интонационно-стилистических особенностей анализируемого сценического монолога рассматриваются следующие аспекты: паузальное членение (синтаксические, синтагматические, логические, экстралингвистические паузы и паузы hesitation), фразовое ударение (централизованное и децентрализованное), ритм, темп (характеризуется вариативностью в зависимости от эмоционального состояния человека), громкость (зависит от содержания речи, от ее цели и коммуникативно-прагматической направленности), тембр (формирует оценку и восприятие происходящих событий), мелодика [Захарова 2016]. Интонационной единицей строя сценического монологического текста, по исследованию М.Я. Блоха, является диктема, которая обладает всеми признаками текста: наличие композиции, языковых средств, обеспечивающих связность высказывания, содержание определенного вида информации, стилистические, фоностилистические и интонационные особенности [Блох 2000].

Структура диктемы как коммуникативной единицы языка находится в прямой зависимости от стратегии и интенции говорящего. Диктема является когерентной составляющей в структуре сценического монологического текста. Выражая определенную микротему, диктема характеризуется наличием выделенности ключевых слов, наличием тематико-смысловых центров и экспрессивно выделенных участков [Захарова 2016].

Специалисты по выразительному чтению, актерскому мастерству, сравнивая сценическую речь с обыденной, определили особенности ее интонации. На примере анализа художественного произведения они показали, какую функцию выполняет интонация, каковы ее составляющие, с какой интонацией следует читать то или иное произведение.

Особое внимание уделялось связи пунктуации с характером произношения текста, подчеркивалось, что знаки препинания определяют место пауз и их длительность, указывают границы речевых отрезков, требуют повышения или понижения тона. Уже в то время правильно определили зависимость интенсивности произношения от логического ударения, от порядка слов в предложении, от того, к какой части речи принадлежит слово, каким членом предложения является и какое место в нем занимает.

В XIX в. издаются книги по риторике Н. Кошанского [Кошанский 2013], А. Мерзлякова [Мерзляков 2013], А. Галича [Галич 1830], М. Сперанского [Сперанский 1844], П. Победоносцева [Победоносцев 1865], а также переводятся на русский язык древние риторические произведения. Политическое красноречие в XVIII – XIX вв развивалась недостаточно динамично вследствие отсутствия политических свобод и демократических институтов. При этом очень ярко было представлено академическое красноречие, в основном благодаря преподавателям

университетов Т.Н. Грановскому, С.М. Соловьеву, чуть позже – И.С. Сеченову.

Видным оратором был В. О. Ключевский. Очевидцы говорят, что прозрачна была его звуковая сторона – у него был хорошо поставленный голос. Он говорил тихо, спокойно и в то же время привлекательно. В. О. Ключевский владел даром художественного внушения. Ему был свойственен едкий сарказм, контрастный штрих при общении, неожиданная метафора или шутка. Глубокое знание истории позволяло ему часто применять афоризмы [Ключевский 1993].

Теоретические высказывания о характере русской интонации и советы по практическому ее использованию в сценической речи обобщил и развил дальше выдающийся режиссер, актер, педагог, теоретик театрального искусства Константин Сергеевич Станиславский. В ходе экспериментов со своим голосом, следя за его изменениями в результате специальных упражнений, внимательно прислушиваясь к интонации драматических и оперных актеров, беседуя с мастерами сцены об их работе над голосом, Станиславский пришел к выводу: характер интонации, окраска голоса зависят от звучания как гласных, так и согласных. Он любил повторять фразу: *"Гласные — река, согласные — берега"* [Волконский 2012: 127]. Пение с рыхлыми согласными, по образному выражению Станиславского, уподобляется реке без берегов, превратившейся в разлив с болотом, с топью, в которых вязнут и тонут слова [Станиславский 2015].

Разрабатывая теорию интонации, он стремится осмыслить роль и функцию согласных в звучащей речи, их отличительные физиологические и акустические особенности.

По убеждению К.С. Станиславского, чтобы овладеть в совершенстве интонацией, необходимо знать, при каком положении рта, губ, языка образуются те или иные звуки, т.е. знать устройство речевого аппарата. И

не только знать его устройство, но и четко представлять, какой оттенок приобретает звук в зависимости от того, в какой полости он резонирует, куда направлен.

К.С. Станиславский придерживался теории о естественном происхождении звуков, слогов, слов. Он считал, что они "подсказаны нашим инстинктом, побуждениями, самой природой, временем и местом, самой жизнью" [Станиславский 2015].

Пражская лингвистическая школа предложила теорию высказывания, в рамках которой изучаются системные средства формирования высказывания, поэтому представители этой школы относят высказывание не к речи, а к языковой системе. Чешский учёный Ф. Данеш отмечал, что понятие высказывания нельзя отождествлять ни с одноразовым речевым актом (и, таким образом, причислять его к речи), ни с предложением как грамматической структурой. Он многократно указывал на системный характер высказывания, отмечая, что построение высказывания во всех ярусах подчинено действию определённых норм, поэтому как высказывание, так и схемы высказывания относятся к системным формациям языка [Данеш, Гаузенблас 1974].

Конец XX в. считается началом второго этапа развития интонологии. Объект интереса лингвистов - аспекты речи и особенности разных языков и диалектов мира, в основе которого лежит предположение о различии не только лингвистического состава языков, но и их интонационных моделей. Так, например, британский, американский и индийский варианты английского языка характеризуются разными интонационными моделями [Шивнани 1990]. Растёт интерес к т.н. тональным языкам. Абсолютно новаторской стала предложенная в 80-х гг. Д. Брэйзилом теория, получившая название "Discourse Intonation" (интонация дискурса), согласно которой учёные изучают речь в реальных условиях с реальными собеседниками. Предлагается чёткое разграничение книжной и реальной

речи, причём именно реальная речь изучается в экспериментах. На сегодняшний день существует множество исследований, посвящённых реализации просодического фактора в условиях профессионального дискурса, и особенностям использования некоторых компонентов интонации, но такая проблема, как интонационное оформление тропеических средств, являющихся неотъемлемой частью не только литературных произведений, но и яркой особенностью современной публичной речи, ещё не рассмотрена.

Существует множество определений интонации, но среди них выделяются две основные группы. Согласно определениям первой группы, интонация отождествляется с мелодикой. По наблюдениям А.М. Антиповой, данная точка зрения поддерживается американскими и английскими лингвистами, при этом компоненты интонации, их особенности и количество отличаются в работах отдельных авторов [Антипова 1979]. Представители русской лингвистической школы считают интонацию сложным единством нескольких компонентов, при этом состав компонентов в работах учёных также различен. Согласно А.М. Пешковскому, интонация — это "*единство мелодики, ритма и тембра*" [Пешковский 1928: 73]. По В.М. Всеволодскому-Гернгрессу, интонация — это "*последовательность тонов, отличающихся по высоте, силе, тембру и темпу*" [Всеволодский-Гернгресс 1922:34]. Г.П. Торсуев считал, что интонацию составляют мелодика, распределение ударения, ритм, темп и тембр произнесения высказывания [Торсуев 1954]. Компонентами интонации, предложенными В.А. Васильевым, являются речевая мелодия, фразовое ударение, темпоральный компонент, включающий в себя ритм, паузацию и длительность, а также тембральный компонент [Васильев 1965]. А.М. Антипова включает в понятие интонации речевую мелодию, фразовое ударение, временные характеристики, а именно длительность, темп и паузацию, ритм и тембр, т.е. качество голоса [Антипова 1979]. Идеи

и концепции рассмотрения различных аспектов звучащей речи развивались в трудах М.Я. Блоха, Е.Л. Фрейдиной и Е.В. Великой, благодаря чему "возможен глубокий лингвистический анализ звучащей эмоционально окрашенной речи различной стилевой принадлежности"(цит. по:[Захарова 2016: 27]).

Интонация была объектом исследования и у британских учёных. В работах, посвящённых интонации, увидевших свет благодаря британским исследователям, возможно выделить два направления: контурное и грамматическое. Согласно контурной теории, за единицу исследования принимается синтагма или тональная группа. Контурная теория имеет глубокие корни и поэтому получила широкое распространение. Сторонниками контурной теории являлись Г. Суит [Sweet 2013], Г. Пальмер [Palmer 1950], Л. Армстронг [Armstrong 1953], Дж. О'Коннор [O'Connor 1973].

Стоит отметить, что многие лингвисты, поддерживающие контурную теорию, рассматривают интонацию как "своеобразное наложение" [Антипова 1979: 38], которое перемещается по лексико-грамматической структуре, меняя её значение. Такой подход возможен потому, что тональный контур, благодаря своей многофункциональности, создаёт впечатление способности "наслаиваться" на любую грамматическую структуру [там же: 39]. Однако интонационная и лексико-грамматическая структура тесно связаны. Интонационные средства являются составной частью высказывания. Что касается классификации высказываний, то она часто даётся сторонниками контурной теории по типу мелодики или типу грамматической структуры, без учёта его коммуникативного назначения.

Второе направление в британской лингвистике называется грамматическим и его автором является М. Халлидей [Halliday 1967]. М. Халлидей считал основой интонационной системы грамматическую единицу - предложение. При этом, по М. Халлидею, *"интонация не имеет*

собственного значения, но подлежит рассмотрению наряду с интонационными средствами выражения грамматических категорий" [Halliday 1967: 176].

В отличие от контурной теории, теория М. Халлидея основана на тесном взаимодействии интонационного и грамматического аспектов. К тональным единицам М. Халлидей причисляет *tonality*, *tonicity* и *tone*. Считается, что все эти единицы служат для выражения разных сторон грамматической системы. Большинство современных разработок в области фоностилистики основаны на классической типологии коммуникативных ситуаций, предложенной М. Халлидеем, в основе которой лежат следующие категории: регистр, поле, тональность и модус. Регистр определяется сферой деятельности и участниками коммуникации. Поле (*field*) (*переводы здесь и далее выполнены нами - М.Б.*) характеризует предметно-тематическую область общения. *"Тональность (tenor) отражает характер отношений участников коммуникации (равноправие или подчиненность, степень знакомства, общность интересов и т. д.) Модус характеризует канал общения (устная или письменная, подготовленная или спонтанная речь)"* [Фрейдина 2013: 48].

Таким образом, *tonality* – это единица, служащая для выделения отдельных тональных групп. По М. Халлидею [Halliday 1967], выделение тональных групп может быть нейтральным и маркированным. Нейтральным считается такое членение, при котором тональная группа совпадает с предложением. Явление, при котором границы предложения и тональной группы не совпадают, носит название маркированной тональности.

Tonicity служит для выделения смыслового центра предложения. М. Халлидей и здесь выделяет случаи нейтрального и маркированного характера. К нейтральной выделенности относятся случаи реализации терминального тона на последнем смысловом слове предложения. При

реализации терминального тона на любом другом слоге выделенность считается носящей маркированный характер. Также считается возможным выделение во фразе уже известной (темы) и новой (ремы) информации, причём именно рема считается ядром, информационным центром высказывания, и именно она подлежит выделению при помощи ядерного тона. Но, как отмечает Е.Н. Митрофанова, полное совпадение между ремой и положением ядерного тона в предложении наблюдается не всегда [Митрофанова 2012].

Tone – третья единица в системе М. Халлидея. Он выделяет в системе тонов первичную и вторичную системы. Ко вторичной системе относятся предтерминальные тональные изменения. По мнению М. Халлидея, тоны передают отношение говорящего, однако следует особо подчеркнуть, что М. Халлидей не занимался подробным рассмотрением этого вопроса.

Говоря об американской интонационной лингвистической школе, нельзя не упомянуть исследования К. Пайка, который понимал интонацию как изменение высоты тона [Pike 1945]. По К. Пайку, единицами интонации являются высотные уровни и мелодические контуры. К. Пайк выделял четыре высотных уровня, присваивая им определённые номера, но отмечая их относительный характер, т.к. *"уровни не имеют фиксированной частотной полосы, и проявление уровней в речи разных людей также индивидуально"* [Pike 1945: 103]: (1) сверхвысокий, (2) высокий, (3) средний, (4) низкий. К. Пайк считал, что уровни не несут семантической или эмоциональной нагрузки, поэтому функция передачи значений была возложена на контуры. Выделяются основной (с реализацией на ударном слоге) и предударный виды мелодических контуров. Два этих контура складываются в общий контур, причём предложение может состоять более чем из одного общего контура. В том

случае, если в предложении выделяется более одного контура, на их границе будет замечен мелодический разрыв.

В своих работах К. Пайк не затрагивал другие аспекты интонации, полностью сосредотачиваясь на контурах. Он не изучал взаимосвязь между интонацией и значением высказывания, хотя термин "значение" употребляется в его работах достаточно часто. Значение по К. Пайку — это, скорее, эмоционально-модальное отношение говорящего к высказыванию, а не смысл самого высказывания [Pike 1945].

Другой американский лингвист Д. Болинджер [Bolinger 1964] выдвинул теорию о четырёх уровнях:

1) полностью грамматикализованный уровень — к этому уровню относятся фразовое ударение, терминальные тона, уровни и членение;

2) частично грамматикализованный уровень — данный уровень характеризуется слитностью эмоциональной и логической информации, так называемый "уровень контролируемых эмоциональных значений". Особое внимание при изучении этого уровня уделяется движению мелодики в ударных словах относительно мелодического контура;

3) частично неграмматикализованный уровень — несёт в себе "неконтролируемые эмоциональные значения" [там же: 53]. Особо важным на этом уровне Д. Болинджер считал изучение изменений мелодики в неударных слогах;

4) полностью неграмматикализованный уровень — уровень, где преобладают эмоции, здесь изучаются диапазоны и высокие уровни [Bolinger 1964: 53].

Несмотря на отсутствие чётко определённых границ между уровнями, на спорное отнесение различных интонационных явлений к разным уровням, нет ни одного аспекта, который остался бы нерассмотренным. Для цели нашего исследования интересным

представляется исследование Д. Боллинджера мелодики безударных слогов и анализ передаваемой этими слогами информации.

Рассматривая интонацию, необходимо помнить, что объектом исследования всегда является интонационная группа. Как уже было сказано, существует предтерминальная часть интонационной группы, так называемая шкала. Мелодика этой части может быть нисходящей, восходящей и ровной, в связи с чем выделяются три соответствующих вида шкал. Если рассматривать движение мелодики в ритмических группах, то можно говорить о ступенчатых (характеризующимся ровным мелодическим движением в ударных слогах), скользящих (характеризующихся скольжением вниз) и скадентных (характеризующихся скольжением вверх) [Антипова 1979].

К настоящему времени и в интонологии накоплен большой фактический материал, освещающий просодию и интонацию языков различных групп и семей. Созданы нередко конкурирующие интонологические концепции большой объяснительной силы. Таковы, в частности, концепции Т.М. Николаевой [Николаева 2001], И.Г. Торсуевой [Торсуева 1979], Н.Д. Светозаровой [Светозарова 1982], М.К. Румянцева [Румянцев 1972], Е.А. Брызгуновой [Брызгунова 1977], Л.В. Златоустовой [Златоустова 1986], С.В. Кодзасова [Кодзасов 2001].

При изучении русской интонации можно выделить два основных подхода, соотносящихся с различными аспектами в процессе речевого общения:

1) семасиологический — от средств выражения (форм) к их значению (смыслу), ориентирующийся на слушателя, на понимание услышанного (см. напр. [Караулов 1987]);

2) ономасиологический — от значения (смысла) к средствам выражения (форме), ориентирующийся на говорящего, стремящегося к самовыражению (см. напр. [Кодзасов 2001]).

В связи с новейшими теоретическими исследованиями в области лингвистики текста (Т.М. Николаева [Николаева 2001], Е.А. Брызгунова [Брызгунова 1977], Л.В. Златоустова [Златоустова 1986] и др.), сегодня получил широкое распространение второй, ономаσιологический подход к описанию и преподаванию русской интонации в иностранной аудитории.

Так, например, Е. А. Брызгунова вводит термин "интонационная конструкция" (ИК), под которым понимает "тип соотношения тона, тембра, интенсивности и длительности звучащей речи, способный противопоставить несовместимые в одном контексте смысловые различия высказываний с одинаковым синтаксическим строением и лексическим составом или высказываний с разным синтаксическим строением, но одинаковым звуковым составом словоформ" [Брызгунова 1977: 58]. Е.А. Брызгунова назвала свой подход фонологическим, поскольку интонационные конструкции сравниваются с фонемой, т. к. они, как и фонемы, способны различать смыслы при одном и том же лексико-грамматическом составе высказывания.

Подход Е.А. Брызгуновой, по сути, явился значительным шагом к пониманию интонации в семантическом плане. Семантический подход более тщательно стал разрабатываться Т.М. Николаевой [Николаева 2001], С.В. Кодзасовым [Кодзасов 2001]. Интонация рассматривается ими как взаимоотношение плана содержания и плана выражения, что представляется весьма ценным для нашего исследования.

Одно из лучших описаний интонации русского литературного языка в зарубежной лингвистике предложила С. Оде [Odé 2007]. В основе ее исследования лежит выявление типов тональных акцентов и их контекстуальных функций. Сесилия Оде является последователем перцептивного подхода к изучению интонации: все формы тональных акцентов (за основу берётся характер тонального движения) и их контекстуальные функции выявляются, а затем проверяются в

перцептивных экспериментах с носителями русского литературного языка. Подход основан на том, что одни тональные изменения "*перцептивно релевантны*" (т. е. при восприятии слушателем соотносятся с определенным интонационным типом), а другие — нет (цит. по: [Ломыкина 2006:76]).

Другим важным моментом в процессе интегрального описания интонационной системы языка, в том числе в лингводидактических целях, является разграничение, согласно традиции Л.В. Щербы [Щерба 1962], аспекта языковой системы, аспекта речевой системы и аспекта речетворческой деятельности языковой личности.

Так как в науке нет единого понимания интонации, то при узком понимании учёные ограничиваются высотным, или мелодическим, компонентом интонации. Так, представители Московской фонологической школы определяют интонацию как повышения и понижения тона при произнесении фразы, учитывая лишь мелодику речи. Темповые, тембровые характеристики, сила звучания отдельных слов, паузы не учитываются, эти изменения понимаются ими как "*непременные сопроводители определенных типов движения тона, и поэтому их не следует рассматривать как особые, самостоятельные признаки; они — тень движения тона*" [Панов 1979: 83]. Представители Петербургской фонологической школы (Л.В. Щерба [Щерба 1962], Л.Р. Зиндер [Зиндер 2007], Л.А. Вербицкая [Вербицкая 1992]) определяют интонацию как комплекс фонетических средств, передающих значение законченности, незаконченности, побуждения и иных модальных значений. В понятие интонации они включают изменения интенсивности, длительности, тембра речевого такта, фразы.

Однако интонация является объектом исследования не только в лингвистике, но и в других гуманитарных науках. Так, например, в психологии такие характеристики, как паузация и высотная организация

звуков помогают определить психологическое состояние человека, что на практике позволяет оказать необходимую психологическую помощь [Зейгарник 1962]. В клинической психологии и психиатрии интонация представляется объектом изучения как проявление психических заболеваний. В искусствоведении значительное внимание уделяется интонированию музыкальных произведений. Известны исследования интонации в профессиональном дискурсе (см.напр. [Баламакова 2010], [Месропян 2013]).

Рассмотрение интонации с позиций психолингвистики акцентирует внимание на связи интонации как с общими особенностями высшей нервной деятельности индивида, так и со "спонтанными характеристиками его психического состояния в конкретной жизненной ситуации" (см.напр.: [Леонтьев 2008: 128]). Изучению подлежат её ритмико-интонационные просодические характеристики, а именно высота тона, темп речи, интенсивность звучания и т.д. Однако среди лингвистов нет единого мнения относительно терминов "интонация" и "просодия". Существует два взгляда на функционирование в научной речи данных терминов. Многие исследователи, например, С.В. Кодзасов, считают, что интонация — это "единство просодических элементов, таких как мелодика, ритм, темп, логическое и фразовое ударение, задачей которого является передача синтаксических и эмоциональных значений" [Кодзасов 2001: 36]. Другие лингвисты полагают, что между данными понятиями есть разница. Л.В. Златоустова считает, что интонация *"необходима для передачи основного смысла высказывания, в то время как просодия объединяет речь, благодаря сверхсегментным средствам"* [Златоустова 1983: 42]. На разных уровнях высказывания существуют свои просодические характеристики. На уровне слога наиболее распространённой просодической характеристикой является тон. В некоторых языках, таких как китайский, выбор тона влияет на семантику слова. На уровне слова главным

просодическим признаком является ударение, причём в разных языках функции ударения различны. Так, например, в то время как для чешского языка характерно фиксированное ударение на первом слоге, в русском языке расположение ударения носит смысловозначительную функцию, например: *záмок* — *zamók*. Нельзя также забывать, что грамматическое и фонетическое слово могут не совпадать, так как фонетическое слово может включать безударные служебные слова, находящиеся рядом с полнозначным словом. На уровне предложения имеют значимость тон, паузация, громкость, тембр голоса, причём на данном уровне просодические средства могут быть использованы как локально, т.е. быть реализованными на ударных слогах, так и интегрально, т.е. являться характеристикой всей интонационной группы, как в случае с актуальным или тема-рематическим членением предложения [Митрофанова 2012].

Просодическими характеристиками предложения являются, в частности, ядерные тоны, ударение и паузы. Единого мнения на количество тонов в различных языках также не существует; например, в английском языке выделяется от 2 до 16 тонов. Учёными признаются определённые общие закономерности значения тех или иных тонов: нисходящие тоны служат для передачи уверенности, завершённости, независимости высказывания; восходящий тон любого уровня начала и диапазона служит для выражения неуверенности, незавершённости, зависимости высказывания; вводные слова и второстепенная информация обычно оформляются либо при помощи восходящей интонации, либо тона среднего уровня (см. напр.: [Антипова 1979], [Брызгунова 1977]). Употребление этих ядерных тонов также обусловлено тем, что предложение ещё не завершено, и его понимание будет зависеть от продолжения высказывания. Что касается ударения, то принято различать синтагматическое, фразовое и логическое. Синтагматическим называется ударение, которое *"выделяет наиболее важное по смыслу слово в*

синтагме" [Строкина 1998: 137]. Фразовое ударение определяется по-разному. Некоторые учёные отождествляют его с синтагматическим ударением. Л.Р. Зиндер считает фразовым ударением ударение слова, *"включённое в ткань интонации как её элемент"* [Зиндер 1968: 97]. Т.С. Строкина придерживается мнения, что фразовым стоит считать ударение, которое выделяет самое важное по смыслу слово во фразе. Логическое ударение - это *"фразовое ударение, выделяющее в составе фразы слова, которые обычно фразового ударения не несут"* [Строкина 1998: 149]. Логическое ударение призвано выделять ту часть предложения, которую говорящий считает наиболее важной. Поэтому логическое ударение может падать даже на предлоги, союзы и личные местоимения. Пауза – это *"основное средство членения развёрнутого высказывания на интонационные группы меньшей протяжённости"* [там же: 119]. Паузы могут быть межфразными и внутрифразными и различаются по своей продолжительности. Необходимо также учитывать, что просодическое оформление нейтральной и эмоционально-окрашенной речи будет различным.

Благодаря изучению просодических особенностей речи индивида возникли новые направления в психолингвистике, например, судебная психолингвистика, в рамках которой происходит изучение и анализ языковой личности - автора текста, что способствует раскрытию судебных дел (см. напр.: [Леонтьев 1977]). Особый интерес представляет исследование проблемы идентификации личности по особенностям устной речи. Темп, громкость, высота основного тона, диапазон, высотный контур - все эти характеристики способствуют идентификации личности, а также определению эмоционального и физического состояния индивида. В судебной психолингвистике изучение специфических характеристик или субмодальностей устной речи индивида, таких как громкость, тембр голоса, интонационных особенностей, позволяет *"распознать"*

психологическое состояние человека и при их изменении сделать предположение о ложности предоставляемых показаний" [Алексеева 2014: 75].

В психологии всё больше внимания уделяется функционированию в речи тропеических средств, так как изучение, например, метафоры помогает понять видение мира индивидом; когнитивная лингвистика и психолингвистика рассматривают метафору как *"основную ментальную операцию, способ познания, структурирования и объяснения мира"* [Зубкова 2006: 9]. Просодическое оформление эмоционально-окрашенного высказывания, в частности, громкий голос и скачкообразный интонационный контур высказывания может свидетельствовать о ярости и гневе говорящего, а тихий голос и монотонный контур - о тоске и печали. Гендерные особенности индивида также неизбежно находят отражение в интонационном оформлении высказывания (см. напр.: [Енгальчев 2001]).

По-прежнему спорным в гуманитарной парадигме остаётся вопрос о семиотической сущности интонации. По мнению В.Б. Касевича, интонационные контуры *"не имеют плана выражения, и поэтому не являются знаками; высказывание же является сложным знаком, значение которого складывается из нескольких компонентов, одним из которых является интонация"* [Касевич 2003: 87]. Н.Д. Светозарова признаёт наличие в интонации некоторой знаковости, но считает, что *"в полной мере интонацию нельзя назвать знаком, так как интонационное значение возможно только благодаря комбинации просодических характеристик, коммуникативного типа высказывания и его синтаксиса и т.д."* [Светозарова 1993: 72] Однако многие лингвисты признают знаковую природу интонации (см.напр.: [Николаева 2000]), а Л.Р. Зиндер отмечает, что *"вопрос о самостоятельности интонации как знака или только элемента, способствующего плану выражения других, более сложных знаков, ещё не решён"* [Кравченко 2001: 69].

Таким образом, несмотря на наличие детальных описаний конкретных интонационных систем, сопоставительные исследования в сфере интонологии остаются актуальными и наименее разработанными направлениями в сравнительной лингвистике. Подобные исследования направлены на поиски параметров сравнения интонационных единиц и элементов. В качестве параметров сравнения рассматриваются как структурная, так и функциональная стороны интонационных элементов. Однако согласно нашим наблюдениям, функциональное своеобразие сопоставляемых единиц представляется более перспективным и актуальным направлением психолингвистических интонологических исследований, так как оно позволяет абстрагироваться от чрезмерно детального описания структуры и сосредоточить внимание на функционировании интонации в лексиконе индивида.

1.2 Просодические аспекты реализации высказывания в условиях публичной речи

Традиционно в лингвистической парадигме интонационные параметры речи становились объектом научного интереса с целью выявления различных аспектов. Известны исследования по поиску просодемы [Коваленко 1998], выявлению просодической детерминанты как управляющего параметра [Коваленко 1998; Дудина 2009], установлению системной организации просодемного пространства [Коваленко 1998; Голина 2010, Стехина 2010], изучению просодических характеристик периферийных и ядерных единиц [Гроцкая 2010], а также исследования образования речемыслительной единицы при помощи объединения тонемы и акцентемы [Синёв 2014]. Таким образом, можно говорить о существовании обширной лингвистической базы исследований

интонации, однако мы отмечаем недостаток исследований просодических характеристик речи с позиции психолингвистики.

Существует несколько параметров, описывающих интонационную сторону высказывания, одним из которых является мелодика. По мнению П. Роуча, несмотря на отсутствие общепринятого определения интонации, важнейшим параметром является изменение высоты основного тона голоса [Roach 1991]. Мелодика — это изменение частоты основного тона, развёртывающееся во времени ([Николаева 1977], [Антипова 1984]). Мелодика является обязательной характеристикой звучащей речи. Речь человека, как правило, отличается мелодическим богатством, сменой мелодического рисунка. Мелодика организует фразу, расчленяя ее на синтагмы и ритмические группы, одновременно связывая ее части; различает коммуникативные типы высказывания; выделяет наиболее важные отрезки высказывания; служит для выражения эмоций, модальных оттенков, иронии, подтекста [Строкина 1998].

По сравнению с остальными компонентами интонации, мелодика выполняет несравнимо большее количество функций. Именно благодаря мелодике высказывание приобретает точно определённую коммуникативную направленность. Сочетание мелодики и паузации даёт возможность отличить логически завершённую фразу от незавершённой. Сочетание мелодики и ударения помогает отличить новую информацию от уже известной. Также мелодика позволяет выразить различные эмоциональные оттенки речи. Принято выделять три (низкий, средний и высокий) или четыре (низкий, нейтральный, средний и высокий) высотных уровня произнесения фразы. На протяжении фразы высота голоса меняется от уровня к уровню [Строкина 1998].

Типичные модели движения тона на конечном участке фраз или заключающей синтагмы называются интонемами (наряду с этим термином существуют понятия "интонационная конструкция" или "мелодема") (см.

напр.: [Николаева 1977]). Именно благодаря характерному для каждого языка набору интоном мы можем различать коммуникативную направленность фразы или её завершенность. Перечислить все возможные варианты интоном не представляется возможным, так как каждая интонома существует в большом количестве вариантов, выбор которого зависит от синтаксического типа и лексического состава фразы. Однако выделить наиболее общие группы интоном всё же возможно. Это интонома завершенности для фраз повествовательного характера, интонома вопроса без вопросительного слова, интонома вопроса с вопросительным словом, интонома восклицательности и интонома незавершенности для неконечных синтагм [Строкина 1998].

Одним из аспектов интонации, по мнению некоторых учёных, является интенсивность. Интенсивность речи понимается как выделение средствами просодии какой-нибудь части высказывания. Высказыванием принято называть предложение, рассматриваемое с его коммуникативной стороны. Снижение интенсивности интонации к концу синтагмы является общезвучной закономерностью, причём наиболее заметно снижение интенсивности к концу повествовательного завершенного предложения, а меньше всего — к концу либо незавершенной синтагмы, либо восклицательного предложения, при условии, что выделяемое слово стоит в конце фразы. При этом нельзя отождествлять интонацию незавершенности и интонацию вопросительного предложения. Отличие состоит в более узком диапазоне голоса при произнесении ядерного восходящего тона при более ярко выраженной интенсивности как ударных, так и безударных слогов.

Членение высказывания на тему и рему принято называть тематическим или актуальным членением, так как такое членение применимо только для конкретного текста или конкретной ситуации. Актуальное членение предложения передаёт коммуникативную цель

высказывания и является частью области коммуникативного синтаксиса [Ковнутова 1986]. Понятие интенсивности тесно связано с синтагматическим ударением. Анализ всех компонентов просодии в комплексе (с учетом мелодики, интенсивности и паузации) в общелингвистическом плане представлен ограниченным количеством работ [см., напр.: [Антипова 1979; 1984], [Светозарова 1982]).

Следующим значимым просодическим средством является темп. Темп речи — это скорость произнесения элементов речи: звуков, слогов, слов. Он измеряется либо числом звуков, слогов и т. д., произносимых в единицу времени (чаще всего — в секунду), либо средней их длительностью в миллисекундах. Темп речи играет большую роль в противопоставлении важного/неважного в высказывании: наиболее важные в смысловом отношении отрезки речи произносятся в замедленном темпе; отрезки, содержащие второстепенную информацию, характеризуются ускоренным темпом [Киселёва 1978]. По мнению А.Д. Петренко, увеличение темпа на менее информативных участках высказывания позволяет сосредоточить внимание слушателя на более информативно значимых фрагментах, что позволяет говорящему влиять на качество восприятия смысла речи [Петренко 2011]. Абсолютный темп речи зависит от индивидуальных особенностей говорящего, его эмоционального состояния, ситуации общения и стиля произношения.

Способностью к передаче определённых значений наряду с уже упомянутыми просодическими параметрами являются паузы. Пауза — перерыв в речи, которому акустически обычно соответствует отсутствие звука, а физиологически — остановка в работе органов речи. Пауза может быть использована для отделения одной синтагматической единицы от другой, для выражения характера связи между ними, а также для передачи того или иного эмоционального оттенка. Пауза — это основное средство членения развёрнутого высказывания на интонационные группы меньшей

протяжённости [Строкина 1998]. Исходя из размера отделяемых единиц, паузы могут быть межсинтагменными, межфразовыми и внутрифразовыми, и, соответственно, различаются по своей продолжительности. Паузы, передающие аспекты смысла высказывания, называются семантическими и подразделяются на лингвистические и эмотивные; асемантические паузы рассматриваются учёными как функциональные [Светозарова 1990]. Паузы хезитации, являющиеся важным аспектом речепроизводства, демонстрируют процесс перестройки в момент говорения [Шевченко 1990]. Эмоционально окрашенная речь характеризуется психологическими (в терминологии Л.К. Цеплитиса "усилительными") паузами, например, до и после выделяемого слова [Светозарова 1990].

Дискуссионными остаются вопросы, связанные с природой и функциями тембра, а также его рассмотрения как просодического параметра. Однако многие лингвисты, среди них Г.П. Торсуев [1977], В.А. Васильев [1965], причисляют тембр к компонентам просодии, а А.М. Антипова указывает на изменение качества голоса говорящим для передачи содержательной, эмоциональной или социальной информации [Антипова 1979]. Тембр — это качество звука, его окраска, комплекс высотно-тембральных характеристик. В литературе по данной проблеме отмечается отсутствие единства мнения исследователей относительно трактовки понятия тембра, определения его статуса, а также разногласие в подходах к его изучению. Наряду с другими компонентами просодии тембр способен принимать участие в осуществлении определенных функций, в том числе стилеобразующей. Имеются некоторые наблюдения над изменениями качества голоса при чтении текстов отдельных жанров, например, сказки [Курникова 2003]. Л.К. Цеплитис предложил примерную классификация тембров с учётом активизирующейся части голосового

аппарата. Исследователь выделяет следующие виды суперсегментных тембров:

- гиперлабиализованный (при передаче нежности);
- делабиализованный (при передаче негативных эмоций, таких как злость и гнев);
- переднеоральный (передача шутки, иронии, сарказма);
- ларингальный (боль, страдание) [Цеплитис 1974].

Другие учёные отмечают закономерность изменения тембра голоса, которая заключается в повышении регистра при передаче положительных эмоций, понижении — при передаче отрицательных эмоций; высокая степень положительных эмоций сопровождается придыханием, высокая степень отрицательных эмоций — дрожанием [Кодзасов, Кривнова 2001].

Если высказывание рассматривается с позиции его актуального членения, то оно является единицей отдельного уровня языковой системы, а именно уровня актуального членения. Основными средствами организации высказывания на уровне тема-рематического членения являются порядок слов и интонация. Таким образом, внешняя форма высказывания создаётся при помощи синтаксических компонентов предложения и соответствующим интонационным оформлением синтагм, то есть отрезков звучащей фразы, представляющих собой смысловое, грамматическое и интонационно-ритмическое единство. Синтагма может быть равна части предложения или всему предложению и характеризуется своей мелодикой, основным элементом которой является терминальный тон, завершающий синтагму.

Так как высказывание является единицей языковой системы, оно не может существовать вне синтагматических и парадигматических связей с другими высказываниями в рамках дискурса. Синтагматические связи устанавливаются между высказываниями, следующими одно за другим в потоке речи. Если речь логично выстроена, то синтагматические связи

тесны, так что форма высказывания зависит от формы предшествующих и последующих высказываний. Однако в художественном тексте синтагматические связи могут нарушаться. Существует мнение о том, что характер синтагматических связей между высказываниями является одним из основных средств создания определённого стиля речи [Арутюнова 1995].

И.И. Ковтунова подчёркивает, что синтагматическая связь между высказываниями определяется условиями контекста. Например, первое высказывание может сообщать о факте в общих чертах, а следующее за ним второе высказывание строится с учётом того, что реципиент уже знает информацию, содержащуюся в первом высказывании, при этом тема должна прозвучать в предшествующем контексте [Ковтунова 1986]. Парадигматические связи выстраиваются между высказываниями, объединёнными общей синтаксической структурой, но существующими в формально различных контекстах. Можно сделать вывод, что последовательность элементов в высказываниях, в которых тематическое членение не совпадает с синтаксическим, определяется контекстом, так как тема всегда обозначает известное из предшествующего контекста, а рема содержит новую информацию. Интонация является главным средством актуального членения, особенно ударение, указывающее на рему высказывания; это ударение называют также логическим. Интонация тесно связана с порядком слов: если актуальное членение прямое, то логическое ударение оказывается на последнем знаменательном слове в группе сказуемого; если членение обратное, то логическое ударение указывает на рему в первой части высказывания.

Тема высказывания может быть простой и контрастной. Отличие в интонационном оформлении заключается в том, что контрастная тема выделяется более крутым подъёмом тона, чем при простой теме, то есть подъём происходит в большем диапазоне частот и с повышенной

интенсивностью. Некоторые учёные считают, что падение тона происходит в том случае, если тема имеет большой коммуникативный вес; чем коммуникативный вес меньше, тем более вероятен подъём тона. Таким образом, тема с интенсивным падением тона по интонационному выражению равносильна цельному высказыванию, которое имеет рему [Фаустова 2009].

Рема не имеет такого количества вариантов интонационного оформления, как тема. Как в конечном, так и в неконечном положении в высказывании рема произносится с нисходящим тоном. Отличие состоит в том, что, находясь в неконечной позиции, диапазон падения тона шире. В эмоционально-окрашенной речи возможен восходяще-нисходящий тон. Контрастная рема также имеет интенсивный нисходящий акцент [Фаустова 2009].

В немецкой филологической традиции актуальное членение не изучалось до конца 50-х гг. XX в. Явление, именуемое этим термином, было замечено давно, но вошло в традицию относить данный круг проблем не к языку, а к логике или к психологии говорящего. Психологическая трактовка относящейся сюда проблематики была характерна для ряда немецких лингвистов. Например, известный немецкий ученый XIX в. Г. фон дер Габеленц говорил о сочетании представлений, последовательно возникающих в сознании говорящего [Gabelentz 1891]. Первым представлением, выступающим в качестве предмета речи, служит "психологический субъект", а вторым представлением, выражающим то, что говорящий думает о психологическом субъекте, служит "психологический предикат" [Gabelentz 1891: 73].

Аналогичным образом рассматривал эти явления немецкий лингвист XIX в. Г. Пауль [1960]. Наиболее важным членом предложения Г. Пауль считал психологическое сказуемое, на которое падает самое сильное ударение. Одним из вопросов, на который не существует однозначного

ответа в немецкой лингвистике, является вопрос о контрасте и эмфазе, об их способах выражения (цит. по: [Голубева-Монаткина 2003]). Г. Баннерт [Bannert 1985] рассматривал контраст вне связи с темой и ремой; современный лингвист М.Л. Палько считает, что контраст всегда компонуется с темой или ремой [Палько 2010]. Такой подход наблюдался ещё в работах У. Чейфа, который считал, что контраст представляет собой некое известное обоим собеседникам множество элементов и последующую в ходе общения процедуру отбора необходимых элементов [Chafe 1976]. Критериями контраста по У. Чейфу являются:

- 1) осведомленность говорящего, разделяемая реципиентом, или фоновое знание;
- 2) ограниченный набор возможных элементов;
- 3) утверждение о том, какой из элементов должен быть выбран [Chafe 1976].

При использовании контраста в речи присутствует эмфатически выделенный элемент, который подчёркивается при помощи различных синтаксических, лексических и интонационных средств [Палько 2010].

Хотя в немецком языке способами выражения темы и ремы могут служить артикли, всё же основным способом является интонация. Особое внимание уделяется таким категориям, как высота тона, сила, длительность, темп, тембр, акценты. Основной единицей интонации в немецком языке считается акцентуация. Одним из отличительных признаков акцента служит тон. М.Л. Палько отмечает, что тема в немецком языке маркируется восходящим акцентом, а рема — нисходящим. Автор отмечает, что интонация немецкого языка традиционно описывается при помощи автосегментной системы интонационной транскрипции Дж. Пьерхамберт [Палько 2010].

Согласно данной системе, интонационное выражение ремы описывается при помощи формулы $H+L^*$, где L^* показывает, что низкий

тона является конечной точкой движения тона; если рема является конечной, то на ударном слоге акцентоносителя наблюдается слабо-нисходящее движение тона, а заударные слоги отмечены нисходящим или ровным низким тоном [Pierrehumbert 2002; Палько 2010].

Описание выражения контраста в немецком языке не всегда одинаково, однако в большинстве работ контраст связывают с высокой интенсивностью, повышенной громкостью и резким повышением или понижением тона [Bannert 1985].

Маркерами эмфатического акцента считаются повышенная интенсивность тона и повышенная длительность ударного гласного, а также резкий подъём тона на ударном или начальном слоге словоформы, после которого наблюдается медленное падение. С.В. Кодзасов дополняет, что во время эмфатического акцента возможно смещение голоса в диапазон сверхвысокого регистра или фальцета [Кодзасов 2008]. При эмфазе на теме в немецком языке восходящее движение тона на теме сочетается с предшествующим начальным отклонением тона вниз, а также увеличивается долгота ударного по сравнению в нейтральным произношением. Маркером эмфатической темы является восходяще-нисходящее движение тона на ударном слоге акцентоносителя в сочетании с существенным удлинением ударного слога. Также перед словоформой-акцентоносителем наблюдается пауза не менее 100 мск.

Считается, что нисходящее движение тона демонстрирует завершённость мысли, а восходящее — незавершённость. М.Л. Палько считает, что такая закономерность сохраняется в большинстве европейских языков, так как во многих исследованиях восходящий тон интерпретируется как выражение последующего продолжения. Возвращаясь к теме актуального членения, М.Л. Палько делает вывод, что подъём тона как в теме, так и в реме символизирует незавершённость высказывания [Палько 2010].

Для темы и ремы существуют определённые интонационные показатели: если тема располагается в начале предложения, а рема — в конце, то тема выделяется повышением тона, а рема — фразовым ударением и понижением тона, если предложение повествовательное. Если же высказывание составляет один речевой такт, то тема может не иметь интонационного выражения, однако может появляться пауза, передающая на письме при помощи тире [Митрофанова 2012]. При усилении интонационных показателей темы и ремы подчеркивается актуальное членение высказывания, это может быть вызвано стилистическим намерением говорящего, например, осознанно подчеркнуть членение высказывания. Изучение интонационных особенностей речи при осуществлении актуального членения позволяет делать выводы не только об эмоциональном состоянии говорящего и коммуникативной ситуации. Рассматривая организующую функцию интонации как совокупность делимитативной, интегративной и выделительной подфункций, а также учитывая, что основными мыслительными операциями являются анализ и синтез, можно выдвинуть предположение о связи интонационных параметров реализуемого актуального членения с уровнем развития мыслительных навыков [Голощапова 2015].

Синтагматически независимые предложения характеризуются слабовыраженным интонационным маркированием темы и ремы: на теме тон повышается в сочетании с интонацией незавершённости в конце синтагмы, а ударение на реме не сильнее регулярного фразового ударения. Если высказывание является синтагматически зависимым, то усиление интонационных маркеров темы и ремы объясняется их позицией в высказывании. Что касается синтагматически зависимых высказываний, то в них усиление интонационных признаков темы и ремы обусловлено позицией.

Стоит отметить, что распространённые предложения также имеют тему и рему, но в них и тема, и рема, являются группой слов. Темарематическое членение принимает более сложный вид, например, часть словосочетания, являющегося темой, может быть вынесена в начало предложения, или можно встретить две темы в одном высказывании. При наличии нескольких тем актуальное членение приобретает ступенчатый характер, то есть имеется первая тема и первая рема, которая в свою очередь подразделяется на свою тему и рему, и так до последней ремы (т.н. собственно ремы).

Семантическая нагрузка может передаваться просодическими характеристиками внутри синтагмы, обязательным элементом которой является ядро, оформляющееся при помощи ядерных или терминальных тонов. Тоны имеют следующие характеристики, различные сочетания которых позволяет получить большое количество разных ядерных тонов, несущих разную семантическую нагрузку:

- 1) наличие или отсутствие изменения в направлении движения голоса (кинетические – нисходящий, восходящий; статические — ровный);
- 2) характер изменения в направлении тона (простые тоны – ровный, нисходящий, восходящий; сложные тоны – нисходяще-восходящий, восходяще-нисходящий, восходяще-нисходяще-восходящий);
- 3) уровень начала (высокие и низкие тоны);
- 4) диапазон (узкие и широкие тоны)
- 5) крутизна, т.е. скорость мелодического изменения;
- 6) характер начала тона (простые тоны и тоны с начальным повышением) [Антипова 1979].

Основные семантические значения можно разделить на две группы: значение завершённости и незавершённости. Завершенность традиционно оформляется нисходящими тонами различной конфигурации, незавершенность — различными конфигурациями тональной

вариативности: нейтральными, восходящими и сложными тонами. Внимания заслуживает позиция некоторых американских лингвистов, в частности Д. Кристала и Дж. Брауна, согласно которой громкость, тембр и темп речи рассматриваются как паралингвистические средства, отмечая при этом сходство просодических явлений и паралингвистических особенностей [Кристал 1969; Браун 1984]. Строго определённой границы между паралингвистическими и просодическими особенностями не существует, поэтому тон голоса выражается как просодически (интонация), так и паралингвистически (тембральные характеристики) [Фох 2000]. Такое явление как ударение, наряду с вариациями тона и паузацией, учёные относят к просодическим признакам (см. напр. [Трубецкой 2000]). Ударение, согласно мнению А.С. Либермана, выполняет организующую функцию, так как оно *"накладывается на фонемы сверху, в результате чего фонемы группируются в более крупные или распадаются на более мелкие единицы"* [Либерман 1971:4], а Н.А. Коваленко рассматривает ударение как основной компонент просодических средств [Коваленко 1998].

Синтагматическим называется ударение, которое выделяет наиболее важное по смыслу слово в синтагме. В немецком языке это выделение имеет комбинированный характер: оно осуществляется взаимодействием динамического и мелодического факторов [Строкина 1998]. Степень синтагматического ударения различна: чем выше значимость ударяемого слова, тем выше степень синтагматического ударения. Ударение наиболее важного слова можно назвать усиленным, менее сильным будет ударение, выделяющее другие знаменательные слова синтагмы, ещё более ослабленным будет ударение, которое приходится на ударные слоги служебных частей речи. Нулевой ударностью будут обладать односложные предлоги, союзы, частицы, местоимения, артикли [Строкина 1998].

В понимании дефиниции фразового ударения отсутствует единство. Л.В. Щерба высказал предположение о том, что фразовое ударение определяет тип фразы и выполняет роль *"цемента, скрепляющего фразу"* и *"сигнала, выделяющего элемент речи"* [Щерба 1957:119]. Некоторые учёные отождествляют его с синтагматическим ударением. Л.Р. Зиндер считает фразовым ударением ударение слова, *"включённое в ткань интонации как её элемент"* [Зиндер 2007:24]. Т.С. Строкина придерживается мнения, что фразовым стоит считать ударение, которое выделяет самое важное по смыслу слово во фразе; его реализация происходит за счёт тех же средств, что и синтагматическое ударение, разница состоит лишь в более плотном взаимодействии с движением основного тона фразы [Строкина 1998].

Вторым типом ударения, присутствующим в высказывании, является логическое ударение. Логическое ударение — это фразовое ударение, выделяющее в составе фразы слова, которые обычно фразового ударения не несут [Строкина 1998]. Особенность логического ударения заключается в особой семантике и степени выделения акцентируемого слова, выражающего некую подтекстовую информацию [Иванова-Лукиянова 2000].

Логическое ударение призвано выделять ту часть предложения, которую говорящий считает наиболее важной, поэтому логическое ударение может падать даже на предлоги, союзы и личные местоимения. О. Есперсен различал два вида логического ударения, каждый из которых несёт свою функцию. Первый тип — это подчёркивающее ударение, им говорящий выделяет те слова, к которым он хочет привлечь особое внимание слушающего. Второй тип — противопоставляющее ударение, которое используется, когда говорящий противопоставляет предмет, качество, действие.

Наряду с этим следует обратить особое внимание на то, что интонация предложения в значительной степени зависит от эмоциональной окрашенности речи. Так, нейтральная и эмоционально окрашенная речь будет интонироваться по-разному. Для передачи эмоциональности в языке существует множество средств, например, употребление эмоционально окрашенных слов. Но всё же основным средством выражения является интонация. Для некоторых фраз характерно изменение их коммуникативной функции в зависимости от используемой интонации. Однако другие фразы, в силу своей грамматической структуры или лексического состава, могут иметь только одну эмоциональную окраску и, соответственно, только одну интонационную модель. Эмоциональная окраска очень важна для правильного понимания высказывания, поэтому писатели, например, часто обозначают в тексте произведения эмоции героя, чтобы семантика высказывания стала более ясной и его можно было бы произнести вслух [Строкина 1998].

Эмоциональная окраска может существенно изменить интонацию, обусловленную коммуникативным типом предложения, вплоть до полного её изменения. Проявляется это в первую очередь в изменении тембра голоса, который является индикатором эмоций. Некоторые учёные считают, что эмоциональная окраска влияет также и на мелодику (см. напр.: [Жинкин 1982], [Нушикян 1986]). При этом количество вариантов мелодик для той или иной эмоции оказывается таким значительным, что выявить, какому конкретно эмоциональному состоянию соответствует та или иная мелодика, не представляется возможным. Однако попытки сделать это были сделаны в 50-х гг. прошлого века О. фон Эссенем, который в своей книге об основах немецкой интонации сделал несколько замечаний об эмоциональной окраске фраз, оформленных несвойственной для них мелодикой [Essen 1964]. Повествовательные фразы, произносимые с повышением тона после ударного слога, приобретают характер

предостережений, а вопросы без вопросительного слова, произнесённые с мелодикой завершённости, воспринимаются собеседником как строгие приказы, не допускающие даже мысли об уклонении [Essen 1964]. Необходимо также учитывать результаты экспериментов, проведённых Э. Штоком в 70-х годах прошлого века, которые показали, что ни мелодика сама по себе, ни мелодика в сочетании с интенсивностью и темпом речи недостаточны для полного опознания эмоциональной окраски высказывания, уверенно опознать её возможно только с учётом информации, содержащейся в высказывании и в тембре голоса [Stock 1980]. Одна лишь интонация позволяет только отличить экспрессивные высказывания от неэкспрессивных. Существует даже мнение о том, что для различия нейтральной и эмоционально окрашенной речи не стоит опираться на интонацию в комплексе, а скорее на тембр голоса как средство передачи отношения говорящего к предмету высказывания [Строкина 1998].

Таким образом, интонационные характеристики высказывания являются воплощением замысла и, реализуясь в определённый момент пространства и времени, они приобретают когнитивную окраску. При обработке звучащего текста и запуске механизма вероятностного программирования реципиент опирается на интонационно-выразительные, фонологические, лексические и паузационные маркеры, конкретизирующие смысл высказывания. Выбор интонационных моделей зависит от коммуникативного намерения говорящего и ситуации общения.

1.3 Паузация как просодическая характеристика публичной речи

В современной гуманитарной парадигме не вызывает сомнения тот факт, что просодические характеристики являются индикатором стиля речи. Проблема дифференциации стилей речи является объектом

исследований со времён Древней Греции, где активно развивалось не только ораторское искусство, но и научное познание [Аристотель 1978]. Однако, несмотря на изучение стилей речи с различных аспектов и с учётом возникающих научных гипотез, данный вопрос остаётся актуальным, так как в каждой ситуации общения используется соответствующий стиль. Согласно исследованиям Е.Л. Фрейдиной, мелодика способствует созданию стилистической окраски речи, при этом "сверхсегментные фонетические средства могут вступать во взаимодействие с лексико-синтаксическими средствами или выступать самостоятельно" [Фрейдина 2012: 307]. Современные исследования в рамках фоностилистики позволили разработать номенклатуру факторов, которые определяют характер изменчивости просодических единиц с учётом различных составляющих коммуникации: цель коммуникации, степень формальности ситуации, степень подготовленности речи, а также субъективное отношение говорящего к высказыванию [Coupland 2007; Wichmann 2000; Фрейдина 2012]. В основе классификации фонетических стилей – цель общения, которая рассматривается как стилеобразующий фактор. По данному критерию выделяются следующие фонетические стили: информационный, академический (научный), публицистический, художественный, разговорный [Соколова 2010]. Изучение просодических характеристик публичной речи представляется для нас актуальным и является объектом нашего научного интереса, так как информационно-аналитические программы и выступления политических деятелей являются средством формирования общественного мнения; механизмы данного воздействия нуждаются в более детальном рассмотрении.

Оценивая особенности просодической организации публичной речи, необходимо принимать во внимание и такой фактор, как "способ изглашения" [Фрейдина 2012: 308]. Способы изглашения могут быть различными: неподготовленное выступление или речь-экспромт, чтение

текста с листа, декламация заученного текста, а также импровизация или свободное изложение. Исходя из многочисленных факторов, среди которых риторическая задача, тема выступления, особенности аудитории, а также собственные индивидуальные возможности, говорящий избирает соответствующий способ выступления. Н.Ю. Ломыкина рассматривает основные типы речи и их оппозиции, при этом каждый из рассматриваемых типов речи имеет свои характеристики и особенности.:

- монологическая/диалогическая (в зависимости от количества коммуникантов);
- подготовленная/спонтанная (в зависимости от опоры на подготовленный текст);
- тщательная/непринужденная (в зависимости от внимания к звуковой стороне речи);
- речь в кадре/речь за кадром (в зависимости от присутствия журналиста в кадре) [Ломыкина 2006].

Монологическая речь — форма речи, образуемая в результате активной речевой деятельности, рассчитанной на пассивное и опосредованное восприятие. Монологическая речь предполагает, что в течение длительного отрезка времени выступает один говорящий, фрагменты высказываний структурно и содержательно связаны между собой и носят индивидуальный характер. Диалогическая речь - форма речи, состоящая из обмена высказываниями-репликами, на языковой состав которых влияет непосредственное восприятие, активизирующее роль адресата в речевой деятельности адресанта. Подготовленная речь отличается тем, что говорящий уже до акта коммуникации знает, что и как он будет говорить, и опирается на заранее подготовленный письменный текст. Спонтанная речь порождается в момент коммуникации, ее форма не готовится заранее. В.Н. Степанов отмечает, что процесс порождения спонтанной речи проходит одновременно с процессом осознания смысла и

формы собственного высказывания [Степанов 2008]. Однако речь профессионального журналиста не может быть абсолютно спонтанной, это квазиспонтанная речь. Квазиспонтанность речи тележурналиста обусловлена *"профессиональными навыками и фоновыми знаниями по раскрываемой теме, наличием сценария или сценарного плана, предварительной подготовкой журналиста к эфиру"* [Ломыкина 2006: 24].

Особого внимания заслуживает оппозиция тщательность/непринуждённость, так как здесь интонационные параметры речи являются ярким стилистическим маркером. Тщательная речь предполагает, что говорящий обращает особое внимание на звуковую сторону, непринужденная речь отличается меньшим вниманием к собственно звуковой стороне. Речь профессиональных журналистов должна тяготеть к тщательности. Это не требует высокого стиля произношения или проявления полного фонетического состава всех произносимых слов, однако речь, звучащая с экрана, должна отличаться четкостью, правильностью произношения, красотой и полнотой звучания. Степень тщательности/непринужденности речи варьируется в зависимости от сочетания с другими типами речи и от жанра телепрограммы. Например, к непринужденности в спонтанной речи ведущих развлекательных программ музыкальных телеканалов зрители относятся с пониманием, но та же небрежность в подготовленной речи ведущих информационных программ вызывает неодобрение и снижение рейтингов программы. Ораторский стиль ведущих, как известно, маркируется различными параметрами: варьирование тонального диапазона, использование типичных интонационных конструкций в условиях завершённости или незавершённости высказывания, особенности громкости, темпа и ритма речи, а также использование риторических, эмфатических и хезитационных пауз [Блох, Фрейдина 2011]. Например, ведущую программы "Время" (Первый канал) Арину Шарапову

исследователи и зрители критиковали за высокий темп речи, нечеткую дикцию и "английскую" интонацию — восходящую мелодику в законченных фразах [Ломыкина 2006]. Снижение рейтингов программы привело к замене ведущей. Авторская программа профессионального тележурналиста Александра Гурнова "Субботний вечер с Александром Гурновым" (РТР) просуществовала в эфире недолго, так как спонтанная речь ведущего была очень медленной, наполненной многочисленными хезитациями, что приводило к потере динамичности, необходимой для аналитической программы, и, следовательно, к потере интереса зрителей.

Сопоставляя характер просодического оформления всех единиц речевого потока, А.М. Антипова выделяет основные средства просодии, которые выполняют ведущую роль в членении: ударение, пауза, мелодика (движение тона) [Антипова 1979]. В зависимости от того, какую единицу членения они оформляют, варьируется их значимость. Синтагма, в оформлении которой принимают участие все эти просодические средства, признается всеми исследователями основной единицей звучащей речи (см. напр.: [Антипова 1979], [Брызгунова 1977]), как и тот факт, что она имеет собственное семантическое, логическое и динамическое содержание [Степанов 2008]. Определение закономерностей мелодического оформления синтагм очень важно для решения вопроса о норме в интонации, то есть о том, какая интонация считается правильной в тех или иных условиях, а какая неправильной; понимание существующих закономерностей поможет не только определить интонацию письменного текста, но и верно воспроизвести ее (что является одной из наиболее актуальных проблем в теле- и радиожурналистике). При анализе звучащего текста сопоставление нормативного интонационного оформления с реальным дает возможность оценить степень экспрессивной окрашенности речи.

Н.Ю. Ломыкина рассматривает основные виды интонационных и неинтонационных пауз с учетом их функционирования в различных типах телевизионной речи [Ломыкина 2006]. В зависимости от размера выделяемых единиц, в исследовании выделяются межсинтагменные и межфразовые паузы. Кроме того, выделены паузы, выраженные сменой тона. Результаты экспериментального анализа Н.Ю. Ломыкиной показывают, что интонационная пауза может быть выражена только сменой тона на границе двух синтагм без реальной остановки звучания, при этом на слух она воспринимается как пауза. Отмечено также, что межсинтагменные паузы, которые группируют слова во фразе по смыслу и обладают смыслоразличительной способностью, подчеркивают важность сообщения, его смысл, являются логическими. Для журналистов, работающих в эфире, умение правильно членить речевой поток на синтагмы является условием верного понимания и воспроизведения текста, *"именно логическое членение вызывает наибольшие затруднения у начинающих журналистов"* [Ломыкина 2006: 82]. Пауза рассматривается и как элемент невербальной коммуникации, она свидетельствует о затруднении в выборе слов [Степанов 2008]. На продолжительность и распределение пауз влияют сложность речемыслительных задач, подготовленность/неподготовленность речи, следовательно, характер паузации отражает индивидуальные особенности личности говорящего, а также свидетельствует о его текущем психологическом состоянии.

Заметим, что иногда пауза является следствием недостаточного знания языка или нехватки когнитивного опыта, сформированности навыков и умений. Такие неинтонационные паузы образованы в местах, не предназначенных для членения. Они могут быть непреднамеренными (паузы хезитации) и сознательно образуемыми (психологические паузы).

При анализе интонации Н.Ю. Ломыкина считает отграничение интонационных пауз от неинтонационных наиболее важным для

определения типа речи, а также для сопоставления оптимального интонационного контура, соответствующего данному типу речи, и реального интонационного контура речи конкретного говорящего. Специфика телевизионной речи требует выделения еще одной разновидности неинтонационных преднамеренных пауз — дикторских пауз. *"Такие паузы встречаются, как правило, в речи ведущих информационных программ и корреспондентов новостей"* [Ломыкина 2006:69].

Тропеические средства как особый продукт мыслительной деятельности человека также провоцируют как непреднамеренную, так и психологическую паузацию. Данные экспериментов (см. напр.: [Зубкова 2016 а, б]) свидетельствуют о том, что *"в просодической организации тропов паузация способствует успешному созданию, а затем и пониманию тропов. Кроме того, при интерпретации большое значение имеет интонация, с которой был произнесен троп. При формировании и понимании исследуемого феномена отчетливо проявляются мелодический и акцентно-ритмический компоненты"* [Зубкова 2016 а: 288].

Акцентно-ритмическая группа компонентов интонации, в которой особо выделяется ударение, наряду с паузацией является одним из главных элементов речевой интонации. Существует не только словесное ударение, то есть выделение с помощью фонетических средств одного из слогов слова, но и синтагматическое и логическое ударение, при помощи которого выделяется наиболее важное в смысловом отношении слово в данной фразе. Кроме того, чтобы подчеркнуть семантику и фонетические средства особых выделений в речи, Н.Ю. Ломыкина отмечает также эмфатическое, или эмоциональное, ударение. Далее автор предлагает систему требований к просодическому оформлению подготовленных монологов информационных программ (простота и единообразие интонационного контура синтагм и фраз, активное использование

дикторских пауз и пауз, выраженных сменой тона, нечастотное употребление логических пауз, отсутствие усиленного логического и эмфатического ударения, стабильный ускоренный темп; индивидуализация в текстах этого типа создается в первую очередь за счет мелодики, повышения/понижения тона и вариативности темпа) [Ломыкина 2006]. Специфика информационного вещания ограничивает журналистов, работающих в эфире, в использовании возможностей проксемики и жестов, а особенно мимических реакций. Начало программы - появление ведущего в студии и приветствие — традиционно снимается на общем плане (то есть, камера дает характеристику месту, где происходят события), во время информационного выпуска зрители видят ведущего на среднем плане. Несмотря на то, что при такой крупности зрители легко воспринимают язык жестов, специфика новостного вещания, стремление к объективности информации сильно ограничивает ведущих в использовании средств паралингвистической коммуникации. Информация подается как вербально, так и средствами просодии [Бурак 2016].

При исследовании речи ведущих аналитических программ экспрессивное интонационное оформление речи является одним из признаков публицистического стиля и находит наиболее яркое отражение в информационно-аналитических программах телевидения. В лингвистике просодические аспекты публичной речи изучались с целью определения набора фоностилистических особенностей, присущих данному стилю.

Рассматривая публицистическую речь с позиций психолингвистики, нельзя не отметить, что разнообразие тропеических средств, применяющихся в информационно-аналитических программах телевидения, очень велико, при этом наиболее часто встречаются метафора, сравнение, гипербола, олицетворение и разнообразные эпитеты. В настоящее время высказываются предположения о том, что существуют определенные законы звукового оформления тропеических средств, их

успешному созданию и пониманию способствуют паузация и интонация, с которой каждый конкретный троп был произнесён [Зубкова 2016]. Однако на данный момент не известны исследования, детально рассматривающие интонационное оформление тропеических средств, что свидетельствует о необходимости проведения психолингвистического исследования, направленного на установление закономерностей в данной сфере.

1.4 Выводы по главе I

Представленные в главе теоретические подходы к описанию интонации предлагают понимать интонацию как сложный лингвистический феномен, влияющий на интерпретацию смысла высказывания. На данном этапе развития науки единое определение интонации отсутствует, в связи с чем в нашем исследовании мы основываемся на дефиниции А.М. Антиповой, так как данный подход представляется нам наиболее комплексным, и понимать интонацию как совокупность речевой мелодии, фразового ударения, длительности звучания, темпа, паузации, ритма и тембра.

Разнообразие существующих подходов к изучению интонации обусловлено отсутствием единства в понимании самого феномена интонации: основные существующие группы определений предполагают либо контурный (интонация=мелодика, интонация способна "накладываться" на теоретически любые грамматические конструкции), либо грамматический (взаимодействие интонации и грамматической структуры высказывания с целью передачи определённого значения) подход.

Наблюдения за просодическим аспектом в условиях реализации публичной речи позволили описать компоненты интонации, благодаря которым происходит дифференциация стилей речи.

В главе подробно описаны механизмы тема-рематического членения высказывания, проанализированы интонационные характеристики темы и ремы.

Доказано, что интонационные характеристики высказывания являются инструментом реализации замысла, следовательно, они имеют когнитивную окраску при реализации в определённый момент пространства и времени.

В главе последовательно обосновано, что паузация в публичной речи является просодической характеристикой, заслуживающей особого внимания. Функционирование паузации напрямую зависит от основных типов речи. Как интонационные, так и неинтонационные паузы формируют интонационный контур, соответствующий требуемому типу речи. Являясь особым продуктом когнитивной деятельности человека, тропеические средства способствуют образованию пауз, которые не только сопутствуют созданию тропов, но и успешному их декодированию.

ГЛАВА II. ТРОПЕИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КАК ПРОДУКТ КОГНИТИВНОГО ОПЫТА ИНДИВИДА

2.0 Вводные замечания

Публичная речь, функционирующая как инструмент формирования общественного сознания, имеет не только просодические, но и стилистические особенности. Публичная речь характеризуется высокой эмоциональностью и образностью, в связи с чем ораторы активно прибегают к использованию различных тропеических средств. В данной главе анализируется исторический ракурс развития учения о тропеических средствах и их классификация, более подробно представлена метафоризация как основной механизм образования тропов, представлены тропеические средства как результат когнитивной деятельности человека, что влияет на использование тропов в речи и, соответственно, на декодирование заложенного в высказывании смысла, а также представлен комплексный лингвосемиотический подход к изучению тропеических средств.

2.1 Развитие научных представлений о тропах

Исследования тропов уходят корнями в эпоху риторической системы эллинизма, когда было предложено следующее определение: "*Троп есть такое изменение собственного значения слова или словесного оборота в другое, при котором происходит обогащение значения*" [Квинтилиан 1834: 35]. Ранее изучением отдельных тропов, а именно метафоры, занимался Аристотель, использовавший термин "троп" только для обозначения формы силлогизма, логической структуры или модуса. Представители философской школы элеатов (6-5 вв. до н. э.), поставившие под сомнение

тезис о естественной и необходимой связи между словом и вещью, выдвинули концепцию условности такой связи, которая предполагала принципиальную возможность создания ее новых форм, отличных от существующей, трактуемой как стилистически нейтральная. Признание возможности разных форм языкового выражения одного и того же содержания привело к идее выбора стилистически отмеченных форм и к использованию их с целью убеждения слушающего, руководства его душой. Таким образом, сам язык через его фигуры становился средством психического воздействия на слушателя.

Античная теория тропов давала возможность описывать внешнюю форму явления, что считалось необязательным и относилось к эстетической стороне речи, в результате чего интерес к творческой стороне образования тропов был утрачен. К середине XX века тропы стали устойчивой частью поэтики и стилистики и рассматривались только при анализе поэтических произведений (см. напр., [Якобсон 1975], [Белый 1910]).

Тесную связь мышления и языка и их постоянной совместной деятельности особо выделяла психологическая школа в лингвистике и литературоведении (см. напр. В. Гумбольдт [2002], Г.Штейнталь [2013], А. Потеня [2006]). *"Троп - не та форма, в которую отливается готовая поэтическая мысль, но та форма, в которой она рождается"* [Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона 1890-1907]. Значительную роль в возрождении научного интереса к тропам сыграли идеи и методы семиотики, а также структурной лингвистики, лингвистики текста и нейролингвистики, благодаря которой стало возможно связать метафору и метонимию как основные виды тропов с основными типами афазии [Якобсон 1975]. Афазия — системное нарушение речи, складывающееся из ряда связанных с первичным дефектом компонентов [Лурия 2002]. Такое понимание афазии было разработано на основе

выдвинутого принципа динамической системной локализации функций (см., напр.: [Выготский 2007], [Леонтьев 1985], [Лурия 2002]). Согласно выводам А.Р. Лурии, поражение любого участка речевой зоны мозга ведёт к нарушению речи в целом, при эфферентной моторной афазии нарушение моторной кинетической организации речи сопровождается неспособностью воспроизвести целостные слова и синтагмы, а также малым объёмом или отсутствием активного словаря, и произнесением слов или слогов отдельно. Наблюдается изменение интонационно-просодических характеристик речи. Понимание речи лучше, чем собственная речь, но затруднено [Лурия 2002].

А.Р. Лурия связывал эти нарушения с синтагматической организацией высказывания, обеспечивающей программирование речевых актов на смысловом, синтаксическом и моторном уровнях. Поэтому выделенные учёными формы афазии имеют общий характер нарушения — распад единой схемы действия на изолированные элементы и принудительные повторения этих элементов, обусловленные патологической инертностью в речевой сфере.

Исходя из вышесказанного, в XX веке в языкознании понимание сути самого явления тропов, выведенного из изоляции и статичности, стало более глубоким. Появились новые определения тропов, носящие не "операционный", а сущностный характер. Современные тенденции в исследовании тропов получили первое обобщенное отражение в формулировках П. Шофера и Д. Райса [Schofer, Rice 1977], определивших тропы как семантическую транспозицию от наличного знака, так называемого знака *in praesentia*, к знаку отсутствующему — *in absentia*. Эта транспозиция основана на восприятии связи между семантическими чертами каждого из означаемых, мотивируется референционной связью подобия, причинности, включения или противопоставления и маркируется семантической несовместимостью микроконтекста и макроконтекста.

Микроконтекст — сегмент в цепи означающего, который занимает троп; в случае однословного тропа микроконтекст совпадает с самим тропеическим знаком; макроконтекст включает и те части цепи означающего, которые необходимы для определения отсутствующего знака. Наиболее характерными чертами формирующейся в современном языкознании теории тропов можно считать понимание тропов как системы, где отдельные тропы-элементы организованы иерархически; лингвистическую мотивировку тропов, т.е. тропы как явление языка, детерминирующееся языковыми фактами, что выделяет теорию тропов в самостоятельный раздел языкознания. Благодаря этому подходу, проясняются отношения взаимосвязи между частными тропами и становится возможной постановка вопроса о генезисе тропов, т.е. о "первотропе" [Эко 2000].

Укоренённость тропов в структуре языка и органическая предрасположенность языка к созданию тропов никогда не отвергались, но явно недооценивались. Корни "тропеичности" следует искать в двуплановости самой структуры языка как знаковой системы и в асимметрии плана содержания и плана выражения [Соссюр 1999]. Внутри этой рамки развитие определяется принципом экономии и принципом увеличения гибкости и разнообразия способов выражения содержания. На ранних этапах развития языка подобная множественность форм выражения могла реализоваться в противопоставлении языка, описывающего реальную ситуацию, и языка, способного описывать потенциальную ситуацию, не мотивируемую реалиями. "Потенциальный" языковой модус может пониматься как источник поэтического языка. Содержание этот язык передаёт отклоняющимися от нормы средствами, специфическими оборотами, реализующими и вторые смыслы, т.е. тропами. Типология ранних форм поэтического языка свидетельствует не только о связи его с тропами, но и об отнесении богатой тропами речи к особому классу

"непрямой" речи, где в наибольшей степени проявляются тождества и различия в языке. Исследования поэтики ряда архаичных традиций показали сознательность установки поэта на создание "непрямой" речи: поэтому поэтический текст рассекается, растягивается, в нём меняется привычный порядок элементов, *"конструируются непривычные для прямого языка связи; по сравнению с нормой текст деформируется"* [Лодж 1977: 142]. Этот процесс в значительной степени совершается с помощью тропов, благодаря которым увеличиваются возможности передачи новых смыслов, фиксации новых точек зрения, новых связей субъект-объект. Сознательно поэт актуализирует не все возможности языка, однако существенна и роль не осознаваемого, "случайного" в дальнейшей жизни текста. Поэтому тропам свойственна нестабильность, "поэтическая" относительность в ходе развития.

Связь тропов со структурой языка существует и на уровне отдельных тропов. Противопоставление метафоры и метонимии, основанное на различии ассоциаций по сходству и по смежности, не только позволяет различать поэтические (метафорические) и прозаические (метонимические) стили, но и непосредственно отсылает к парадигматической и синтагматической осям языка. На парадигматической оси совершается выбор элементов, на синтагматической происходит комбинация выбранных элементов. Метафора как творческая трансформация сходств и метонимия как творческая трансформация смежностей репрезентуют эти две оси языка и соответствующие им операции. Бесспорность этой дихотомии подтвердилась в процессе установления Р.О. Якобсоном лингвистических синдромов для двух основных типов афазии, один из них связан с разрушением ассоциаций по сходству, другой — ассоциаций по смежности [Якобсон 1975]. Его гипотеза о тяготении поэтов-лириков, в особенности романтиков и символистов, к метафоре, а романистов-прозаиков, в особенности

реалистов, — к метонимии и синекдохе вследствие разной природы их ассоциативного мышления имела широкий резонанс в литературоведении. Согласно Р.О. Якобсону, *"автор-сторонник реалистического направления метонимически отклоняется от фабулы к обстановке, а от персонажей — к пространственно-временному фону. Он увлекается синекдохическими деталями"* [Якобсон 2009: 142]. Эта гипотеза определяет вектор некоторых современных исследовательских исканий. Противопоставление метафоры и метонимии, намеченное Р.О. Якобсоном, объясняет и предложенное Е. Куриловичем понимание различий между этими двумя тропами: метафора может быть понята как смена семантически различных знаков в одинаковых синтаксических позициях, тогда как метонимия должна пониматься как изменение самой синтаксической позиции [Курилович 2000]. Языковые основания определяют и другие различия этих тропов; например, метафора функционирует в связи с предикатом, и первичная её функция — характеризующая, метонимия выполняет идентифицирующую функцию по отношению к конкретным предметам [Арутюнова 1979].

Несмотря на полярность метафоры и метонимии, противопоставление между которыми определяет всю систему тропов, пространство между ними в значительной степени оказывается заполненным рядом промежуточных форм смешанного происхождения. Появляется возможность говорить об обратимости или относительности тропов, благодаря которой всё пространство структуры тропов оказывается связанным, а поэтическая речь получает новый источник её усложнения: *"формы изобразительности неотделимы друг от друга: они переходят одна в другую...; один и тот же процесс живописания, претерпевая различные фазы, предстает нам то как эпитет, то как сравнение, то как синекдоха, то как метонимия, то как метафора в тесном смысле"* [Белый 1910: 52]. Обратимость тропов, свидетельствующая об их связи в данном состоянии системы, открывает

перед языкознанием новые аспекты в изучении тропов. Прежде всего сама система тропов и её развёртывание в текстах данной поэтической традиции представляют собой уникальное опытное поле, на котором происходят многообразные и сложные процессы синтеза и анализа возникающих новых значений в результате взаимодействия элементов семантической парадигмы и влияния их положения на синтагматические оси. В этом смысле лингвистическое изучение тропов вводит исследователя в сферу глубинных проблем семантики [ЛЭС 2002].

Другой аспект в исследовании тропов вытекает из синхронической связанности отдельных тропов, которая заставляет предполагать аналогичную связь в диахронии и возможность реконструкции исходного тропа, послужившего источником всего многообразия конкретных тропов, что вплотную подводит к исторической морфологии исследуемого феномена. По-новому вырисовывается роль тропа, в основе которого лежит представление о целом по его части (метонимии и особенно синекдохи). По мнению У. Эко, в качестве первотропа может рассматриваться метонимия, в основе которой — цепь ассоциативных смежностей в структуре кода, контекста и референта [ЛЭС 2002: 521]. Ряд специалистов особый акцент в этой области делает на синекдохе: по Ц. Тодорову, удвоение этого тропа образует метафору [Тодоров 1986]; льежская группа *μ* во главе с Ж. Дюбуа выводит из синекдохи и метафору, и метонимию [Дюбуа 1986]; А. Анри определяет метафору как двойную метонимию (цит. по: [Лотман 2002]); более сложна позиция Шофера и Райса, также придающих особое значение синекдохе, но ставящих своей главной целью "переопределение" (и, следовательно, переинтерпретацию) трёх основных тропов - метафоры, метонимии и синекдохи [Schofer, Rice 1977]. Возможно, что решение вопроса о первотропе неразрывно связано с реконструкцией такой ситуации, в которой впервые появилась смысловая структура, характеризующаяся сочетанием прямого и переносного

смыслов. Вторжение в сферу переносного значения и "непрямой" речи знаменовало собой эпоху рождения тропов, начало "естественного" языка, принципиально неотделимого от современного.

Несмотря на большое количество работ, посвящённых тропам и их функционированию в речи, фонетический аспект их реализации на данный момент не являлся предметом научного поиска. Существующие исследования фонетической стороны речи посвящены особенностям звучащей речи в профессиональном дискурсе, однако они не затрагивают феномен тропеических средств.

2.2 Классификация тропов

Наука о тропах сложилась во многом благодаря трудам ораторов эллинистическо-римского периода. Именно тогда было положено начало спорам о природе и видах тропов. Этот спор продолжается, так как современные учёные до сих пор не могут выработать единый подход к классификации тропов. В настоящее время термин "троп" может употребляться в лингвистике как в широком, так и в узком смысле; при употреблении термина в широком смысле в него включено также понятие фигур речи. Однако строение тропов и фигур речи принципиально отличается: тропы строятся по принципу "образной иносказательности", а фигуры — по принципу прямых, т.е. непереносных, значений слов [Ахтырская 1998]. Как считает Г.Г. Хазагеров, проблема классификации тропов и фигур речи "стала для филологов едва ли не тем, чем до недавнего времени была для математики теорема Ферма, которую не удавалось доказать ни в положительном, ни в отрицательном смысле" [Хазагеров 1994: 19].

Достаточно широкое распространение в отечественной филологической науке в XX в. получила классификация тропов В.И.

Королькова, считавшего, что *"троп в стилистике и поэтике – необычное"* (с точки зрения античных теоретиков) *употребление слова, при котором звучание реализует одновременно два значения – иносказательное ("переносное") и буквальное ("прямое")* [Корольков 1974: 60]. Он считает, что в семасиологической структуре тропа существует два плана: во-первых, переносное значение, которое соответствует предмету – объекту характеристики (выступает лишенным собственного звучания (написания), образует скрытый, внутренний, иносказательный план тропа, являясь, однако, частью контекста); во-вторых, прямое значение, которое соответствует реалии – средству характеристики, представляет собой обычное значение тропированного слова, реализуемое посредством собственного звучания (написания), дано совершенно явно, но является по отношению к контексту *"инородным телом"*. Различие между тропом и фигурой, по мнению В.И. Королькова, состоит в том, что все тропы можно свести к трем типам – это семасиологические двухплановые образования, основанные на принципах смежности, сходства или противоположности. Соответственно к ним можно отнести такие тропы, как метонимия, метафора, ирония. Фигуры, как считает автор, такому подразделению не подлежат, т.к. их насчитывается несколько десятков [Корольков 1974].

Стремление так или иначе пересмотреть взгляды на троп отмечено в работах Б.Т. Томашевского: *"Приемы изменения основного значения слова именуется тропами. Когда мы имеем дело с тропом, то мы должны различать в нем прямое значение слова (его обычное употребительное значение) и переносное, определяемое общим смыслом всего данного контекста"* [Томашевский 1996: 52].

Особое отношение к традиционной теории тропов и фигур в лингвистической науке изложено Г.Г. Хазагеровым. На первый план им выдвинуто качество экспрессивности исследуемых единиц. Ученый считает, что все теоретические фигуры построены на сопоставлении

денотатов двух или нескольких знаков и, следовательно, отраженных в них референтов или референтных ситуаций действительности [Хазагеров 1994]. В основе данного сопоставления могут быть, по мнению автора, четыре типа отношений: тождество явлений, их сходство, смежность или контраст. На основании данных отношений им выделяются и основные виды тропов: перифраза (тождество), метонимия (смежность), метафора (сходство), антифразис (контраст).

В современной стилистике к тропам безусловно относят только метафору и метонимию.

Синекдоха часто определяется как разновидность метонимии, а именно как количественная метонимия. Более обоснованным представляется выделение синекдохи в самостоятельный троп – на основании принципа "соподразумевания, совключения", на чем настаивал А.А. Потебня: *"Значение А вполне заключено в х, или, наоборот, х обнимает в себе все А без остатка; например, человек(А) и люди (х)"* [Потебня 2004]. Названный предмет здесь "включен" в другой (подразумеваемый), чего принцип смежности не требует. Согласно А.А. Потебне, поэтический эпитет, в отличие от логического ("прозаического") определения, — синекдохичен, поскольку "производит не устранение из мысли видов, не заключающих в себе признака, им обозначенного, а замещение определенным образом одного из многих неопределенных". С логической точки зрения, поэтический эпитет тавтологичен, избыточен: *"Мои малые пташечки, ах вы, свет мои носатые"* [Потебня 2004: 74].

К метафоре, метонимии, синекдохе близки другие приемы иносказания: гипербола, литота, перифраз, сравнение, эпитет. Об условности границ между собственно тропами и родственными им стилистическими приемами свидетельствует некоторая несогласованность между перечнями тропов, предлагаемыми в научных работах и терминологических словарях.

Если обратиться к истории вопроса о классификации "фигур переосмысления" в старинных "риториках", то здесь эти фигуры делятся на две группы – в зависимости от протяженности контекста, необходимого для понимания переносного смысла выражения. Разграничиваются тропы речений и тропы предложений. Так, в авторитетном "Словаре древней и новой поэзии" Н.Ф. Остолопова (1821) к тропам речений, состоящим "в перенесении одного слова от собственного знаменования к другому", отнесены метафора, метонимия, синекдоха, антономасия, катахриси́с (т.е.катахреза) и металеписис. Тропы предложений "состоят в перенесении целого предложения от собственного знаменования к другому"; таковы аллегория, перифразис, гипербола, эмфаза, ирония; эти тропы "называются иначе фигурами". Те же тропы речений и предложений перечислены М.В. Ломоносовым в его "Кратком руководстве к красноречию" (1748), к которому восходят дефиниции в Словаре Остолопова.

Принцип, положенный в основу данного деления, остается продуктивным. Он узнаваем и в современных классификациях, хотя терминология изменилась: различаются контексты – ближайший и широкий, в которых раскрывается смысл иносказания. Метафора ("перлы дождевые", "отдыхающее поле" – Ф.И. Тютчев), метонимия ("любовь пространства", "будущего зов" – Б.Л. Пастернак), синекдоха ("пел ее голос", "белое платье пело в луче" – А.А. Блок) опознаются в словосочетании.

В то же время понимание художественного произведения не только как языковой, но и как предметной, образной картины мира, побуждает пересмотреть статус аллегории, а также родственного ему символа, традиционно рассматриваемых в ряду приемов речевой иносказательности.

Между иносказательностью слова и иносказательностью образа (изображаемого предмета) – разница принципиальная. Аллегория и символ правильнее отнести, как считает Е. Фарыно, "не к сфере языка, а к

сфере "мира" произведения: это "не слова, а значащие элементы мира (персонажи с их жестами и костюмами, предметы с их свойствами и многие другие явления)" [Фарыно 1991].

Один и тот же предмет можно назвать, используя разные номинации, в том числе косвенные, в частности тропеические. "Погружался я в море клевера..." (А.А. Блок) – метафора выявляет сходство между полем клевера и морем, но ясно, что предмет речи – поле клевера. В случае же иносказательности образа назван один предмет, но подразумевается или мыслится наряду с ним другой.

Таким образом, представляется возможным подытожить классификацию тропов и разделить их на словесные (собственно тропы) и грамматические (фигуры речи).

В основе словесных тропов лежит использование слов в переносном значении. Словесные тропы принято делить на четыре группы в зависимости от того, какие отношения между соединяемыми в них образами лежат в их основе:

- 1) сходство;
- 2) смежность;
- 3) контраст;
- 4) тождество.

К тропам сходства относятся метафора, гипербола, мейозис, олицетворение, овеществление, катахреза.

Метафора предполагает замену одного означающего другим означающим на том основании, что соответствующие означаемые похожи. Например, Тит Ливий писал, что "Катон постоянно лаял на Сципиона". В данном случае в основе переносного употребления глагола "лаять" лежит сопоставление Катона с собакой. При метафоре, как и при других тропях, замене подвергается не все предложение целиком, а только некоторые его части. Данный пример интересен тем, что он позволяет, не произнося этого

прямо, фактически отождествить человека с собакой. Следовательно, метафора в некоторых случаях может служить для более мягкого и приемлемого выражения мысли, которая, будучи высказана прямо, могла бы оказаться очень грубой [Ливий 1986].

Заметим, что в аргументативной риторике, которая является предметом нашего рассмотрения, фигуру речи и тропы определяют как акт использования или образования номинативной единицы в целях усиления действенности речи (см. напр. [Москвин 1999]). В результате фигуры речи в процессе эристической аргументации используются в двух основных функциях:

1) В манипулятивных целях, поскольку и логические и психологические уловки чаще всего получают языковое выражение, а нередко даже опираются на определённые особенности языкового знака (например, на полисемию, на особенности внутренней формы, на близкозвучие или созвучие слов, на их омонимию);

2) В игровых целях. Если понимать игру как "взаимодействие сторон, интересы которых не совпадают", причём "в условиях несовпадения интересов сторон (игроков) каждая сторона стремится воздействовать на развитие ситуации в собственных интересах" [Москвин 1999]. Поскольку аргументация представляет собой род игры, она всегда содержит в себе риск провала, подобно тому как игра содержит в себе риск поражения.

При олицетворении неживое толкуется как живое: *"Скажи, что делал твой обнажённый меч, Туберон, в сражении под Фарсалом? Чью грудь стремилось пронзить его остриё?"* (Цицерон). При овеществлении живое уподобляется неживому:

*Расступись, о старец-море,
Дай приют моей волне (М.Ю. Лермонтов).*

Возможны случаи, когда живое уподобляется живому, или неживое уподобляется неживому. Но данные метафоры не получили особых названий.

Рассмотрим основные тропы, выделяемые в лингвистической парадигме.

Гипербола — троп, в котором *"в результате переименования объекту приписывается свойство в преувеличенном количестве"* [ЛЭС 2002]: *"Если бы я захотел скорбеть об этом событии и оплакивать его не в присутствии римских граждан, тех или иных друзей нашего государства, людей, слышавших имя римского народа, если бы я обращался не к людям, а к диким зверям или даже – чтобы пойти дальше – если бы я глубине пустынь обратился к скалам и утёсам, то даже вся немая и неодушевлённая природа была бы потрясена такой страшной, такой возмутительной жестокостью"* (Цицерон).

Мейозис (литота) — троп, "противоположный гиперболе. Если в гиперболе свойства объекта преувеличиваются, при мейозисе они, наоборот, преуменьшаются" [ЛЭС 2002]. Например, *"это стоит копейки"*, *"в двух шагах отсюда"*, *"дело займёт всего одну минуту"* и т.п.

Катахреза — троп, в котором "сближение между объектами осуществляется на основании самого общего свойства" [ЛЭС 2002]. Когда мы называем ножку стола ножкой, мы используем катахрезу.

Существуют тропы, основанные на принципе смежности.

В основе метонимии лежит перенос значения по смежности. Смежность при этом понимается очень широко: это и пространственное соседство, и близость во времени, и связь между частью и целым, и соседство в пространстве идей. Метонимия — очень распространённое явление (*"съел тарелку"*, *"выпил чашку"*).

В группе метонимий выделяют особый случай — синекдоху, к которой относят перенос значения с части на целое (или наоборот), а также

с абстрактного на конкретное (или наоборот): "*Перед ним сидела юность*" (Ильф, Петров), "*Копейка рубль бережёт*".

Следует заметить, что функция метонимии не сводится к упрощению речевого акта. Она также способна оказывать воздействие и передавать самые разные оттенки оценок. Так, когда говорят "*корочки*" о дипломе, эти подчёркивается печальная особенность современного образования: только корочки, а содержания нет.

Выделяется группа тропов контраста:

1) Антифразис, т.е. "употребление слова в противоположном значении" [ЛЭС 2002]. Естественно, такое употребление мы также должны считать переносным, поскольку оно отличается от типичного прямого значения. Особенность антифразиса состоит в том, что мы можем употребить в противоположном значении практически любое слово; возможности слов с точки зрения других тропов в этом отношении более ограничены.

2) Астеизм — разновидность антифразиса, при котором слово, обозначающее нечто отрицательное, употребляется в положительном значении: "... *Черт так не сыграет, как он, проклятый, играл на контрабасе, бывало, выводил, шельма, такие экивоки, каких Рубинштейн или Бетховен, положим, на скрипке не выведет. Мастер был, шельма*" (А.П. Чехов). Различие между астеизмом и перифразисом только в том, какое значение — положительное или отрицательное — является исходным, а какое — переносным. В остальном эти тропы тождественны.

Следующая группа тропов представляет тождественные отношения:

1) Перифразис представляет собой "определение предмета, явления или человека через выделенный признак, на основании которого формируется новое наименование" [ЛЭС 2002]. Например, Петербург можно назвать "*городом на Неве*", "*колыбелью русской революции*", "*криминальной столицей*" или "*градом Петра*".

2) Эвфемизм является разновидностью перифразиса. Эвфемизмом принято называть такое употребление, при котором грубое или даже ругательное слово заменяется "более мягким или приемлемым" [ЛЭС 2002].

3) Дисфемизм — "использование грубого слова или выражения вместо приемлемого и естественно ожидаемого более мягкого выражения" [ЛЭС 2002].

4) Антономазия — ещё одна разновидность перифразиса, которая представляет собой "замену имени собственного или обычного существительного описательным выражением, как правило, более или менее поэтическим" [ЛЭС 2002] (например, "*покоритель Сибири*" вместо имени собственного *Ермак*, "*берег туманного Альбиона*" вместо *Англии*).

5) Прономинация — явление, обратное антономазии: имя нарицательное заменяется именем собственным, которое "принадлежит одному лицу, воплощающему в себе все качества группы" [ЛЭС 2002]: "*Русскую психологию характеризуют не художественные вымыслы писателей, а реальные факты исторической жизни. Не Обломовы, а Дежневы, не Плюшкины, а Минины, не Колупаевы, а Строгановы, не "непротивление злу", а Суворовы, не "анархические наклонности русского народа", а его глубочайший и широчайший во всей истории человечества государственный инстинкт*" (И. Солоневич).

В основе грамматических тропов лежит переносное использование не слова, а грамматической формы.

Самый яркий пример грамматического тропа – это риторический вопрос. Вопросительная фраза вообще предполагает реакцию в виде ответа. Особенность риторического вопроса состоит в том, что он не требует ответа. В этом случае конструкция (вопросительное предложение),

которая имеет типичное предназначение (побуждение к ответной реплике), используется нетипично, не так, как это делается обычно.

Ещё один грамматический троп, стоящий близко к риторическому вопросу, – это гипофора. Так называли вопрос, который оратор произносит не для того, чтобы не отвечать, а для того, чтобы представить ход своей мысли: *"О чем же мне раньше взывать? Или откуда начать свою речь? Какой или чьей просить помощи? Бессмертных богов или римский народ о заступничестве? Или вас, от которых сейчас все зависит?"* (Цицерон).

Существуют грамматические тропы, связанные с формой числа. Здесь можно выделить несколько разновидностей:

1) Множественное поэтическое число. *"Программа Виктору Степановичу не понравилась настолько, что **оне** позволили себе передать свои чувства руководству телекомпании"* (В. Шендерович);

2) Множественное число скромности широко применяется в научном дискурсе: *"Мы полагаем..."*;

3) Множественное число величия (*"Мы, Николай II..."*).

Внимания заслуживают и глагольные грамматические тропы:

1) Повелительное наклонение в значении сослагательного: *"Не пожалей он денег, все сложилось бы иначе"*;

2) Сослагательное наклонение в значении повелительного: *"Шёл бы ты отсюда!"*.

Таким образом, подчеркнём, что единой классификации тропов в лингвистической парадигме не существует. Нами была предпринята попытка систематизировать представления учёных о тропах, имеющих различную природу, и выделить среди них наиболее значимые, представляющие особый интерес для нашего исследования.

2.3 Метафоризация как основной когнитивный механизм образования тропов

Как уже было обозначено выше, исследования тропеических средств начались во времена античности и до сих пор не потеряли свою актуальность. Значимость данного вопроса обусловлена присутствием тропеических средств во многих жанрах текстов, начиная от художественных текстов и публицистики и заканчивая языком науки. Будучи многоаспектным явлением, метафора составляет предмет изучения ряда отраслей знаний и разделов лингвистики. Как определенный вид тропов метафора изучается в поэтике (стилистике, риторике, эстетике), как источник новых значений слов — в лексикологии, как особый вид речевого употребления — в прагматике, как ассоциативный механизм и объект интерпретации и восприятия речи — в психолингвистике и психологии, как способ мышления и познания действительности — в логике, философии (гносеологии) и когнитивной психологии.

Метафоризация значения может происходить в пределах одной функциональной категории слов либо сопровождаться синтаксическим сдвигом. Метафора, не выходящая за пределы профессиональной лексики, используется для целей номинации. Вторичная для метафоры функция служит техническим приемом образования имен предметов (*"белок глаза"*, *"ножка стола"*). Метафоризация значения признаков слов заключается в выделении в объекте или классе объектов признаков, уподобляемом признакам, присущим другому классу предметов (*"тупой нож"* и *"тупая боль"*). В метафоре наблюдается сложность отношений прообраза и образа. Метафорические связи весьма прихотливы и чаще всего являются имплицитными. Являясь одним из трёх основных тропов, метафора с древних времён привлекала внимание мыслителей.

Аристотель был первым философом, обратившим внимание на проблему функционирования метафоры. Мыслитель определял метафору как замену одного слова другим, отмечая, что метафоры рождаются из неявного сходства предметов, доступного только для меткого ума [Аристотель 2004]. При этом Аристотель не признавал метафору как способ мышления, относя её только к сфере ораторского искусства и красноречия. Разделяя все слова на общеупотребительные и "необычные", Аристотель относил метафору к последним, таким образом определяя её ограниченный функционал [Аристотель 2004].

В период античности выдвигались гипотезы о родственности приёмов метафоры и сравнения. Деметрий считал сравнение "развёрнутой метафорой" [Деметрий 1978:15], в то время как Квинтилиан рассматривал метафору как "сокращённое сравнение" [Квинтилиан 1990]. Стоит отметить, что несмотря на разницу в подходах к рассмотрению метафоры, как Деметрий, так и Квинтилиан совершили значимые открытия в изучении природы данного явления. Квинтилиан первым предложил типологию метафоры, выделяя различные типы переносов характеристик живых и неживых объектов друг на друга, а также выделил в метафоре скрытый смысл. Деметрий озвучил предположение о более ясном выражении некоторых объектов при помощи метафоры и определил значимость в речи стёртых метафор.

Альтернативной концепции Аристотеля представляется концепция Гермогена, так как он рассмотрел структуру метафоры, "представляющей собой действие, свершающееся не только на уровне слов, но и в области мыслей" [Полозова 2003:32]. Мыслитель предложил "двухслойную" модель метафоры, в которой на первом уровне происходит взаимодействие слов, а на втором наблюдается пересечение семантики. Данная теория получила развитие только в XX веке в рамках когнитивной лингвистики.

В эпоху Средневековья метафора наряду с другими тропами рассматривается как изначально присущий человеку способ мышления и наделяется символичностью. Создание образности мышления как основная функция метафоры постепенно отходит на второй план, уступая место познавательной функции. Происходит осознание двойственной структуры метафоры, что способствует её трактовке как способа передачи мысли (см., напр. П. Абеляр, Г. Порретанский). Метафора, таким образом, начинает выполнять познавательную функцию, становясь при этом инструментом передачи смысла. Однако смысловой и предметный компоненты ещё не отделяются друг от друга.

Теоцентричность средневекового познания отражалось на научном познании этой эпохи. Однако в "Логике Пор-Рояля" и "Грамматике Пор-Рояля" были высказаны идеи, заложившие фундамент семасиологии, выделившейся как самостоятельная наука в XX веке. А. Арно и П. Николь выдвинули положение о существовании языковых универсалий как продукта деятельности человека [Arnauld, Nicole 1966]. Позднее А. Арно и К. Лансло указывали на единство реализации значений общих языковых понятий, которое обеспечивается посредством соответствия языковых и мыслительных операций [Arnauld, Lancelot 1994].

В Новое время отношение к сходству меняется на критическое. Эта категория начинает рассматриваться неотрывно от категории различия. Символическое мышление сменяется логическим. Метафоричность уходит на второй план, становясь вторичной формой знания, способом описания гипотетических свойств и сторон изучаемых предметов. Устоявшейся традицией был категорический отказ от использования метафоры в науке [Пшеничникова 2006]. В эпоху Нового времени обостряются противоречия во мнениях учёных о пользе и вреде метафоры, однако в этот период происходит поворот в отношении к метафоре. Сфера применения метафоры постепенно перемещается от обсуждения опасности

использования её в повседневной речи и представления метафоры как вредного, мешающего восприятию явления [Гоббс 1993] на определение границ ее присутствия в языке науки (см. напр. [Декарт 1994], [Кант 1976], [Лейбниц 1968], [Локк 1985]). Также предпринимаются первые попытки рассмотрения метафоры как элемента не только языка, но и мышления [Вико 1992]. Философское обоснование необходимости расширения границ применения метафоры предпринимается Ф. Ницше, а затем развивается в философии постмодернизма (Ж. Лакан, Ж. Деррида и др.) [Пшеничникова 2006].

Одной из важных проблем, поставленных в начале XX в., стала проблема создания единой концепции метафоры. Ее разработка началась за пределами России (см. напр.: [Блэк 1990], [Лакофф, Джонсон 2004], [Маккормак 1990], [Рикёр 1990], [Ричардс 1990]), и с середины 70-х гг. стала интересовать отечественных ученых: К.И. Алексеева [2014], Н.Д. Арутюнову [1979], И.В. Полозову [2002] и других.

Наиболее распространено восходящее к идеям Аристотеля понимание метафоры как сокращённого сравнения, из которого исключено указание на общий признак сравниваемых объектов. В ходе своего развития эта теория претерпела ряд модификаций; было уточнено, что метафора возникает только на базе образных сравнений, термином которых является класс объектов, а основание сравнения указывает на постоянное свойство субъекта метафоры и не ограничено одним чётко выделяемым признаком. Эллиптичность метафоры является источником ее повышенной многозначности. Неназванное в метафоре основание (общий признак) для сближения двух предметов не следует восстанавливать при анализе, поскольку, как считает А. Вежбицкая, *"однозначная реконструкция последнего для большинства метафор совершенно невозможна. Мы имеем право (в определенного рода текстах) дополнить метафору жемчуг до жемчуг зубов, но не имеем права восстанавливать*

третий элемент типа белый, ровный, блестящий. Для экспликации метафоры нужны два элемента, а не три" [Вежбицкая 1999: 168]. Таким образом, между двухкомпонентной структурой метафоры и ее мерцающим смыслом проводится прямая связь.

Теория метафоры как замещения, или парадигматического вытеснения, опирается на использование метафор и метафорических перифраз вместо прямых наименований соответствующих объектов и исходит таким образом из представления о том, что значение метафоры равно буквальному значению существующих в языке слов и словосочетаний. Концепция метафоры как взаимодействия, выдвинутая А.А. Ричардсом и разработанная М. Блэком, представляет метафору как пересечение двух концептуальных систем в целях применения к основному субъекту метафоры свойств и ассоциативных импликаций, связываемых с её вспомогательным субъектом. Признание А. Ричардсом, сторонником интеракционистской концепции, наличия у языковых выражений двух типов значений – буквального и метафорического – является определяющим в развитии осмысления метафоры. Также А. Ричардсом сформулирован принцип образования метафоры как "взаимодействия мыслей", т.е. при использовании метафоры происходит взаимодействие двух мыслей о двух различных вещах, результаты которого выражаются одним словом или языковым выражением, выступающим в метафорическом значении [Ричардс 1990].

Наряду с попытками обнаружить и определить метафорическое значение существуют теории метафоры, отрицающие его существование. Ценность такой прагматической концепции метафоры заключается в том, что происходит ввод метафоры в речевую ситуацию, впервые учитывая зависимость метафорического значения не только от значения высказывания, заложенного говорящим, но и от интерпретации его слушающим (см. напр. [Дэвидсон 1990], [Серль 1990]). Если сравнительно-

фигуративная концепция [Дэвидсон 1990] отрицает существование метафорического значения, то образно-эмотивная уже допускает, что метафора имеет способность нести когнитивную нагрузку [Штерн 1990].

Важным вкладом сторонников когнитивной концепции в разработку метафорической теории являются утверждение о важной роли метафоры в формировании понятийной системы человека [Лакофф, Джонсон 2004] и мысль о способности метафор менять способы восприятия и постижения человеком мира [Маккормак 1990]. Прагматический подход к метафоре, получивший распространение с начала 70-х гг., противопоставляется семантическому анализу метафоры. Семиотическая концепция [Рикёр 1990] акцентирует внимание на толковании метафоры и её рассмотрении на когнитивном аспекте как средства интерпретации и понимания, а также попытки изучить, каким способом действует метафора, и с точки зрения включения интуитивного компонента в процесс образования смысла. Метафорические высказывания рассматриваются как такой способ употребления языка, при котором конвенциональные (буквальные) значения слов используются для выражения других смыслов. Применение и понимание метафоры, согласно этой теории, определяются правилами пользования языком, а не знанием его семантической структуры.

Ассоциируя две различные категории объектов, метафора семантически двойственна. Двуплановость, составляющая наиболее существенный признак "живой" метафоры, не позволяет рассматривать её в изоляции от определяемого. В образовании и соответственно анализе метафоры участвуют четыре компонента: основной и вспомогательный субъекты метафоры, и соотносимые свойства каждого объекта или класса объектов. Эти компоненты не полностью представлены в структуре метафоры, свойства основного субъекта метафоры, составляющие её семантику, остаются необозначенными. Вследствие этого метафора допускает разные толкования. Значение метафоры формируется

признаками именуемого класса объектов, совместимыми с субъектом метафоры. Существенные признаки класса при этом устраняются. Если метафора лексикализуется, то происходит дальнейшее устранение признаков: значение метафоры сводится к немногим конвенционально закреплённым за ней компонентам. Характерный для класса объектов признак ("специфический атрибут") используется при этом для выделения некоторой разновидности в рамках другого класса и часто сопровождается оценочными коннотациями [ЛЭС 2002].

Содержащийся в языковой метафоре образ обычно не приобретает семиотические функции, т.е. не может стать означающим некоторого смысла. Это отличает метафору от символа (в узком смысле). В метафоре устойчиво значение. Оно прямо ассоциируется со словом как своим означающим. В символе устойчив образ, выполняющий функцию означающего. Символ может быть не только назван, но и изображён. Значение символа не имеет чётких контуров. Метафору объединяет с символом и отличает от знаков и сигналов отсутствие регулятивной (прескриптивной) функции, а следовательно, и прямой адресации [ЛЭС 1990].

Метафора является не только ресурсом образной речи, но и источником новых значений слов, которые наряду с характеризующей способны выполнять номинативную (идентифицирующую, классифицирующую) функцию, закрепляясь за индивидом в качестве его наименования, либо становясь языковой номинацией некоторого класса объектов. В этом случае метафоризация приводит к замещению одного значения другим.

Вопрос о первичной функции метафоры решается по-разному. В риторике и лексикологии метафора рассматривалась прежде всего как средство номинации. Однако есть основания считать исходной для метафоры функцию характеристики, связывающую её с позицией

предиката. Семантическая двуплановость метафоры затемняет её предметную отнесённость. Референция метафоры осуществляется обычно через установление её анафорической связи с прямой номинацией предмета.

Будучи многоаспектным явлением, метафора составляет предмет изучения ряда отраслей знания и разделов лингвистики. Как определённый вид тропов метафора изучается в поэтике (стилистике, риторике, эстетике), как источник новых значений слов — в лексикологии, как особый вид речевого употребления — в прагматике, как ассоциативный механизм и объект интерпретации и восприятия речи — в психолингвистике и психологии, как способ мышления и познания действительности — в логике, философии (гносеологии) и когнитивной психологии.

Метафора полно изучена и в лексикологии. Оба основных типа однозначных слов — имена предметов и обозначения признаков — способны к метафоризации значения. Чем более многопризнаковым, информативно богатым и нерасчленённым является значение слова, тем легче оно метафоризируется. Среди имён это прежде всего конкретные существительные - имена естественных родов, реалий и их частей, а также имена реляционного значения, создающие метафорические перифразы. Среди признаков слов - это прилагательные, обозначающие физические качества, описательные глаголы и т.д. Иногда выделяемая сентенциальная метафора порождена аналогией между целыми ситуациями (например *"Бросать слова на ветер"*, *" терять нить рассуждений "*).

По способу воздействия на адресата метафоры делятся на эпифоры и диафоры. Для первых основной является экспрессивная функция, для вторых — суггестивная. По когнитивной функции метафоры делятся на второстепенные (побочные) и базисные (ключевые). Первые определяют представление о конкретном объекте или частной категории объектов,

вторые определяют способ мышления о мире или о его фундаментальной части.

Метафоризация значения может проходить в пределах одной функциональной категории слов, либо сопровождаться синтаксическим сдвигом. Метафора, не выходящая за пределы конкретной лексики, используется для целей номинации. Вторичная для метафоры функция служит техническим приёмом образования имён предметов. Номинативная метафора часто порождает омонимию. Метафоризация значения признаков слов заключается в выделении в объекте или соответствующем классе объектов признаков, уподобляемых признакам, присущим другому классу предметов. Метафора этого типа имеет познавательную ценность и служит источником полисемии слова. Закономерности расширения сочетаемости признаков слов сводятся к движению от конкретных к абстрактным и к действию принципов антропо- и зооморфизма. Метафоризация значения может сопровождаться переходом существительного из именной позиции в предикатную. Метафора этого типа имеет своей целью индивидуализацию объекта. Образная метафора вводит в язык синонимы. Обратный описанному процесс перехода признакового значения в категорию конкретной лексики не типичен для метафоры [ЛЭС 2002].

Таким образом, могут быть выделены следующие типы языковой метафоры:

- 1) номинативная
- 2) когнитивная
- 3) образная.

Во всех случаях метафора в конечном счёте стирается. По мнению В. Кассирера, семантическая двойственность метафоры не отвечает основным коммуникативным назначениям главных элементов предложения — его субъекта и предиката [Кассирер 1994]. Для идентификации предмета речи

метафора слишком субъективна, для предиката — неоднозначна. Естественное место метафора находит в поэтической, художественной речи, в которой она служит эстетической (а не собственно информативной) функции языка. Это проявляется в том, что к метафоре нет стандартного вопроса. В поэзии, не придерживающейся принципа эксплицитности, метафора употребляется по преимуществу во вторичной для неё номинативной функции, внося в именные позиции атрибутивные и оценочные значения. Для поэтической речи характерна бинарная метафора (метафора-сравнение), объединяющая в генитивное сочетание имена сопоставляемых объектов. Благодаря образу метафора связывает язык с мифом и искусством и соответствующими им способами мышления — мифологическим, художественным, синтетическим [Кассирер 1994]. Метафора играет большую роль в формировании концептуальных систем [Джонсон, Лакофф 1994].

Для выяснения природы метафоры и понимания механизмов её функционирования в публичной речи важно определить её синтаксические свойства. Предложение с метафорическим сказуемым синтаксически сходно с утверждением тождества по следующим чертам:

- 1) оно выражает фактуальное суждение (метафора, как и тождество, констатируется);
- 2) указывает на неградуированный (статичный) признак;
- 3) даёт константную характеристику предмета;
- 4) не допускает синтаксического распространения признаковыми словами, указывающими на меру сходства [Джонсон, Лакофф 1994].

Оно отличается от предложений тождества по следующим признакам:

- 1) истинность метафорически выраженного суждения не всегда может быть логически установлена;

2) предикатная (образная) метафора не может быть кореферентна своему субъекту;

3) метафорическое предложение асимметрично, т.е. не допускает инверсии своих членов [Джонсон, Лакофф 1994].

Эти свойства сближают метафорические предложения с утверждениями сходства, подобия. Синтезируя концепты тождества и подобия, предложения с субстантивным метафорическим предикатом наиболее близки к предложениям классифицирующего типа. Метафорический предикат принимает отрицание только в контексте прямого возражения.

В современной стилистике и лингвистике понятия метафоры и сравнения не отождествляются. Сегодня под термином "метафора" понимается троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов и явлений, для характеристики или номинации объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичному данному в каком-либо отношении. В настоящее время исследование метафоры выходит далеко за пределы риторики. Однако большое количество литературоведческих, лингвистических концепций не дает целостного представления о природе ее возникновения, механизмах функционирования и сфере использования. По мере того как метафора стремительно расширяет свои границы, давно преодолев "запретную зону" научного текста, ее осмысление также требует выхода за пределы одной научной сферы.

2.4 Тропеические средства с позиции лингвосемиотической теории

Существование многочисленных работ, в которых теория метафоры рассматривается с позиций различных наук, среди них философия, языкознание, психолингвистика, герменевтика, когнитивная лингвистика, семиология, нейрокогнитивистика, биологическая теория познания, когнитивная психология, корпоральная семантика, определило необходимость выработки научного подхода, интегративно сочетающего данные вышеперечисленных направлений. В нашем исследовании в качестве одного из основных объяснительных подходов мы рассматриваем лингвосемиотическую теорию тропеических средств (см. подр.: [Зубкова 2011, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017]).

Согласно последнему, механизм метафоризации является универсальным законом изменений в тропеических средств в языковом поле, при этом его невозможно дефинировать однозначно [Зубкова 2011]. В рамках лингвосемиотического подхода процесс метафоризации рассматривается с учётом как языковых, так и когнитивно-семиотических оснований. Метафоризация, согласно данному подходу, определяется как *"динамично развивающийся конструктивный когнитивный процесс, являющийся частью языкового механизма человека"* [там же: 8]. Этот процесс проявляется как в семиотическом поле, так и в языковой системе. Являясь познавательной операцией, метафоризация основывается на восприятии и его продуктах. Под операциями метафоризации понимаются аналогия, подобие и сходство, в результате дешифровки которых происходит распознавание индивидом сходства. Будучи продуктом сознания индивида, метафора всегда связана с индивидуальным стилем говорящего и становится сочетанием имеющегося опыта и новых

ощущений, так как происходит поиск сходства между новым и уже известным.

О. Лещак отмечает, что перенос значений касается не только пары "языковая деятельность-опыт", но и всего комплекса семиотических и опытных функций: "язык-картина мира", "речь-опытные действия", "сигнальные речевые акты-интерактивные социальные действия", "внутренняя речь-психологические акты", "текст-факт", "знак-информация", "языковая модель-алгоритм деятельности", а также целого ряда свойств и характеристик, приписываемых лингвистическим объектам, которые переносятся на их аналоги в мире человеческого опыта [Лещак 2006].

Процесс метафоризации может также реализовываться в семантическом поле, без адресации метафоры реципиенту. В таком случае целью процесса становится понимание концепта предмета или явления посредством более приемлемых и понятных индивиду. Таким образом, становится возможным говорить о роли процесса метафоризации в формировании речематического компонента на подготовительном этапе создания высказывания. В исследованиях моделей порождения речи определённая роль отводится программированию интонационного оформления звучащей речи (см., напр. [Залевская 1999], [Зимняя 2003], [Лурия 2002]). Выделяются следующие уровни [Леонтьев 1995]:

- 1) возникновение мотива;
- 2) формирование замысла высказывания;
- 3) смысловое структурирование замысла;
- 4) семантическое синтаксирование, преобразующее продукт смыслового синтаксирования в форму, которая подчинена правилам глубинной грамматики;
- 5) поверхностное синтаксирование, представляющее собой процедуру преобразования высказывания в структуру, организованную по

правилам конкретного языка с использованием языковых операций фонологического, артикуляторного, просодического, синтагматического, парадигматического типа;

б) фонологическое и моторное программирование высказывания, предусматривающее сегментарный и супрасегментарный уровни. Этот процесс осуществляется на фоне фонационной, артикуляционной, ритмико-слоговой и темпоритмической программ внешней реализации речи, в основе которых лежат соответствующие речепроизносительные навыки (см. напр.: [Леонтьев 1995]). До сих пор остаётся неизученным вопрос о наличии закономерностей в интонационном оформлении тропеических средств, в частности, метафоры, метонимии, синекдохи и других, что определяет проблематику нашего исследования.

Каждая из операций метафоризации концептуализируется особым образом и отражается на концептуальной системе индивида в целом, но это не означает полное копирование элементов окружающего мира. Подобие несомненно является основой метафоры, при этом нельзя недооценивать важность трансформации знаков естественного семиозиса в искусственный. Под естественным семиозисом мы, вслед за О.С. Зубковой, понимаем процесс естественного означивания, знаковой репрезентации информации и использования знаков, имеющих естественное происхождение, в некотором семиотическом пространстве. В *"естественном семиозисе метафора представляется как универсальный семиотико-когнитивный коннектор, соединяющий область восприятия с отображаемой окружающей действительностью"* [Зубкова 2016: 92].

В нашей работе мы разделяем позицию О.С. Зубковой и понимаем под искусственным семиозисом процесс культурного означивания, знаковой репрезентации информации и использования знаков в семиотическом пространстве жизни. Неоднозначность установления сходства между предметами и явлениями создаёт благоприятные условия

для формирования в языке полисемантизма. Высказываемые ранее предположения о ментальной природе сходства [Cauquelin 1990] получили развитие в лингвосемиотической концепции, в которой утверждается, что *"ощущать сходство возможно благодаря метафоризации, а объективировать его в речи — значит производить и понимать метафоры"* [Зубкова 2011: 70].

По наблюдению автора, реализация семиотического потенциала метафоры происходит за счет активного использования аналитических возможностей метафоризации, являющейся на языковом уровне продукты когнитивных операций [Зубкова 2011]. Формирование метафоры осуществляется на трёх основных операциях — подобия, сходства и аналогии. Автор описываемой концепции считает подобие и сходство операциями абстракции более низкого уровня, чем аналогия, так как аналогизация предполагает *"взаимодействие и перенос на уровне знаков в событийной структуре опыта индивида, в то время как сходство или подобие - на уровне семантической конфигурации"* [там же:13]. Так как все перечисленные операции являются продуктами понимания, было выдвинуто предположение об осуществлении метафоры не на уровне восприятия, но на уровне когниции, так как перенос означаемого осуществляется благодаря познавательному опыту человека. В процессе говорения метафоризация сочетает опыт восприятия, лингвистические представления и семический фрейм высказывания. При декодировании метафоры реципиент дешифрует прежде всего впечатление от языкового знака, затем реагирует на означаемое, осуществив его концептуализацию, что свидетельствует о сочетании в процессе коммуникации когнитивных и лингвистических представлений. При метафоризации происходит взаимодействие когнитивного и лингвистического опыта, который *"приобретает семантическую конфигурацию и разворачивается во внешнем контексте"* [Зубкова 2011:15].

На следующем этапе метафоризации происходит формирование ментального представления, основанного на перцептивном опыте. Также реализуется выбор семиотической системы. Дешифровка тропа осуществляется в семасиологическом направлении, с позиции темы. После получения, например, метафоры происходит распознавание знака в условиях контекста и составление мысленного представления об объекте. Происходит запуск оценивания лексической компетенции реципиента, которой может оказаться недостаточно для дешифровки исследуемого феномена. Легче осуществляется распознавание устоявшихся, стёртых метафор, при этом отмечается, что *"именно лексическая компетенция обеспечивает метафорам статус "стёртых" "* [Зубкова 2011:16]. Подчеркнём, что лексическая компетенция может оказаться недостаточной для понимания авторских метафор. Для повышения лексической компетенции необходимо постоянное общение с людьми, принадлежащими к разным социальным группам. Возможны также различные конечные варианты понимания одной метафоры разными собеседниками. О.С. Зубкова объясняет это различием сложившихся у индивидов семантических сетей. По мнению М. Головановой, *"у людей, взаимодействующих на основе имеющегося у них опыта, по мнению ученого, вырабатывается единый "язык", состоящий из языковых репрезентаций известного им опыта"* [Голованова 2007: 31]. Таким образом, профессиональный опыт влияет на формирование языковой картины мира индивида и обуславливает его специфическое видение мира в рамках определенного языка.

Подытоживая вышесказанное, заметим, что процесс метафоризации является когнитивным, включает операции аналогии, подобия и сходства. Рост знакового потенциала тропа реализуется именно при помощи его аналитических возможностей. Процесс метафоризации обеспечивает переход знаков из сферы естественного в область искусственного

семиозиса. С позиции лингвосемитотики рассматривается не только метафора [Зубкова 2011], но и такие тропеические средства, как каламбур [Ушкалова 2016], комический абсурд [Ивлева 2010], эвфемизм [Ботороева 2010]. Нам же представляется необходимым исследовать связь интонационных характеристик высказывания, содержащего тропеические средства, и установить наличие психолингвистических закономерностей, свидетельствующих о неразрывной связи интонации и тропов при реализации коммуникативной интенции.

2.5 Выводы по главе II

Представленные во второй главе исследования о природе тропеических средств позволили сделать вывод об их функционировании в публичной речи в качестве вспомогательного инструмента при формировании общественного сознания, так как они оказывают психологическое воздействие на адресата, прибегая к доступным для слушателя образам.

Отметим, что в современной науке отсутствует общепринятая классификация тропов; приведённая в данной работе классификация основана на выделении трёх основных видов тропов: метафоры, метонимии и синекдохи, причём в современной науке ведутся споры о выделении синекдохи в качестве самостоятельного тропа, так как в некоторых исследованиях синекдоха представлена как "количественная метонимия".

Существование буквального и переносного (метафорического) смысла в языковых выражениях определяет метафору как важнейший троп. Согласно концепции структурализма, метафорическим, т.е. переносным значением обладает любая языковая единица, употреблённая в несвойственном для неё контексте. Таким образом, использование

буквального значения слова в необычном контекстуальном оформлении приводит к образованию новых значений, которые, в случае закрепления в речи, свидетельствуют о номинативной функции метафоры. Именно благодаря своей номинативной функции, процессам метафоризации и наличию образного потенциала метафора проникла из риторики в сферу науки.

Поскольку метафора рассматривается с позиций различных наук, возникла необходимость разработки комплексного подхода к изучению метафоризации. Такой подход получил название лингвосемиотического, и в его рамках метафоризация рассматривается с учётом языковых, когнитивных и семиотических оснований. При формировании высказывания процесс метафоризации как результат когнитивного процесса влияет на формирование рематического компонента высказывания: троп, выводя на первый план не буквальное, а переносное значение, способен трансформировать тематический компонент в рематический. Метафоризация значений позволяет ощущать сходство и проводить параллели между предметами и явлениями, а дальнейшее воспроизводство тропов в речи свидетельствует о понимании заложенного в них смысла.

ГЛАВА III. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ИНТОНАЦИОННОГО ОФОРМЛЕНИЯ ТРОПЕИЧЕСКИХ средств

3.0 Вводные замечания

Признавая тропеические средства лингвосемиотическим феноменом, и продуктом метафоризации как когнитивного процесса, мы предполагаем, что просодический аспект реализации тропеических средств в речи отражает индивидуальные когнитивные особенности адресанта. Вместе с тем, по нашему мнению, успешность дешифровки тропеических средств зависит от когнитивно-перцептивно-аффективного опыта адресата. Гипотеза нашего исследования предполагает наличие определённых интонационных моделей оформления тропов в речи. Следовательно, нам представляется возможным выделить и описать указанные интонационные закономерности, что является общей целью нашего исследования. Распознавание и дешифровка тропеических средств зависит от степени сформированности лингвистической, культурной и профессиональной компетенций. Процессы кодировки и синтеза тропов, отбора оснований для установления сходства/смежности явлений также зависят от отмеченных компетенций (лингвистической, культурной и профессиональной). Частными целями нашего исследования являются установление влияния когнитивно-перцептивно-аффективного опыта и индивидуальных особенностей человека на просодические особенности речи с использованием тропеических средств.

Мы полагаем, что такие факторы, как коммуникативная ситуация, жанровость статусно-индексального общения, стратификация по субъектам деятельности и индивидуальные особенности адресанта и

адресата, оказывают непосредственное влияние на выбор тропов и на интонационные контуры, которые эти тропы оформляют.

Коммуникативные ситуации, в которых адресант реализует навыки публичной речи, различаются по форме, степени формальности и спонтанности речи, количеству собеседников, а также их уровню подготовленности к восприятию речи оратора в данных условиях. В нашей работе мы рассмотрим коммуникативные ситуации предвыборных дебатов, выступление участвующих в выборах кандидатов перед электоратом, участие в дискуссионно-аналитических программах, а также закадровую подготовленную речь ведущих информационно-аналитических программ, так как в данных коммуникативных ситуациях ярко проявляется влияние ситуативных и индивидуальных особенностей говорящих, при этом лингвокультурные различия во многом определяют интонационное и тропеическое оформление речи.

Предвыборные дебаты несомненно являются примером коммуникации в публичной среде. Согласно Е.И. Шейгал, дебаты характеризуются более непосредственным и спонтанным коммуникативным поведением участников [Шейгал 2004]. Заслуживает внимания тот факт, что несмотря на общепринятую структуру дебатов (один ведущий-модератор дискуссии и два участника-кандидата или представителя избирающейся партии), коммуникация внешне представляет собой направляемый диалог, но при этом реальным адресатом является не оппонент, а потенциальный электорат. В.З. Демьянков для обозначения этого термина вводит понятие "имплицитная адресация", т.е. адресация, при которой оратор обращается не столько к реальной, сколько к виртуальной, имплицитной, целевой аудитории [Демьянков 2003]. Однако за счёт возможности дискутировать с оппонентом напрямую в диалоге отмечается повышенный уровень эмоциональности. В таких условиях речь в основном является

неподготовленной, следовательно, употребление метафор, каламбура, игры слов и прочих тропеических средств имеет спонтанный характер.

Целевой аудиторией выступлений перед электоратом являются избиратели, но данная коммуникативная ситуация является воспроизведением подготовленной монологической речи. Такие условия предполагают запланированное использование тропеических средств, что включает выбор определённого положения в высказывании, заранее продуманные интонационные модели. Цель коммуникации — оказать влияние на выбор людей, представив свою политическую программу в наиболее выгодном и убедительном свете.

Дискуссионно-аналитические программы отличаются от дебатов количеством участвующих собеседников: если в дебатах традиционно принимают участие два оппонента, то в дискуссионно-аналитических программах выступают несколько собеседников, которые могут представлять две противоборствующие стороны, либо несколько сторон. Эмоциональный уровень подобной формы общения очень высок, так как оппоненты не только должны привлечь на свою сторону избирателей, но и получают возможность выставить своих конкурентов в наименее выгодном свете. Начиная с подготовленного выступления, по ходу программы речь выступающих становится всё более спонтанной.

Закадровая речь дикторов информационно-аналитических программ носит подготовленный характер. Цель коммуникации — не просто передать информацию о событиях или выразить мнение авторов программы, а сформировать определённое общественное мнение, влияя на общественное сознание. Использование тропеических средств является тщательно продуманным, при этом отсутствие визуального контакта с аудиторией придаёт дополнительное значение интонационным параметрам речи.

Индивидуальные особенности адресата и адресанта оказывают непосредственное влияние на использование в речи тропеических средств и их восприятие. Согласно психолингвистическому подходу, развиваемому А.А. Леонтьевым, образ какого-либо явления имеет *"дуальный характер"*, так как формируется дважды: *"первый раз образ формируется в сознании и озвучивается адресантом, второй раз — адресат воспринимает полученный образ и составляет собственный образ"* [Леонтьев 2003: 79]. При этом индивидуальный когнитивный опыт имеет решающее значение: обладая большим опытом, индивид может устанавливать больше связей между предметами и явлениями окружающей действительности, основываясь на их сходстве или смежности, тем самым создавая тропеические средства. В процессе их дешифровки индивид опирается на собственный когнитивный опыт и при условии его достаточности распознавание и интерпретация образных средств проходит успешно; особенности индивидуального восприятия и когнитивно-перцептивно-аффективного опыта адресата приводят либо к полному провалу коммуникации (адресат совершенно не понял смысл высказывания), либо к неверному восприятию высказывания (происходит неверная интерпретация смысла высказывания, в результате чего переносное значение лексических единиц или целых словосочетаний и предложений воспринимается как прямое). Тип темперамента оказывает непосредственное влияние на эмоциональность речи, так как различные его типы предполагают определённые особенности нервной системы [Павлов 1973]. Так, представители типов темперамента с подвижной нервной системой (преобладание холерического и меланхолического типа) более склонны к повышению эмоциональности коммуникативной ситуации, и при условии наличия богатого личного когнитивного опыта, их речь богата образными средствами. Индивиды, в чьей личности преобладают черты сангвинического и флегматического темпераментов,

менее склонны к "драматизированию", что предполагает более продуманное и менее частотное употребление тропеических средств. Нельзя пренебрегать уровнем личных переживаний индивида, так как даже самый типичный представитель флегматического типа темперамента при определённых условиях переживает возбуждение нервной системы, и, следовательно, типичная для него безэмоциональная манера речи претерпевает изменения [Рассолова 2011].

Опираясь на изложенные выше факты, мы выдвинули предположение о существовании определённых интонационных закономерностей, присутствующих в речи индивидов, и различающихся в зависимости от коммуникативной ситуации и индивидуальных особенностей адресата и адресанта. Основываясь на существующем исследовании лингвосемиотических аспектов функционирования каламбура [Зубкова, Ушкалова 2017], нам представляется вероятным установление некоторых сходств в интонационных моделях каламбура и других тропеических средств. Данные теоретические предположения послужили основанием для проведения нашего практического исследования.

3.1.1 Задачи исследования

С целью изучения интонационного оформления тропеических средств нами были определены следующие задачи:

- исследовать отличительные особенности интонационного оформления различных тропеических средств в публичной речи;
- установить роль интонации в процессе кодирования и декодирования тропов;
- описать интонационные контуры, проявляющиеся в различных коммуникативных ситуациях публичной речи;

- установить или опровергнуть факт наличия устойчивых интонационных моделей, использующихся в публичной речи;
- установить закономерности использования интонационного контура высказывания в зависимости от индивидуальных особенностей говорящего и коммуникативной ситуации.

3.1.2 Материал исследования

На этапе отбора исследуемого материала мы исходили из положения о том, что *"троп, функционирующий в устной неподготовленной публичной речи – это лингвосемиотический знак, в котором осуществляется корреляция знаковых репрезентантов ментальных категорий объектов/явлений окружающей действительности, принадлежащих к различным областям знания, но между которыми индивид устанавливает достаточно стабильные связи, фиксирующиеся в языке"* [Зубкова, Бурак 2016:122]. В качестве материала для исследования были отобраны 400 случаев употребления различных тропеических средств, встретившихся в публичной речи. Источниками материала послужили информационно-аналитические программы "Воскресное время", "Время покажет", "К барьеру", "Поединок" (телеканалы "Первый", "НТВ", "Россия") за период с 2014 по 2017 год, записи предвыборных дебатов в Государственную Думу Российской Федерации 2016 года и дебаты кандидатов на пост Президента Соединённых Штатов Америки 2016 года: Дональда Трампа и Хиллари Клинтон (телеканалы CBS, CNN, NBC, Fox News, ABC, 26.09.2016, 9.10.2016, 19.10.2016), новостные материалы телеканалов ARD и Deutsche Welle (2016-2017), а также записи инаугурационных речей Б. Обамы (2009), Д. Трампа (2017) и В.В. Путина (2012). Анализу подверглись данные, зафиксированные в 400 скриптах,

2442 расшифрованных текстах и 875 контекстах функционирования тропов.

Обращение к данным источникам было обусловлено следующими факторами:

- в настоящее время телевидение является самым популярным средством массовой информации, при этом значительная часть аудитории использует Интернет, чтобы смотреть телевизионные передачи;

- центральные телевизионные каналы являются мощным инструментом формирования общественного сознания, так как имеют большую зрительскую аудиторию;

- процедура выбора власти привлекает внимание абсолютного большинства населения страны, поэтому предвыборные выступления кандидатов не только имеют широкую и разноплановую аудиторию, но и вызывают общественный резонанс.

3.1.3 Методики исследования

В ходе исследования использовались следующие методики: анализ и синтез полученных данных, теоретическое обобщение, индукция, статистический метод. Для получения необходимого количества эмпирического материала нами было просмотрено 1053 часов материала, в результате чего было отобрано 400 высказываний, содержащих тропы.

Звучащая речь была обработана при помощи программы Speech Analyzer 3.1 и интерпретирована с целью получения данных о темпоральных характеристиках звучащей речи и паузации, частотных характеристиках голоса говорящего, направлении движения основного тона. Анализу подверглись данные, зафиксированные в 400 скриптах, 2442 расшифрованных текстах и 875 контекстах функционирования тропов.

3.1.4 Обработка полученных данных

Собранные данные были проанализированы нами с целью установить зависимость интонационных характеристик речи от коммуникативной ситуации и индивидуальных особенностей говорящего. Было получено 869 аудио- и видеофайлов, впоследствии переведённых в скрипты и отобрано 400 наиболее иллюстративных скриптов, которые позволили нам установить и продемонстрировать факт наличия и величину пауз, предшествующих и следующих за высказыванием с повышенной образностью, частоту и направление основного тона. Далее мы проанализировали фонетические характеристики речи говорящих, чтобы проверить их зависимость от ситуативных и индивидуальных особенностей.

Полученные данные были представлены в виде графиков и схем, отражающих длительность пауз в речи говорящего в зависимости от коммуникативной ситуации; длительность пауз в зависимости от класса тропа; частоту основного тона голоса говорящего при использовании тропеических средств.

3.1.5 Интерпретация результатов исследования

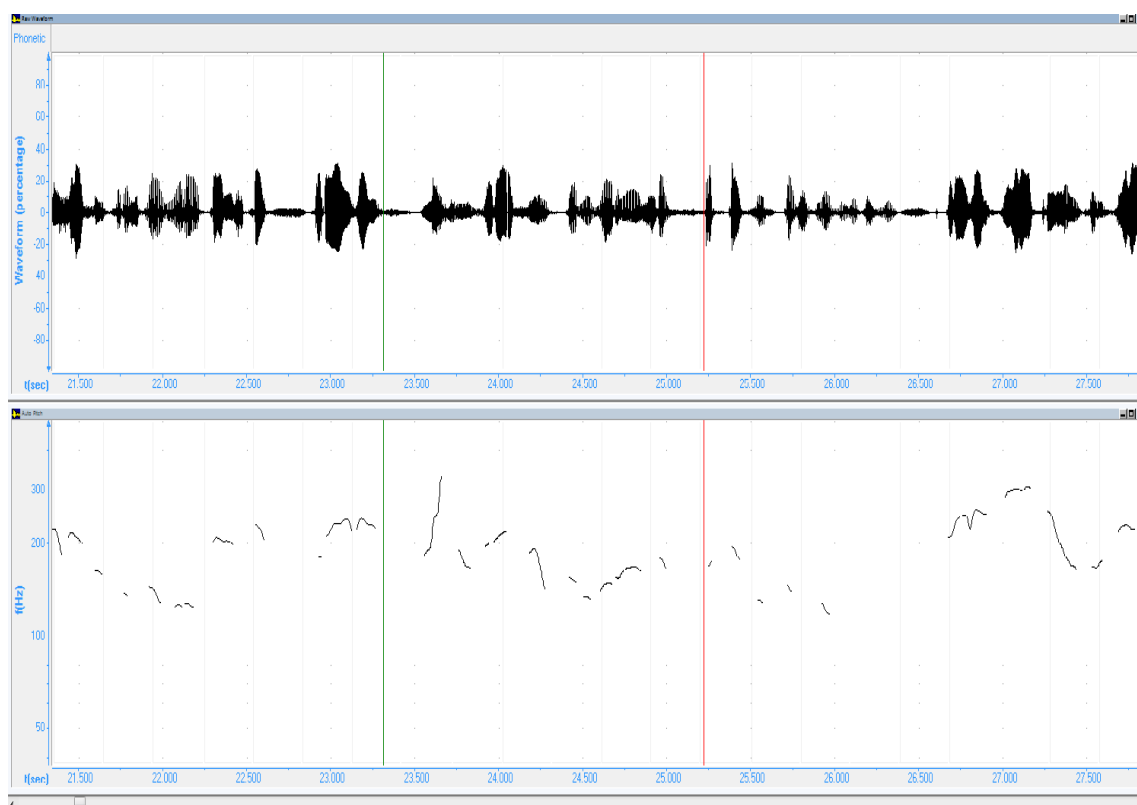
Опираясь на положения лингвосемиотической теории О.С. Зубковой о том, что *"наращивание семиотического потенциала тропа происходит за счет активного использования аналитических возможностей метафоризации, манифестирующей на языковом уровне продукты когнитивных операций"* [Зубкова 2011], а также на определение метафоризации, согласно данной теории, как *"динамично развивающегося конструктивного когнитивного процесса, являющегося частью языкового механизма человека"* [Зубкова 2011:8], мы приходим к выводу, что

"означивающие практики устанавливают правила и порядок действий со знаками в коммуникативных процессах, что предполагает необратимый распад и переструктурирование бесконечного семиотического потока, возникновение отдельных флуктуаций, трактуемых в качестве профессиональных метафор, метафорических эпитетов, каламбуров, ономапоней, перифраз и др." [Зубкова 2013 <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/013-005.pdf>].

Были изучены различные коммуникативные ситуации употребления тропеических средств в публичной речи и проанализированы индивидуальные просодические характеристики речи ораторов. Стоит отметить, что при анализе речи ораторов и поиске тропеических средств, мы исходили из постулата структурализма о том, что при употреблении всякой лексической единицы в непривычном контекстуальном окружении, данная единица приобретает переносное значение и, следовательно, функционирует как метафора. Публичная речь направлена не на каждого отдельного слушателя, но на всю аудиторию в целом; при сильном эмоциональном воздействии в толпе возрастает роль бессознательного, при этом единство аудитории обусловлено тем, что адресаты одновременно попадают под воздействие речи конкретного адресанта. В таких условиях у человека активизируются эмоции и снижается способность к рациональным оценкам и суждениям. В ходе нашего исследования мы пришли к изложенным ниже выводам.

Нами было выявлено, что независимо от коммуникативной ситуации и индивидуальных особенностей личности ораторов, тропеические средства выделяются в потоке звучащей речи при помощи предшествующей и последующей пауз. Так, например, в информационно-аналитической программе "Воскресное Время" ведущая Ирада Зейналова озвучивает следующую мысль: *"...консервативным правым придется с ним <Трампом> смириться и забыть разговоры о том, что Рейган бы в*

гробу перевернулся от таких последователей..." [Первый Канал, 12.06.2016]. Согласно Фразеологическому словарю русского языка "перевернулся в гробу" — это фразеологизм, означающий "предельно возмущился бы, пришёл бы в ярость, если бы увидел, услышал и т.п. (об умершем)" [Фразеологический словарь русского языка под ред.Фёдорова 2008]. На графике отображается предшествующая фразеологизму пауза длиной 0,27 секунды, и последующая ему пауза 0,2 секунды. Здесь и далее вертикальными линиями отмечены границы "троп + пауза" (см. график 1).

График 1.

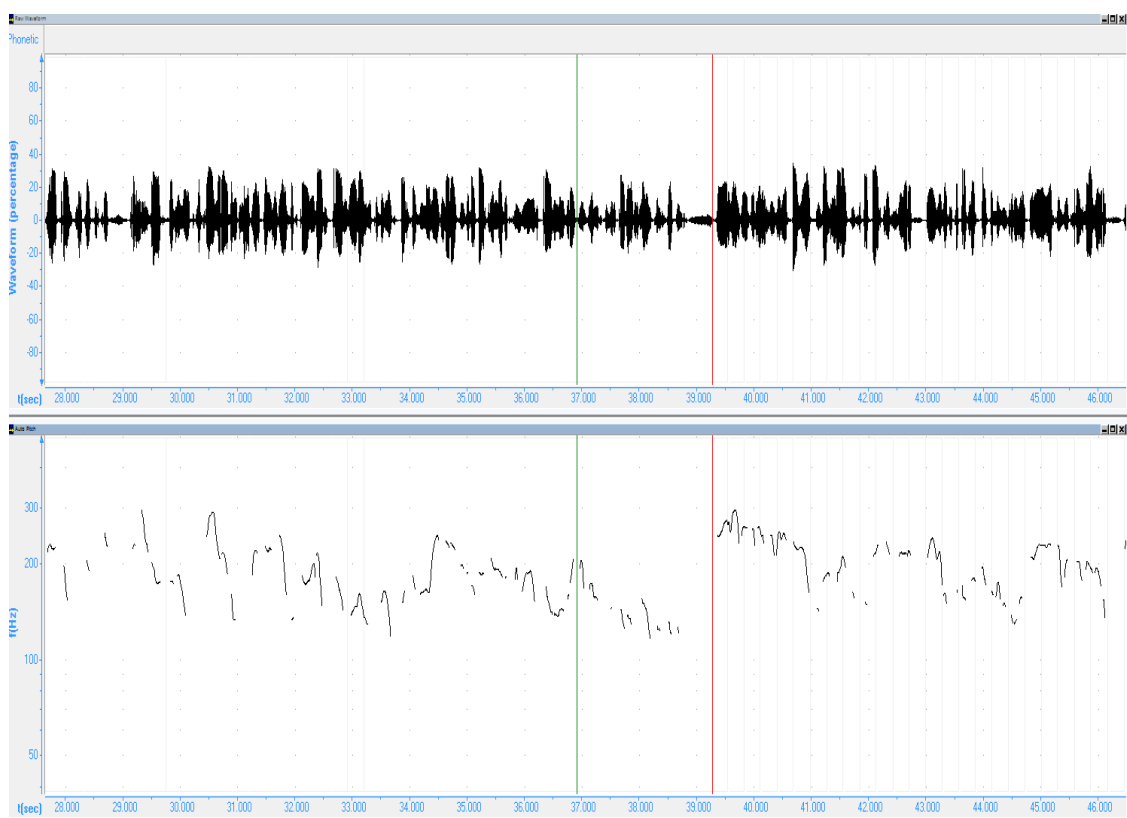
На основании гипотезы Ч. Пирса о тропах как о мотивированных знаках, заметим, что выделенные учёным три типа знаков (индексы, иконы, символы) соответствуют трём ступеням семиозиса как процесса означивания и возникновения в сознании знака и знаковых отношений между предметами и явлениями реальной жизни, его отображением в сознании и формой знака [Пирс 2001]. При этом наименьшая степень условности характерна для знаков-индексов, наибольшая — для знаков-

символов [Зубкова 2013]. Представленный в высказывании И. Зейналовой фразеологизм, основанный на механизме метафоризации, широко распространён в русском языке, его значение известно абсолютному большинству носителей русского языка, следовательно, в данном контексте он функционирует как знак-символ.

Факт существования таких пауз позволяет расширить вывод, к которому приходит М.В. Ушкалова, постулирующая о существовании пауз при интонационном оформлении каламбура: *"для построения юмористического высказывания, придания ему звуковой формы автору приходится привлекать свои лингвистические знания, когнитивные ресурсы, равно как и адресату для дешифровки каламбура необходимо хотя бы несколько секунд на осмысление для того, чтобы уловить намек, иронию и дешифровать метафорический смысл"* [Ушкалова 2016]. Мы же утверждаем, что привлечение когнитивного опыта и лингвистических знаний необходимо адресанту для формирования любого тропеического средства, так как его производство основано на личном познавательном опыте. При этом адресат также вынужден прибегать к собственному опыту и знаниям для дешифровки тропа, для интерпретации его метафорического или метонимического смысла.

Однако паузация не является единственным возможным маркером тропеического средства. Сравнивая предвыборную гонку кандидатов на пост Президента США с игрой в карты, Ирада Зейналова прибегает к развёрнутому сравнению: *"в последний момент соратники по партии могут изменить правила игры и **вынуть из рукава** свои кандидатуры"* [Первый Канал, 12.06.2016]. Согласно Словарю фразеологизмов, оригинальное выражение звучит следующим образом: *"вынуть туз/козырь из рукава"*. Как и идиомы, фразеологические конструкции являются неделимыми единицами со строго закреплённой синтаксической и грамматической формой; замена хотя бы одного слова в составе

фразеологизма может привести к разрушению метафоры и потере смысла. Однако в данном высказывании мы наблюдаем осознанную замену общепринятой лексемы *туз/козырь*, что приводит к созданию дополнительной коннотации у слова "*кандидатура*" — "*сокрытый инструмент, дающий возможность изменить расстановку сил в противостоянии*". Подобное коннотативное значение воспринимается адресатами на интуитивном уровне, так как значение оригинального фразеологизма широко известно. Обратим внимание на полученный график (см. график 2):

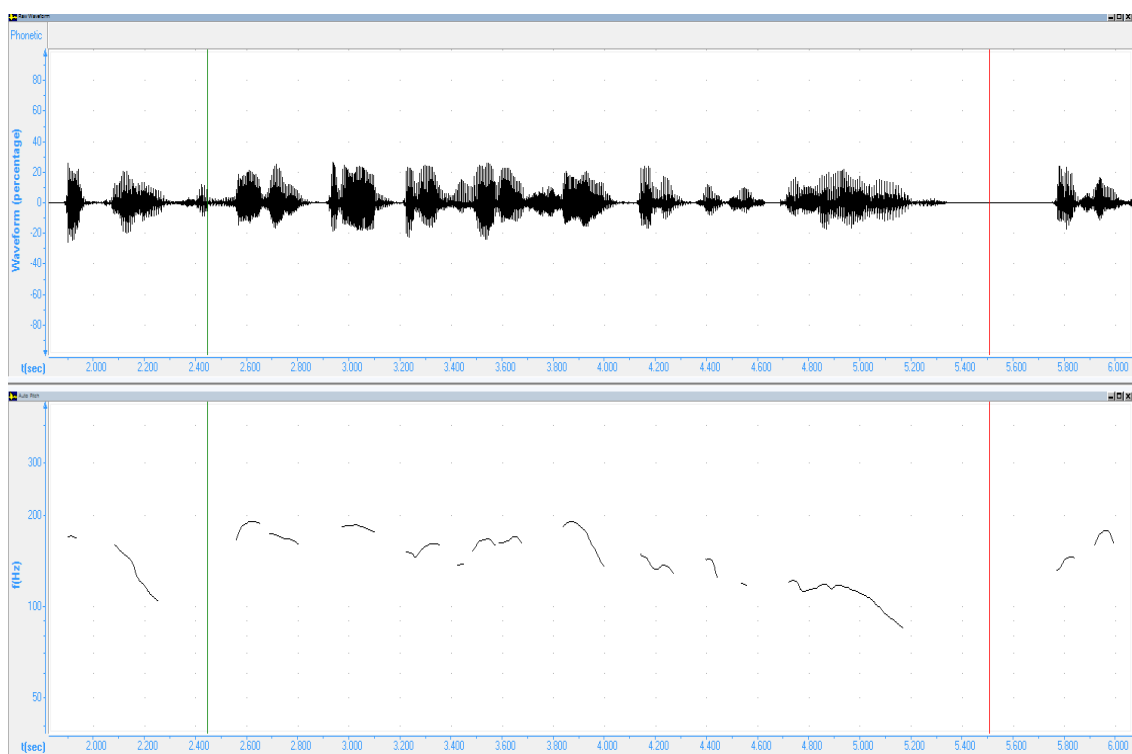
График 2.

Вследствие изменённой лексической структуры, мы не можем отнести выражение "**вынуть из рукава свои кандидатуры**" к группе фразеологизмов, но признаём его метафорический характер. Оценивая степень условности данного высказывания, можем отметить, что несмотря

на метафорическое основание, конвенциональность выражена в значительно меньшей степени, что приближает описываемый речевой оборот к категории авторских тропов, и, следовательно, к знакам-иконам. Выражение **"вынуть из рукава свои кандидатуры"** не выделяется паузами в контексте развёрнутого метафорического оборота, но при этом как на выражении "изменить правила игры", так и на "вынуть из рукава свои кандидатуры" мы наблюдаем повышение тона голоса до 250 Hz и 200 Hz соответственно. Пауза в 0,7 секунды, наблюдаемая после указанного выражения, в данном случае определяет окончание всего высказывания.

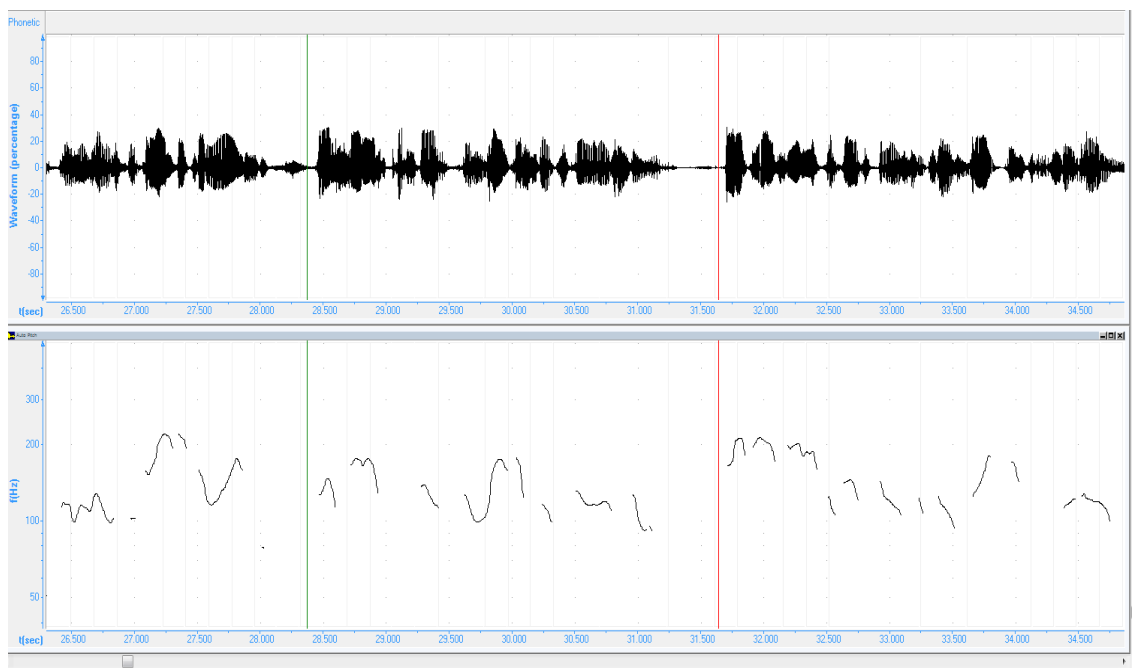
Интересно, что с переходом Ирады Зейналовой на телеканал НТВ её манера представления материала претерпела незначительные, но всё же изменения. Количество авторских преобразований известных оборотов сократилось, при этом нельзя не обратить внимание на достаточно оживлённую, по сравнению с Первым каналом, проксемику ведущей. Она прибегает к активной, но не дистрактивной жестикуляции, подчёркивающей опорные моменты её речи. Сокращение количества тропов можно объяснить отличной от Первого канала зрительской аудиторией НТВ: телеканал НТВ входит в тройку самых рейтинговых российских каналов, и среди них занимает первое место по охвату мужской аудитории. Телеканал позиционируется как нацеленный на платежеспособных, работающих людей, имеющих высшее образование. При этом Первый канал ведёт трансляцию для самых широких кругов населения, в том числе для молодёжи, а его основной аудиторией являются женщины. Именно этими фактами обоснована высокая концентрация образных средств в речи ведущих: при помощи тропов происходит апелляция не только к рациональному, но и образному, эмоциональному мышлению, склонность к которому традиционно проявляют такие социальные группы как молодёжь и женщины.

Подобная интонационная модель не является индивидуальной особенностью стиля Ирады Зейналовой. Приведённый ниже скрипт высказывания Валерия Фадеева о том, что "*...Дональд Трамп **разворошил политический муравейник...***", показывает, что в речи ведущего также наблюдается повышение тона голоса на метафорическом выражении до 200 Hz, что соответствует уровню начала интонационной группы (см. график 3). Высказывание содержит неизменённый, но дополненный метафорический оборот, функционирующий в качестве знака-символа.

График 3.

Схожую интонационную модель демонстрирует Михаил Леонтьев в рубрике "Однако". В качестве примера приведём его высказывание "*...Чем ближе президентство Трампа, тем меньше решимости **кошмарить** президента собственными силами...*" (см. график 4):

График 4.

Авторский неологизм "*кошмарить*" выделяется предшествующей микропаузой 0,2 секунды и последующей 0,18 секунды. При этом повышение тона, присутствующее на этой лексеме, весьма незначительное: с 130 Hz до 140 Hz, что не выделяет данный неологизм из общего потока речи. Однако, как уже было отмечено выше, метафорический оборот на этапе своего зарождения в качестве авторского тропа, имеет очень низкую степень условности, что свидетельствует о его иконической природе.

В целом, изучив стиль презентации материала информационно-аналитической программой "Воскресное Время", нельзя не отметить тот факт, что в речи дикторов в большом количестве присутствуют различные тропеические средства (фразеологизмы, метафоры, метафорические эпитеты, олицетворения, каламбуры) и даже сниженная лексика, например "*угробить*", "*беспринципная интриганка*". Согласно нашим статистическим подсчётам, на сюжет длительностью около 7 минут приходится в среднем 15 тропеических средств разного характера; в некоторых сюжетах это количество доходит до 28. При этом нам

представляются удивительными и неестественными попытки включить образные средства в контекст дискурса информационно-аналитической программы, при этом максимально сглаживая выделение из общего контекста этих лексем и словосочетаний. Мы усматриваем здесь сознательное обесценивание норм русского литературного языка, ведь если в уважаемой программе, транслируемой по центральному телевидению, можно услышать выражения "мочить", "кошмарить" и т.п., то это означает, что центральные СМИ "одобряют" повсеместное употребление сниженной лексики. При этом нельзя не обратить внимание на тот факт, что язык СМИ определяется его аудиторией, в данном случае аудитория Первого канала является весьма разноплановой, следовательно, используемый язык должен быть понятен всем. Более того, использование ярко окрашенных, эмоциональных разговорных выражений позволяет расширить аудиторию за счёт привлечения внимания молодёжи.

Однако, подобное "обесценивание" характерно не для всех дикторов и ведущих. Общественно-политические программы В.Соловьёва ("К барьеру", "Поединок") имеют другую, более серьёзную, компетентную и думающую аудиторию, что обусловлено не только поднимаемыми в передачах темами, но и особенностями речи ведущего. Стиль ведения передачи ведущим и уровень когнитивно-перцептивного опыта аудитории оказывают взаимное влияние: интеллектуальная речь ораторов привлекает подготовленную аудиторию, в свою очередь, сформировавшаяся аудитория не даёт возможность ведущему радикально изменить стиль своей речи.

Нами выявлено, что речь подготовленная и речь спонтанная обладают разными интонационными характеристиками. Подготовленная публичная речь дикторов центрального телевидения отличается большей монотонностью. При этом речь спонтанная не всегда характеризуется разнообразием авторских метафор: основываясь на собственном

когнитивно-перцептивном опыте, адресат использует те тропеические средства, которыми он хорошо владеет и значение которых он точно знает. Использование свежих, новых метафор свидетельствует об активной когнитивной деятельности. Так, например, в речи В. Соловьёва практически отсутствуют метафоры-клише, но присутствуют тропеические средства, возникающие в ответ на услышанную информацию: *"Идеология без ценностей? Это какая-то бесценная идеология у вас получается!"* Просодические маркеры, оформляющие данное высказывание, это микропауза перед метафорой *бесценная идеология* (0,2 сек), а также акцентуация, реализующаяся при помощи повышения тона голоса. Иногда реакция В.Соловьёва звучит достаточно резко и категорично, но при этом ведущий не допускает использования сниженной лексики: *"Вы не сравнивайте красное дерево 1917 года и то, что разрослось из него."* В данном высказывании реализована повелительная синтаксическая конструкция, пресекающая возможность конфронтации, но при этом присутствует сравнение Великой Октябрьской Революции 1917 года с красным деревом, которое впоследствии претерпело изменения и разрослось.

Как уже было сказано выше, коммуникативная ситуация "дебаты" характеризуется повышенной эмоциональностью, так как оппоненты сталкиваются в данной ситуации лицом к лицу, что вызывает накал страстей. Далеко не последнюю роль здесь играет индивидуальные психологические особенности выступающих. Рассмотрим коммуникативную ситуацию "дебаты" на примере предвыборных дебатов кандидатов от партий в Государственную Думу Российской Федерации, а также кандидатов в Президенты РФ и США.

Показательно участие кандидатов в Президента РФ В.В. Жириновского и С.М. Миронова в программе "Поединок" на канале "Россия-1" (26.01.2012). Как стилистически, так и лексически и

интонационно речь данных политиков резко отличается друг от друга. Речь В.В. Жириновского изобилует сниженной лексикой, громкость речи повышена. Авторские неологизмы, резкие эпитеты и сравнения часто встречаются в его речи, но при этом они не выделяются при помощи каких-либо дополнительных просодических маркеров. Согласно классификации Е.И. Шейгал, жанры политического дискурса делятся на первичные (прототипные), к которым относятся речи, переговоры, дебаты и т.п., и вторичные (маргинальные), к которым относятся жанры бытового общения, например, разговоры о политике, обсуждения, то есть "реакция общественности на действия, совершённые политиками" [Шейгал 2004:245]. Осуждение, критика с использованием сниженной лексики применимы традиционно к вторичным жанрам; обращение В.В. Жириновского к этим характерным чертам делает его выступления близкими к так называемым "разговорам на кухне", что ставит под угрозу его статус серьёзного политического деятеля.

С.М. Миронов держится сдержанно и спокойно, просодические характеристики его речи соответствуют нормам русского литературного языка. Тропеические средства, к которым он прибегает, интонационно оформлены согласно установленной нами модели: "предшествующая микропауза + повышение тона + пауза". Приведём скрипт высказывания: "*Потому что если, простите, на его <Жириновского> **пургу** обращать внимание и реагировать...*" (см. график 5)

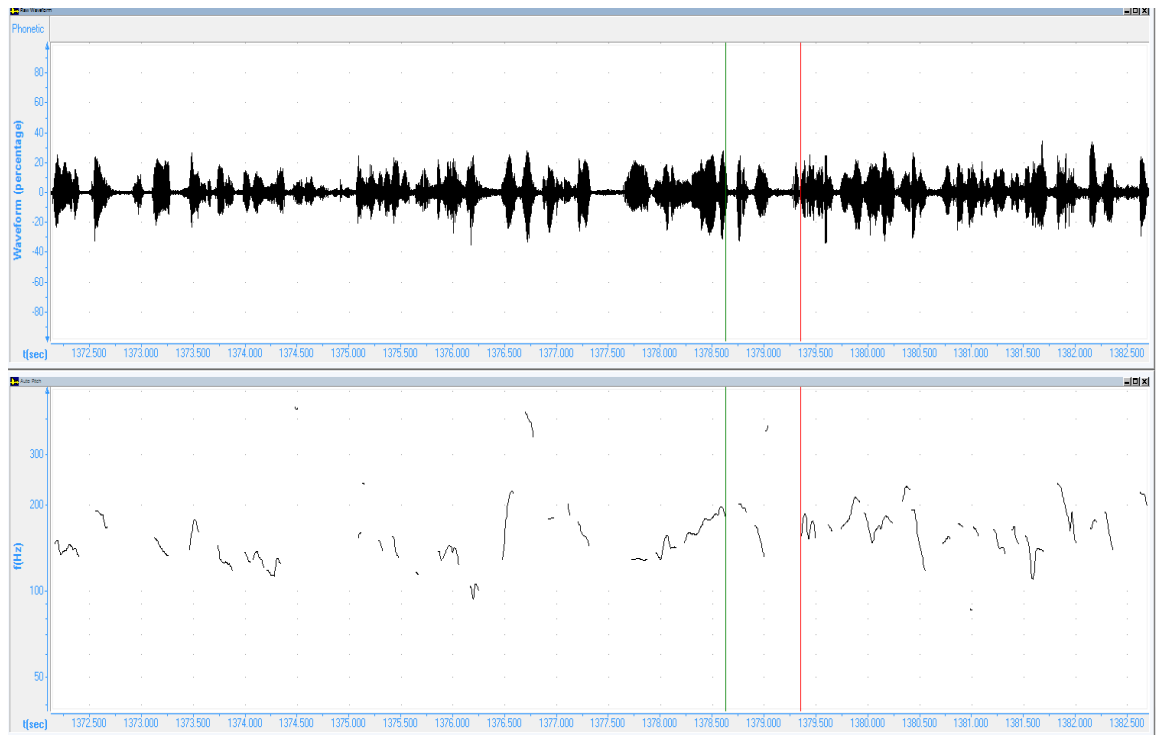

График 5.

За лексемой "пурга" следует пауза продолжительностью 0,4 секунды, повышение тона голоса также присутствует, что подтверждает выдвинутый нами тезис о наличии паузы, оформляющей троп в условиях звучащей речи.

Заслуживает внимание тот факт, что схожую картину можно было наблюдать в предвыборных дебатах кандидатов на пост Президента США Дональда Трампа и Хиллари Клинтон.

Обратим внимание на интонационный рисунок речи Хиллари Клинтон (см. График 6):

*"And we're gonna work hard to make sure that it is, because we are going to go where the **bunny** is"*

*"И мы собираемся усердно работать, чтобы убедиться, что это так и есть, мы будем преследовать нашу цель (досл.пер: мы пойдём туда, где **кролик**" - аллюзия на прекрасно известного в англоязычной культуре Белого Кролика из сказки Л.Кэрролла, именно за этим кроликом следовала*

Алиса, чтобы узнать, куда он её приведёт, хоть и догнать его было весьма непросто):

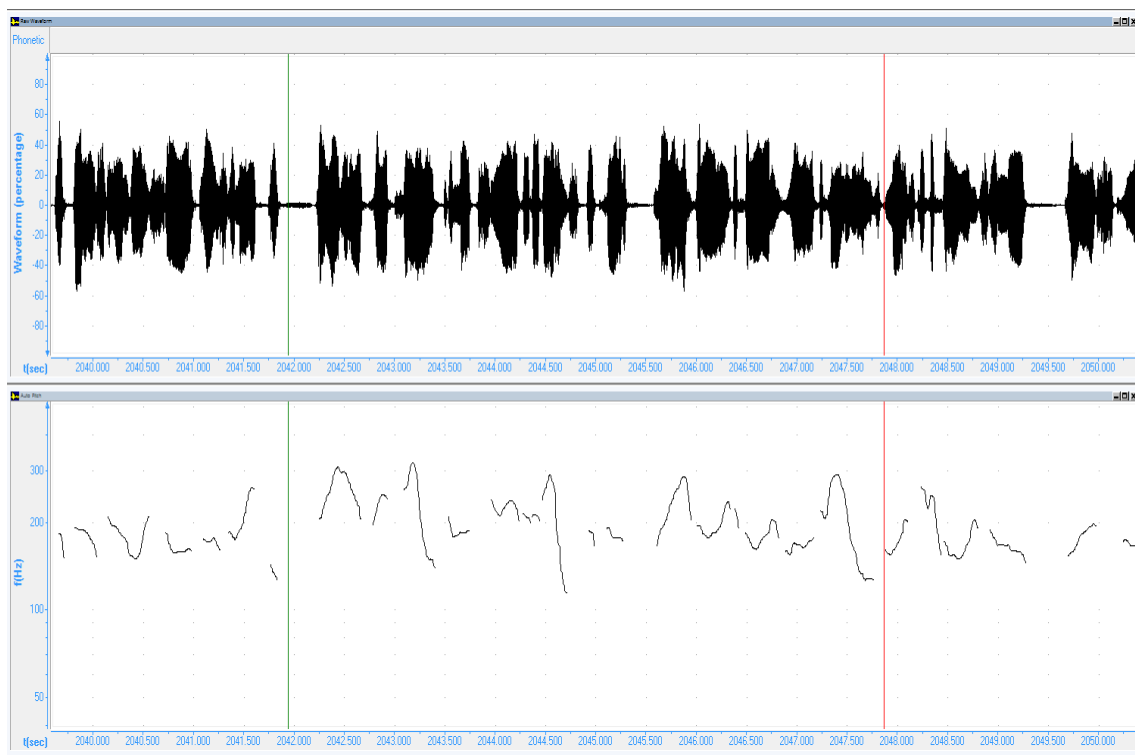
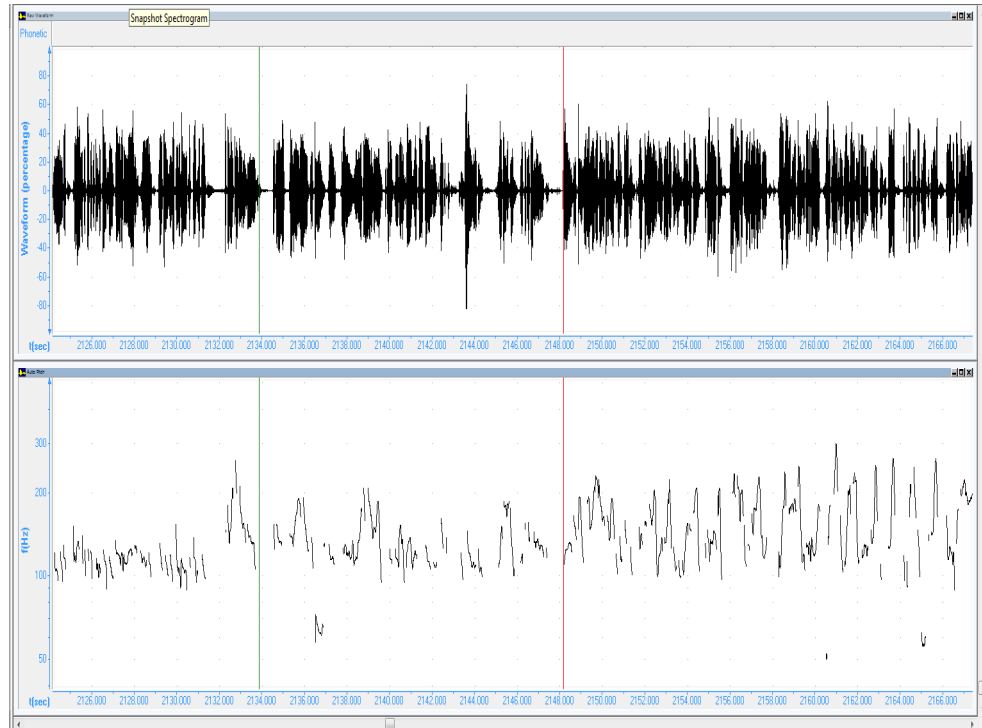

График 6.

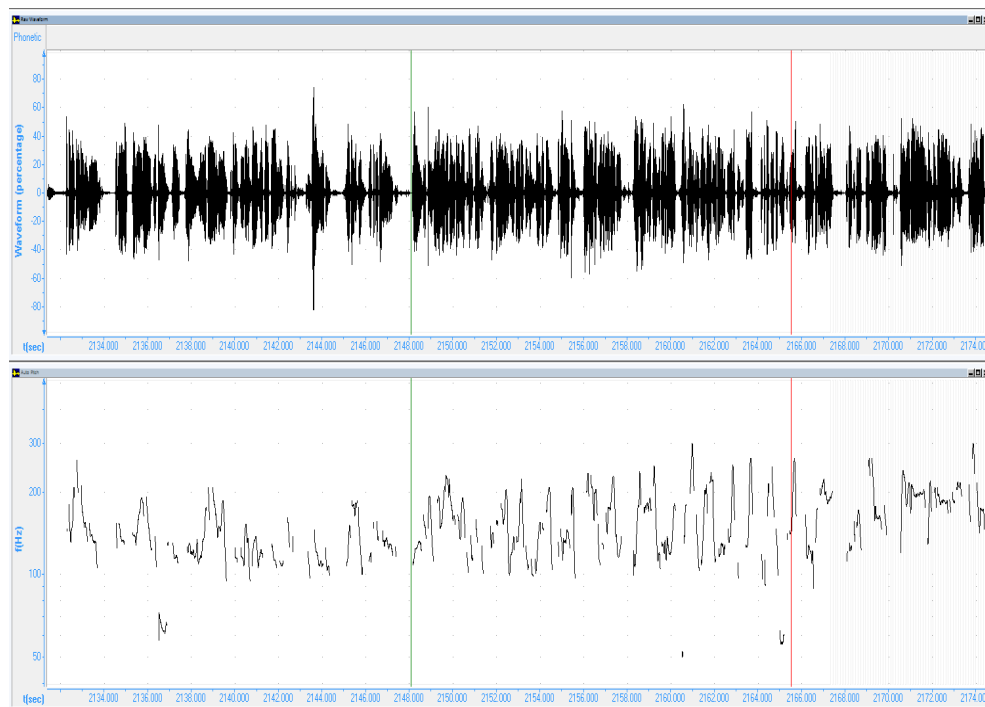
В речи Х. Клинтон ярко выражены акценты, которые сопровождают не просто самостоятельные с грамматической точки зрения части речи, но лексемы, определяющие её позицию как кандидата: **we're** gonna — мы собираемся, **hard** - усердно, to make sure that it **is** — чтобы убедиться, что так и есть. И далее наглядный пример функционирования в речи так называемой нисходящей шкалы с последующим восходяще-нисходящим тоном широкого диапазона: *...we are going to go where the **bunny** is.* Данная аллюзия функционирует как знак-символ, т.к. благодаря всемирной известности сказки Л. Кэрролла объясняет высокую степень её конвенциональности.

В целом, речь Х. Клинтон менее подвержена просодическим изменениям при изменении эмоционального фона дебатов. Ни диапазон её голоса, ни темп речи не претерпевают ярких изменений, чего нельзя не

заметить в речи Д. Трампа. На графиках 7 и 8 представлены интонационные контуры речи Д. Трампа; график 7 демонстрирует спокойную речь, в которой присутствуют многочисленные паузы, а график 8 — речь, в которой Д. Трамп высказывает волнующие его факты:

График 7.

График 8.

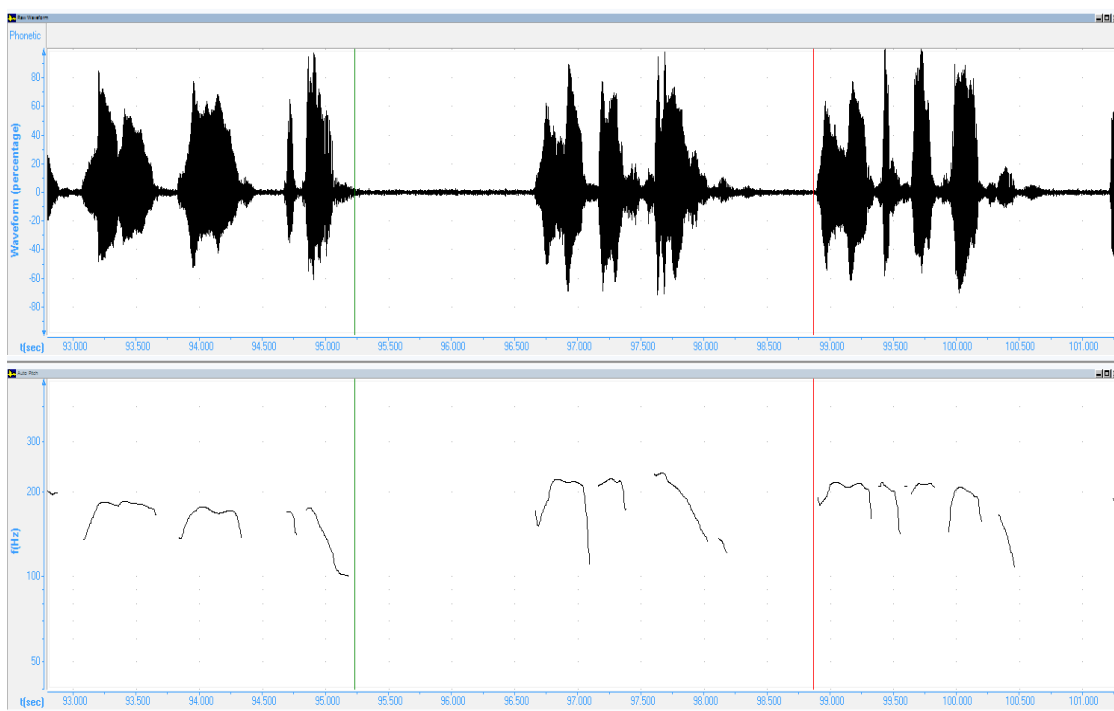
Как видно из приведённых графиков, Д. Трамп более подвержен переменам в эмоциональном состоянии, что отражается на его манере речи: паузация сокращается, диапазон голоса увеличивается.

Мы склонны объяснить данную диффузность различиями в психологических особенностях ораторов. Речь ораторов, чей темперамент близок к холерическому, характеризуется большей эмоциональностью и отступлением от модели "пауза + повышение тона + пауза" при просодическом оформлении тропеических средств. Более уравновешенные ораторы, которые тщательно отбирают слова и интонационный рисунок фразы, склонны к интуитивному выбору такой интонационной конструкции, которая приведёт к наиболее успешной коммуникации, т.е. предоставит адресату время на дешифровку тропа и понимание переносного значения.

В условиях подготовленной речи такие интонационные маркеры как паузация, акцентуация и движение основного тона голоса, выражены наиболее ярко. Так, например, инаугурационная речь Дональда Трампа насыщена тропеическими средствами, доступными и понятными любому представителю его электората. В своей инаугурационной речи 20.01.2017 он прибегает к метафорам, олицетворениям, персонификации и другим тропам. Рассмотрим их употребление на примерах (см. график 9).

*" Together, we will determine the course of America and the world for years to come. **We will face challenges.** We will confront hardships. But we will get the job done."*

"Вместе мы определим курс развития Америки и всего мира на годы вперёд. Мы столкнёмся с испытаниями. Мы будем бороться с трудностями. Но мы сделаем свою работу."

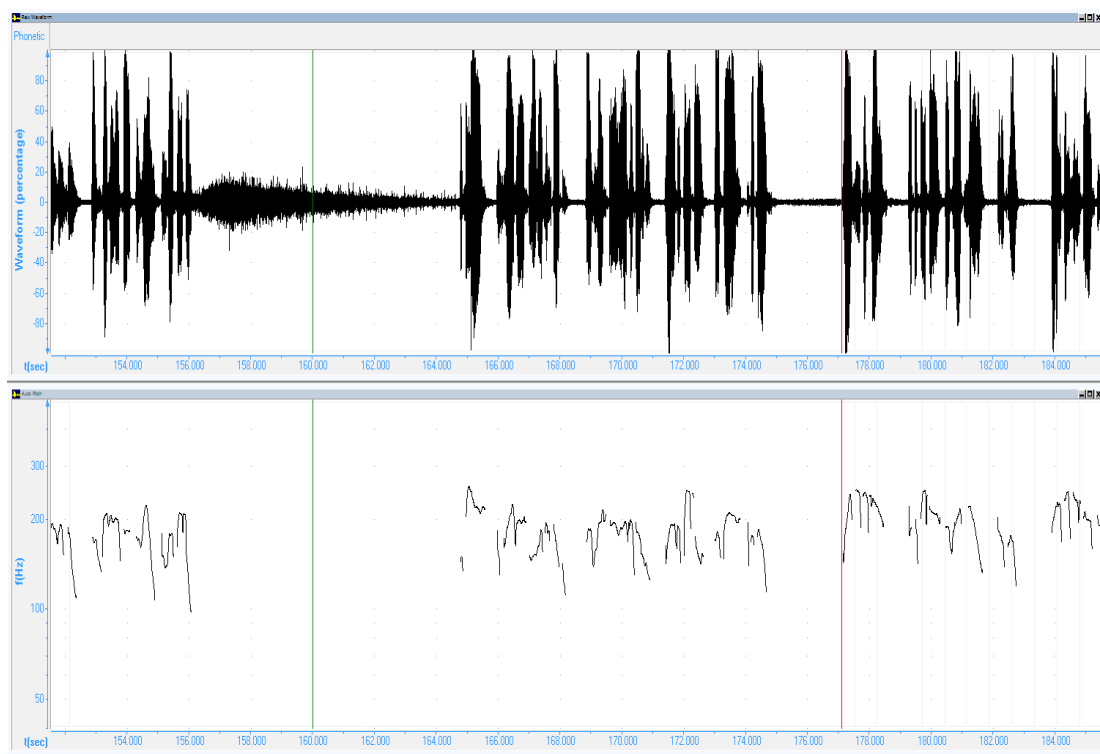

График 9.

Глагол *to face* часто используется в метафорическом смысле; разумеется, мы не можем столкнуться лицом к лицу с трудностями в прямом смысле. Однако несмотря на частотность употребления, данный глагол не потерял своей образности. На графике мы видим паузу после этого оборота, необходимую для понимания данного тропа. Общий простой и доступный стиль выступления адресанта определяет такие параметры как неспешный темп речи, дробление высказывания на ярко выраженные синтагмы небольшой продолжительности, что доказывает наш постулат о влиянии стиля речи на просодические характеристики высказывания. С точки зрения семиотики, широкое распространение употребления глагола *to face* в метафорическом значении, т.е. высокая конвенциональность его переносного значения, приближает его к категории знаков-символов, при этом смысл, заложенный в едином выражении *to face challenges* является социально желательным, так как коррелирует с общественными настроениями.

Ещё один пример: *"For too long, a small group in our nation's Capital has reaped the rewards of government while the people have borne the cost."* — *"Слишком долго маленькая группа людей в столице пожинали плоды работы правительства, в то время как народ нёс на себе расходы."* (см. график 10)

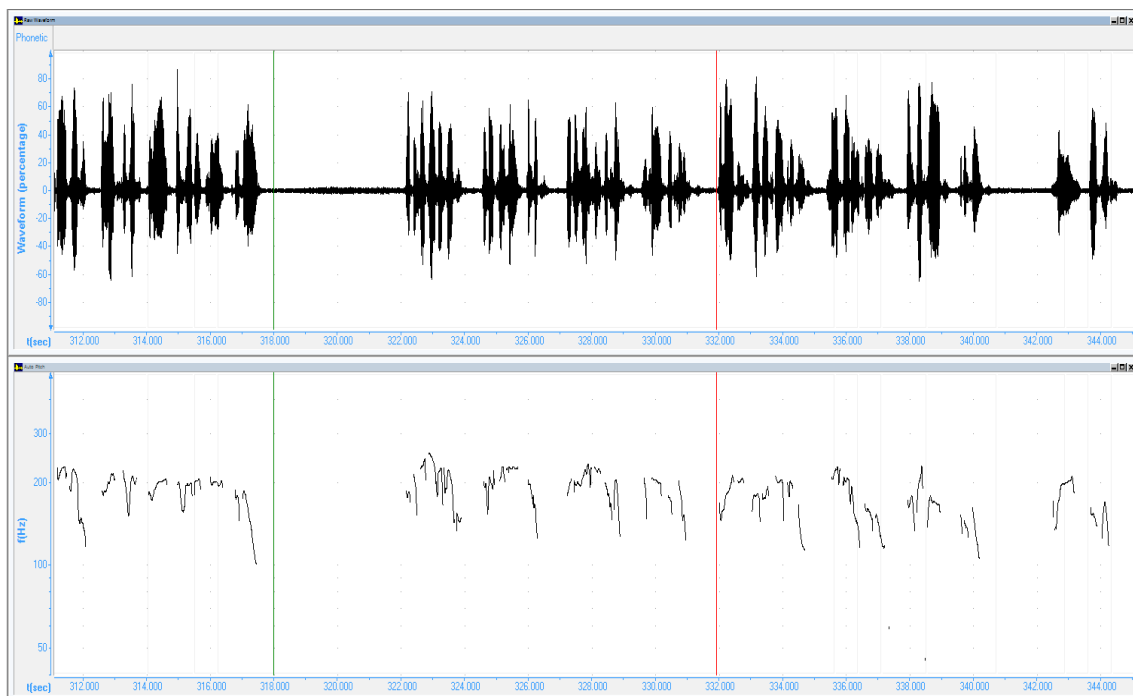
График 10.

Очевидно наличие упомянутой выше эмоциональности Президента, выражающуюся в повышении основного тона его голоса, акцентах на всех значимых лексемах. Используемый им приём персонификации требует паузации для осознания данного тропа аудиторией, на осознание сказанного говорящий отводит 1,2 секунды, что является достаточно продолжительной паузой. Также мы вновь наблюдаем реализацию принципа социальной желательности, отражающей стремление избирателей к переменам и более справедливому распределению благ. Отметим, что персонификация — это приём, который весьма часто

присутствует в речи Д. Трампа. Ещё один пример персонификации представлен ниже:

*"You came by the tens of millions to become part of a historic movement the likes of which the world has never seen before. At the center of this movement is a crucial conviction: that a **nation exists to serve its citizens...**"*

"Десятки миллионов людей пришли сюда, чтобы стать частью исторического движения, подобного которому мир ещё не видел. В центре этого движения лежит твёрдое убеждение: государство существует для того, чтобы служить своим гражданам..." (см. график 11)

График 11.

Перед данным оборотом, а также после него, имеется пауза, отражённая на графике. Причём пауза перед персонификацией значительно дольше, её цель — подготовить слушателей к яркому обороту, который обязательно повлияет на их мышление или отразит уже существующие внутренние убеждения. Тезис о том, что государство должно служить своим гражданам далеко не нов: уже в начале XX века его

озвучил французский философ Ж. Маритен в своей книге "Человек и государство". Мыслитель метафорически сравнивал государство с инструментом на службе человека и заявлял, что государство существует для человека. С тех пор данный тезис получил широкое распространение среди населения всего мира, и Д. Трамп успешно им пользуется, отвечая на социальный запрос.

Следующий пример иллюстрирует тезис о том, что индивидуальные характеристики адресанта и адресата определяют форму высказывания:

*"But for too many of our citizens, a different reality exists: Mothers and children **trapped in poverty** (график 12) in our inner cities; rusted-out factories scattered like tombstones across the landscape of our nation; an education system, flush with cash, but which leaves our young and beautiful students deprived of knowledge; **and the crime and gangs and drugs that have stolen too many lives** (график 13) and robbed our country of so much unrealized potential."*

*"Но для многих наших граждан существует другая реальность: матери и дети **заперты в ловушке нищеты** своих городков; заржавевшие фабрики разбросаны как надгробия по всей нашей стране; система образования испытывает приток средств, но оставляет наших прекрасных юных студентов без знаний; **преступность, банды и наркотики украли** слишком много жизней и украли у нашей страны так много нереализованного потенциала."*

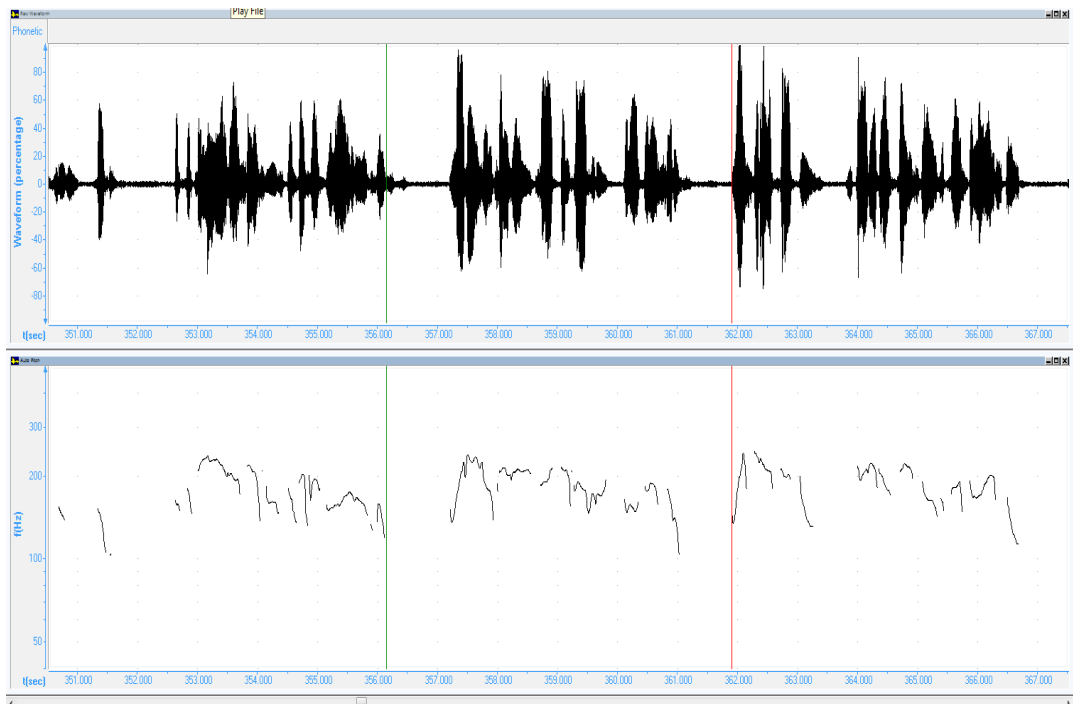

График 12.

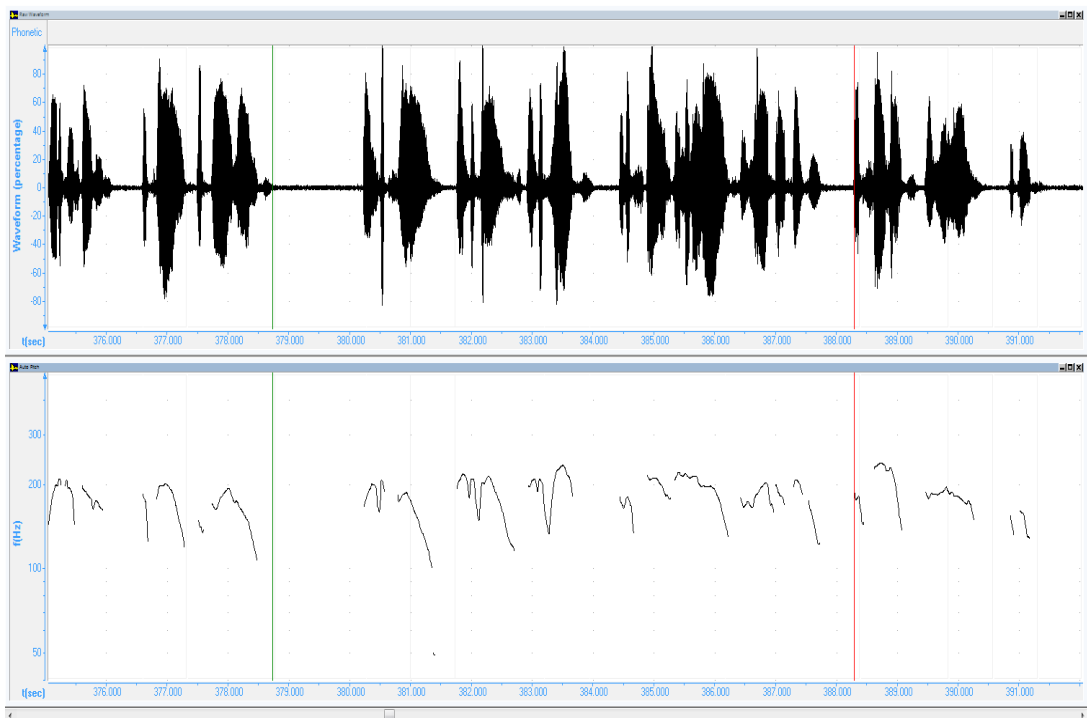

График 13.

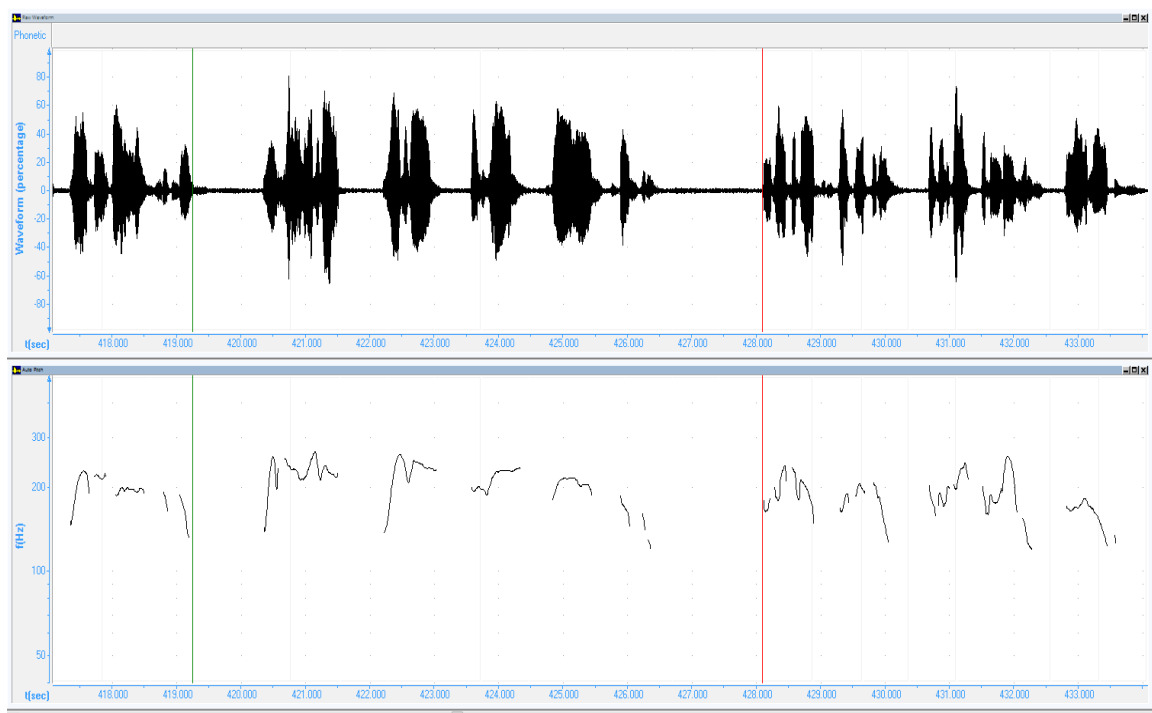
Кроме уже представленных метафор и персонификаций в данном фрагменте речи присутствуют эпитеты — описательные элементы, вызывающие в сознании адресата яркие образы. Использование большого количества тропов в рамках одного высказывания отражает

коммуникативное намерение говорящего повлиять на общественное настроение, привлечь внимание к существующим в государстве проблемам. График 12 демонстрирует наличие нескольких пауз: 1) перед высказыванием, содержащим троп (*Mothers and children trapped in poverty in our inner cities*), длительность этой паузы составляет 1 сек; 2) после всего высказывания (пауза для дешифровки смысла высказывания в целом), продолжительность — 0,8 сек; 3) внутрисинтагменная пауза, реализующаяся для первичного осознания коннотативного смысла, заложенного в тропе, непосредственно после метафоры *trapped in poverty*, продолжительностью 0,5 сек. На рисунке 13 особенно чётко прослеживается маркированность каждой лексемы при помощи повышения тона. Каждый акцент символизирует удар, который преступность нанесла по жизни американцев. В данном случае мы можем говорить о реализации тропеических средств не только на уровне лексики, но и на уровне фонетики, а также о выборе тропов в соответствии с коммуникативным намерением говорящего.

Одной из особенностей речи Д. Трампа является стремление продемонстрировать то, что он сам является частью народа Америки, а также, что несмотря на финансовый достаток и участие в политической гонке, проблемы, чувства, эмоции, стремления и желания простого населения ему далеко не чужды, а, наоборот, близки и понятны. В следующем высказывании наглядно демонстрируется стремление оратора подчеркнуть свою близость к народу, сам отбор тропов с точки зрения лексического компонента здесь манифестирует о единстве когнитивно-перцептивно-аффективного опыта оратора и его аудитории, согласно словарю Macmillan *"to share" — "to use something at the same time as somebody else (пользоваться ч-л одновременно с к-л)"*:

"Their dreams are our dreams; and their success will be our success. We share one heart, one home, and one glorious destiny."

"Их мечты - это наши мечты; их успех будет нашим успехом. У нас общее сердце, общий дом и общая блестящая судьба". (см. график 14)

График 14.

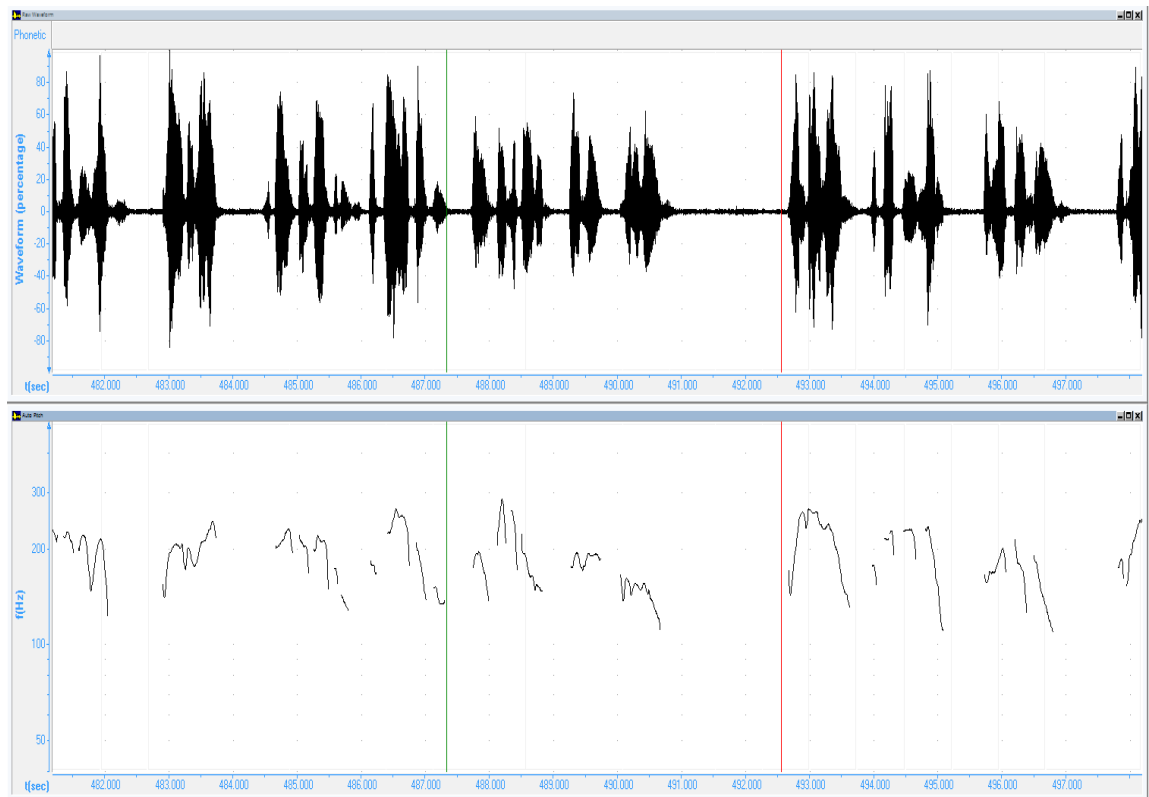
На графике очевидна реализация таких просодических маркеров как паузация (внутрисинтагменная и межсинтагменная), и акцентуация, выраженная при помощи повышения тона. Пауза до и после целого высказывания составляет 1 сек и 1,6 сек соответственно, после каждого элемента тропа длительность паузы составляет от 0,5 до 0,8 сек, что свидетельствует об осознании аффективного воздействия на аудиторию.

Рассмотрим ещё одно высказывание с высокой образностью, содержащее метафору и свидетельствующее о преломлении имеющегося личностного опыта, перенося его посредством когнитивной деятельности в сферу лексического оформления высказывания:

*"We've made other countries rich while the wealth, strength, and confidence of our country **has disappeared over the horizon**"*

"Мы сделали другие страны богатыми, в то время как наше богатство, сила и уверенность в своей стране исчезали за горизонтом".

(см. график 15)

График 15.

Отметим, что такие реалии как *богатство, сила и уверенность* могут соотноситься с понятием *горизонт* исключительно в метафорическом значении, ввиду их принадлежности к разным областям познания. Данная метафора не является широко распространённой, степень её конвенциональности не очень высока, однако с семиотической точки зрения понятие *горизонт* означает *отдалённо расположенную линию, скрывающую от глаз находящееся за ней* [Фразеологический словарь под ред.Фёдорова 2008], и степень конвенциональности данного понятия очень высока, что даёт возможность отнести выражение к категории символов и свидетельствует о формировании вокруг тропа семиотического пространства. Рассматривая интонационный параметр, можем отметить, что в данном высказывании присутствуют все

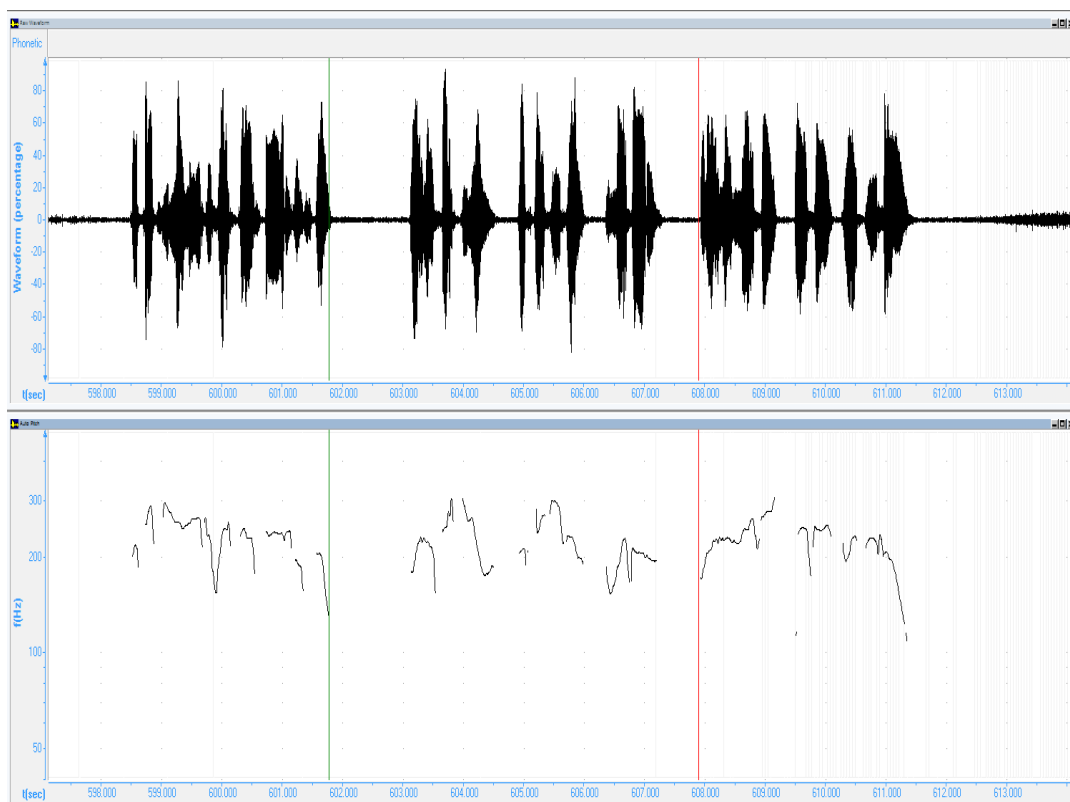
выделенные нами просодические маркеры: паузация до (0,5 сек) и после (1,9 сек) высказывания, содержащего троп, а также акцент-повышение тона на первой лексеме, т.е. первом элементе тропа (до 270 Hz).

Как уже было отмечено, речь Д. Трампа полностью посвящена манифестации коммуникативного намерения показать своё единство с народом; одним из убедительных способов продемонстрировать данное единство является общение "на одном языке" с аудиторией. Эта цель может быть достигнута именно при помощи знаков-символов, обладающих высокой степенью условности, конвенциональности. Если метафора сама по себе в достаточной мере конвенциональна, то фразеологизмы и идиомы условны ещё в большей степени и их значение меняется очень редко, что даёт лингвистам возможность составлять словари фразеологизмов и идиом. Так, например, идиома *with every breath* прочно закрепилась в английском языке и имеет значение "*to do something repeatedly, continuously*" — "делать ч-л постоянно". Д. Трамп умело пользуется как высокой образностью, так и высокой конвенциональностью этого выражения и даёт следующее обещание:

"I will fight for you with every breath in my body – and I will never, ever let you down."

"Я буду бороться за вас до последнего вдоха - и я никогда вас не подведу." (см. график 16)

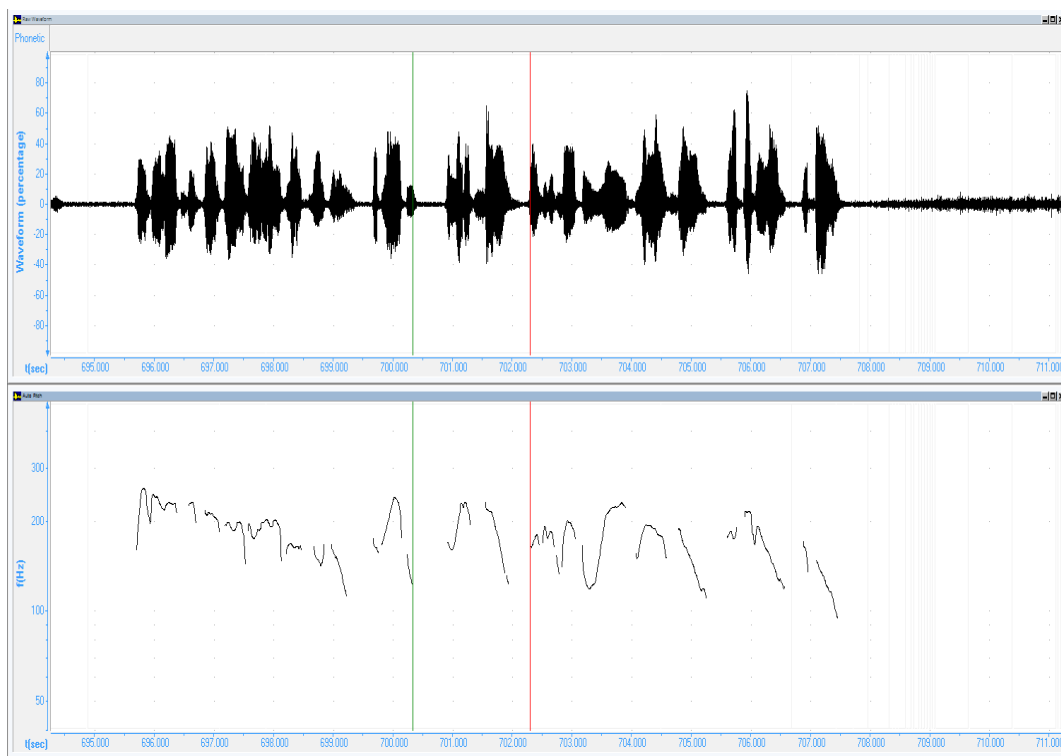
График 16.

Использование такого устойчивого оборота позволяет соблюсти жанровость выступления и способствует реализации обозначенного выше коммуникативного намерения. Отметим, что на графике присутствуют паузы до и после высказывания, соответствующие выявленной нами модели, особо подчеркнём акцентуацию каждого значимого элемента тропа (лексемы *fight* — 300 Hz, *you* — нисходяще-восходящий тон, *every* — 290 Hz, *breath* — 250 Hz, *body* — 250 Hz)

Акцентуация - фонетический приём, который Д. Трамп применяет весьма репрезентативно. Подъём голоса, который осуществляется при реализации в речи тропеических средств, составляет 100 Hz и более, в зависимости от того, насколько существенно воздействие должно быть оказано на аудиторию, насколько эмоциональным для этого должно быть просодическое и лексическое оформление высказывания. Рассмотрим ещё один фрагмент из выступления Д. Трампа:

*"We do not seek to impose our way of life on anyone, but rather to **let it shine as an example** for everyone to follow."*

*"Мы не пытаемся навязывать наш образ жизни кому бы то ни было, но хотим, чтобы он **служил путеводной звездой** для желающих следовать ему (досл. "сиял в качестве примера")" (см. график 17)*

График 17.

Выражение *to shine as example* не находит отражения в известных словарях фразеологизмов и идиом, при этом существующее выражение *to be an example* (*быть примером*) не обладает образностью и, следовательно, не способствует осуществлению аффективного воздействия на аудиторию. В этом случае оратор прибегает к авторской метафоре, он видоизменяет существующее выражение, привнося в него необходимую для влияния на аудиторию образность: не просто *быть примером*, а *сиять*, чтобы этот пример был заметным для всех людей. Что касается выявленной нами модели "пауза+повышение тона+пауза", то на данном графике можно заметить присутствие всех её элементов.

Стоит отметить, что вся речь Д. Трампа представляет собой апелляцию к понятным для всех чувствам и эмоциям, для чего он прибегает к использованию простых, но очень эмоциональных фраз, которые не могут оставить слушателей равнодушными. Концепция "просто, но эмоциональна" реализуется при помощи возвышенных, но простых слов, при помощи понятных сравнений. Так, например, сравнение *сердца* с помещением, где может быть место для одной вещи, но при этом может не быть для другой, — это распространённый во многих языках приём. Не обошёл его стороной и Президент США:

"At the bedrock of our politics will be a total allegiance to the United States of America, and through our loyalty to our country, we will rediscover our loyalty to each other. When you open your heart to patriotism, there is no room for prejudice."

"В основе нашей политики будет лежать абсолютная преданность Соединённым Штатам Америки, и посредством нашей верности стране мы вновь откроем для себя верность друг к другу. Когда вы открываете сердца для патриотизма, там не остаётся места предвсудкам." (см. график 18)

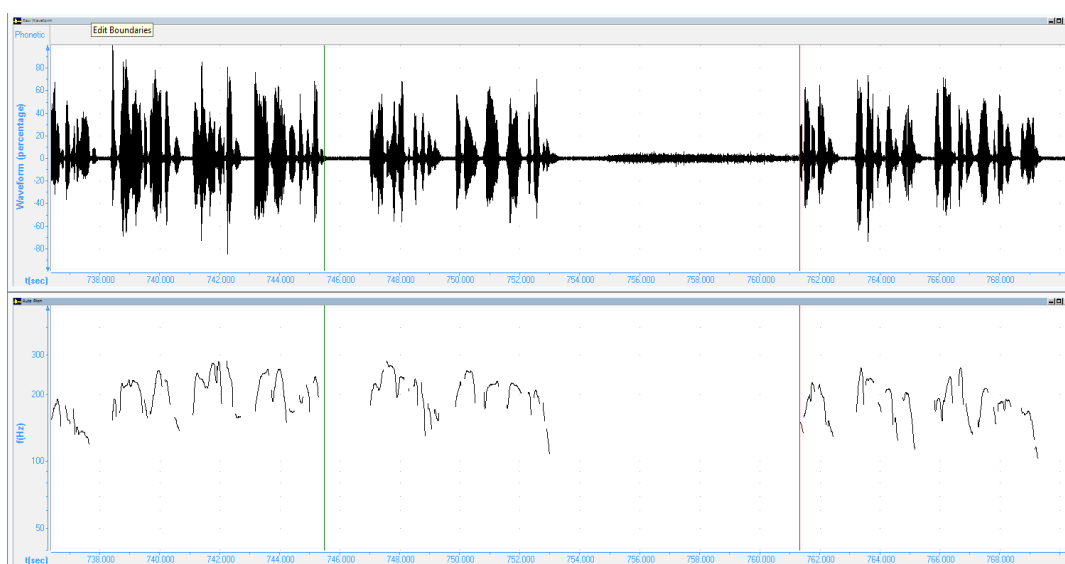

График 18.

Обратим внимание на то, что кроме акцентуации, традиционно присутствующей при реализации высказывания с высокой образностью, и паузы перед высказыванием (1 сек), благодаря графику можно заметить, сколько конкретно времени потребовалось аудитории, чтобы осознать заложенный в высказывании смысл: 1 сек на дешифровку, после которой на протяжении 3 сек следуют аплодисменты.

Кульминацией выступления становится призыв к действиям и отказ от "пустой болтовни". Повысить степень аффективности позволяют используемые метафора и мейозис (см. график 19):

*"We will no longer accept politicians who are all talk and no action – constantly complaining but never doing anything about it. The time for **empty talk** is over. Now arrives **the hour of action.**"*

*"Мы больше не будем назначать политиков, которые только болтают и ничего не делают — постоянно жалуются, но ничего не предпринимают. **Время пустых разговоров** прошло. **Настаёт час действовать.**"*

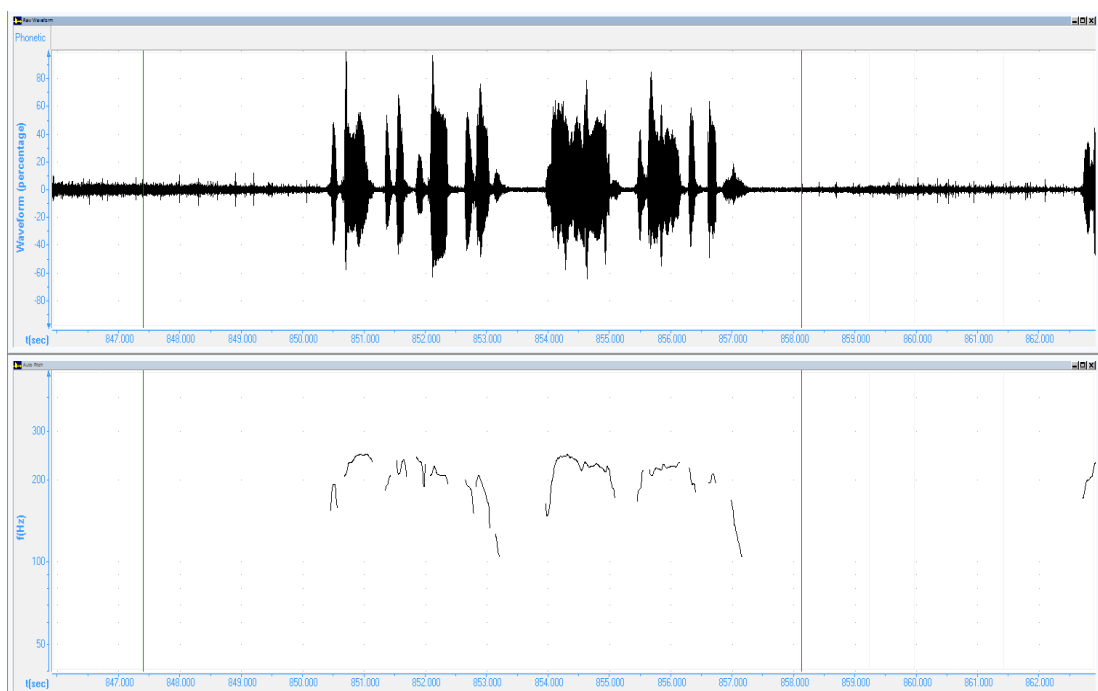

График 19.

Отметим, что паузация как просодический маркер в данном фрагменте выражен очень ярко. Паузы до и после кульминации составляют несколько секунд, что доказывает важность высказывания для передачи и осознания главной идеи всего выступления: настало время перемен. Во время этих пауз оратор сначала готовит аудиторию к важнейшей части речи, а затем оставляет достаточно времени, чтобы смысл его высказывания был осознан абсолютно всеми слушателями. Именно поэтому для полной реализации коммуникативного намерения требуется настолько длинная пауза.

В финале своего выступления Д. Трамп выражает уверенность в светлом будущем, что на синтаксическом уровне реализуется при помощи аффирмативных конструкций, на лексическом уровне — при помощи персонификаций, и на фонетическом — при помощи акцентуации и паузации, что наиболее репрезентативно на последнем в высказывании случае персонификации:

*"A new national pride will stir our souls, lift our sights, and **heal our divisions.**"*

*"Новая гордость за нацию будет волновать наши души, заставит поднять взгляд и **исцелит наши разногласия.**"* (см. график 20)

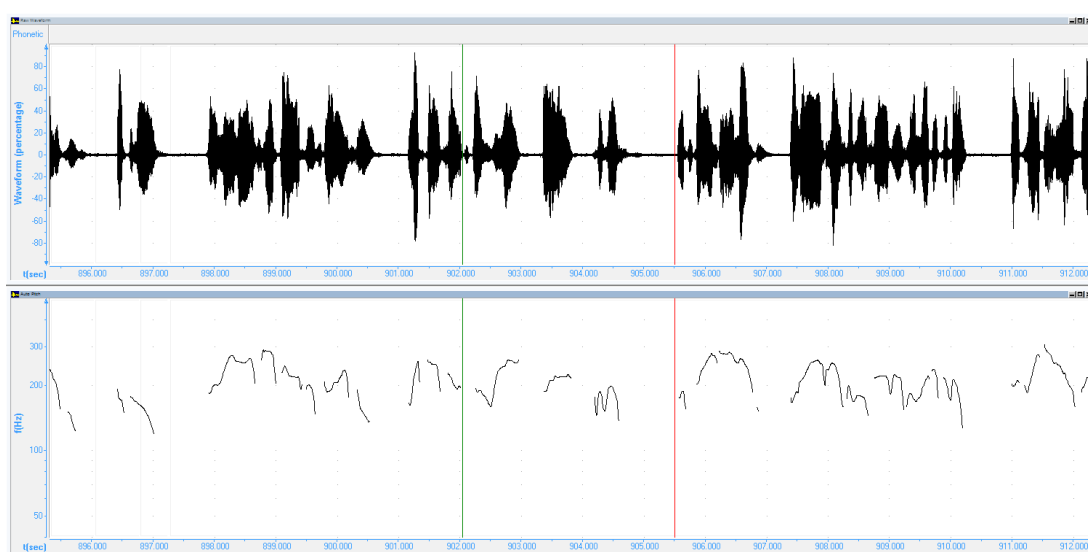

График 20.

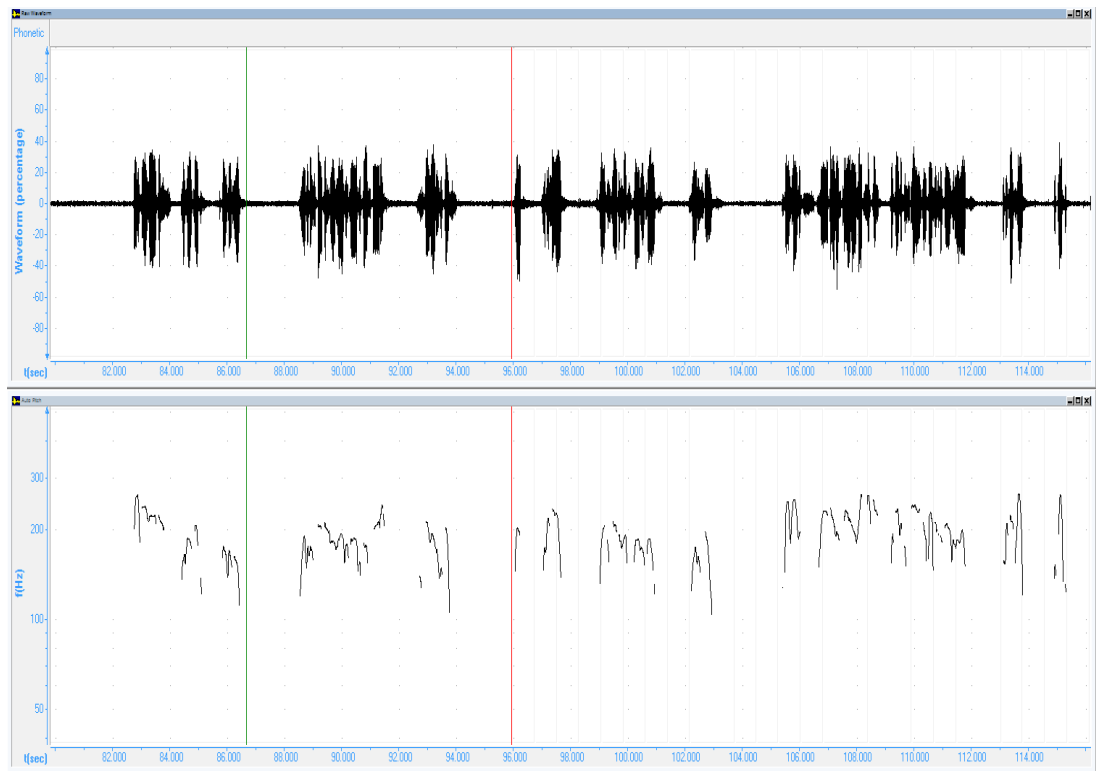
Данный фрагмент ещё раз демонстрирует владение Д. Трампом приёмом акцентуации, которая в приведённом примере реализуется не только при помощи повышения тона голоса, но и при помощи внутрисинтагменных микропауз длительностью 0,3-0,4 сек.

Стиль выступления Д.Трампа радикально отличается от стиля его предшественника, Б. Обамы. В своей инаугурационной речи Д.Трамп демонстрировал свою близость к простому народу, несмотря на состояние, которым он владеет, осознание проблем, которые по-настоящему волнуют американца-обывателя (проблема нелегальной миграции, нехватка рабочих мест для американцев, сконцентрированность предыдущего правительства на проблемах внешней политики и ослабление внимания к проблемам внутри страны), в то время как Б. Обама демонстрировал уровень своей образованности, делал акцент на толерантности и равных правах, а также указывал на большой объём работы в разных областях, особенно в сфере внешней политики. Стиль его речи оказывается более возвышенным. С фонетической точки зрения, речь Д. Трампа более медленная, мелодичная, с плавными повышениями и понижениями тона голоса, в то время как речь Б. Обамы быстрее, резче и характеризуется меньшим количеством внутрисинтагменных пауз. Мы склонны объяснять эти различия индивидуальными особенностями и различиями в когнитивно-перцептивно-аффективном опыте ораторов.

В отличие от своего преемника, тропы, используемые Б.Обамой, не ограничиваются рамками словосочетания. Б. Обама озвучивал целые предложения, имеющие переносный смысл, что делало его речи доступными для людей при условии наличия достаточного когнитивно-перцептивно-аффективного опыта. Проиллюстрируем это наблюдение примерами:

"Forty-four Americans have now taken the presidential oath. The words have been spoken during rising tides of prosperity and the still waters of peace. Yet, every so often the oath is taken amidst gathering clouds and raging storms."

"Сорок четыре американца приносили президентскую присягу. Эти слова звучали во времена возвышенного процветания и тихой глади мира. Не менее часто эта клятва звучала на фоне собирающихся туч и бушующих штормов." (см. график 21)

График 21.

*"So it has been. So it must be with this generation of Americans. That we are in the **midst of crisis** is now well understood. Our nation is at war against a far-reaching **network of violence and hatred.**"*

*"Так было. Так и должно быть в этом поколении. Тот факт, что мы находимся **посреди бушующего кризиса**, прекрасно осознан. Наша нация находится в состоянии войны с широко раскинувшейся **сетью жестокости и ненависти.**"* (см. графики 22 и 23)

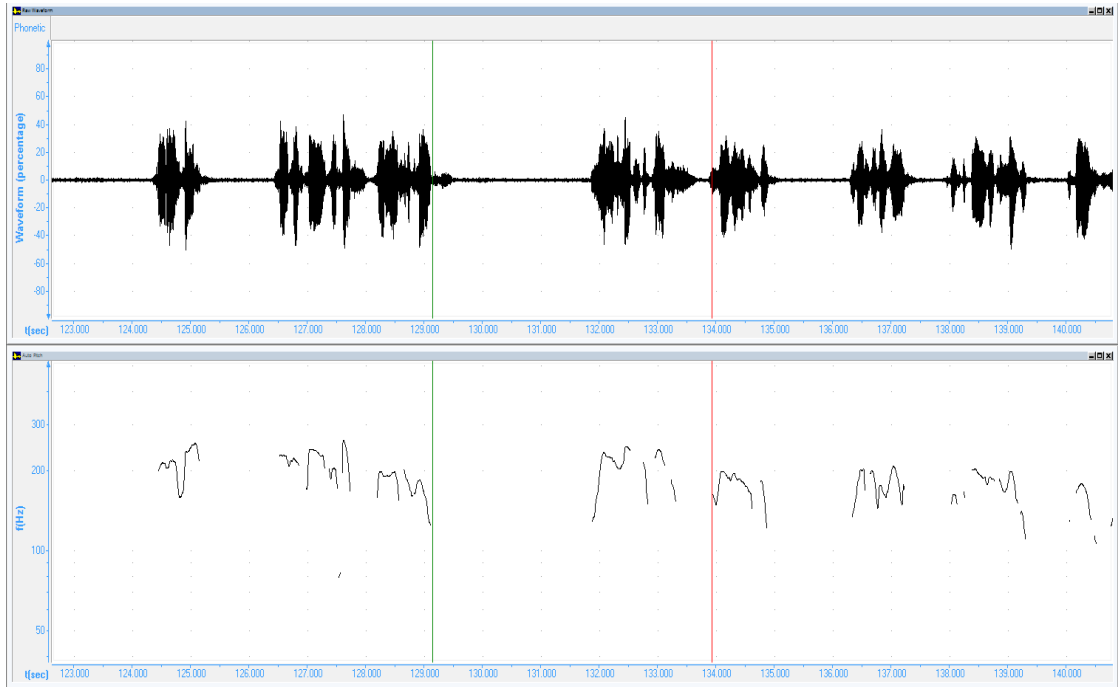

График 22.

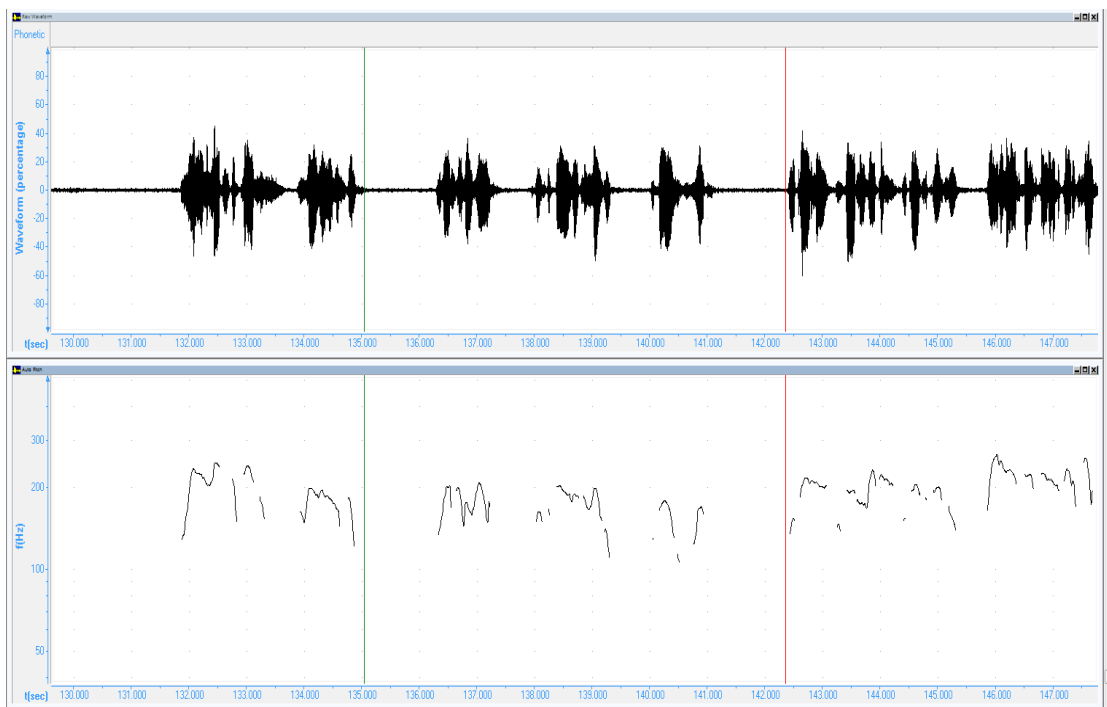

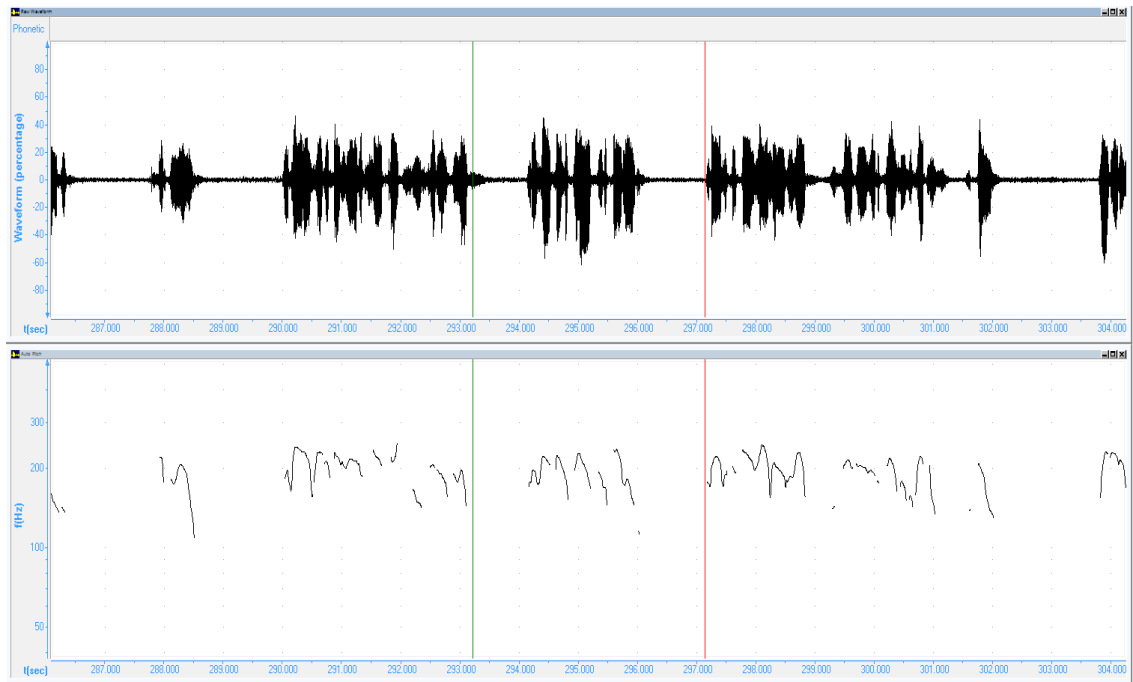
График 23.

"In reaffirming the greatness of our nation, we understand that greatness is never a given. It must be earned. Our journey has never been one of shortcuts

*or settling for less. **It has not been the path for the faint-hearted, for those who prefer leisure over work, or seek only the pleasures of riches and fame"***

*"Вновь подтверждая величие нашей нации, мы понимаем, что величие никогда не даётся просто так. Его нужно заслужить. **Наш путь никогда не был лёгким. Это путь не для слабых, кто предпочитает безделье работе, или ищет богатства и славы.**" (см. график 24)*

График 24.

*"What the cynics fail to understand is that **the ground has shifted beneath them**, that the stale political arguments that have consumed us for so long, no longer apply."*

*"Что циникам не удаётся понять, так это то, что **земля под ними пришла в движение**, что политические распри, поглощавшие нас так долго, больше не действуют." (см. график 25)*

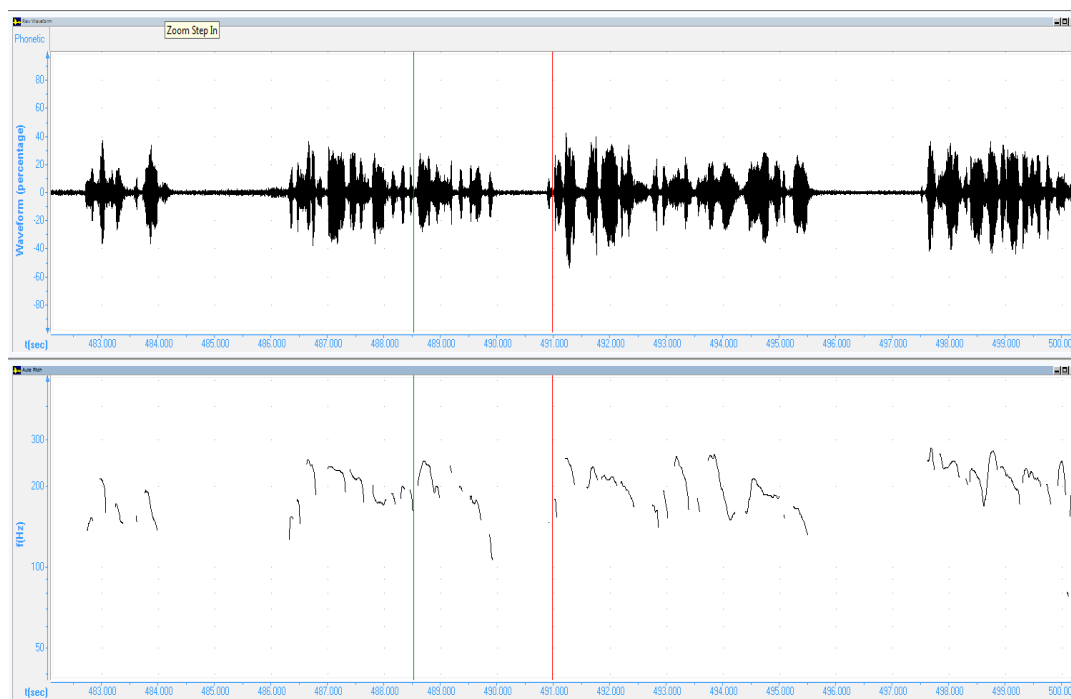

График 25.

*"And for those who seek to advance their aims by inducing terror and slaughtering innocents, we say to you now that, **"Our spirit is stronger and cannot be broken. You cannot outlast us, and we will defeat you."**"*

*"И для тех, кто пытается добиться своих целей, насаждая террор и убивая невинных, мы скажем сейчас: **"Наш дух крепче и его не сломить. Вы не сможете пережить нас, и мы вас сокрушим"**" (см. график 26)*

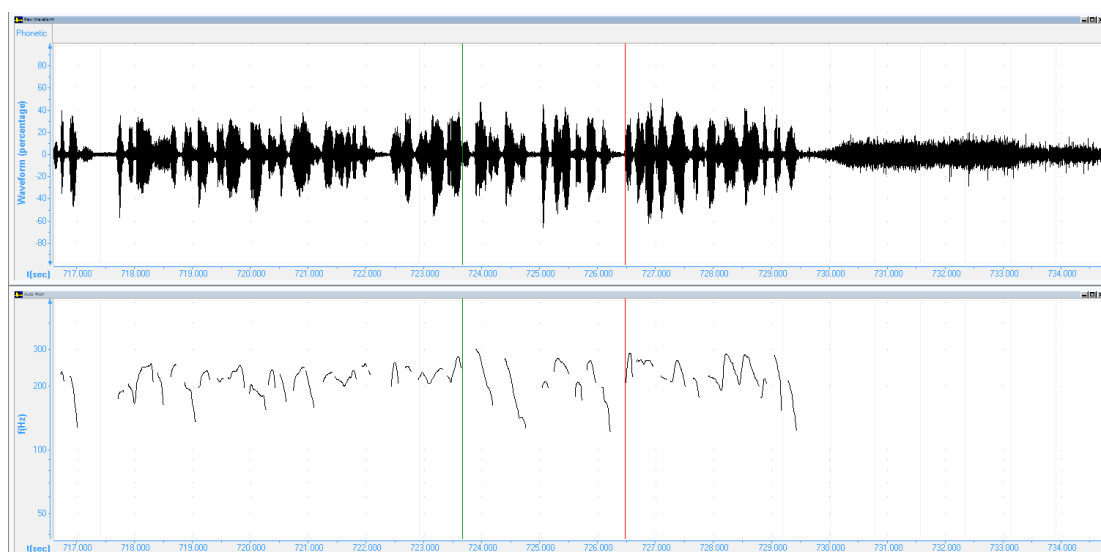
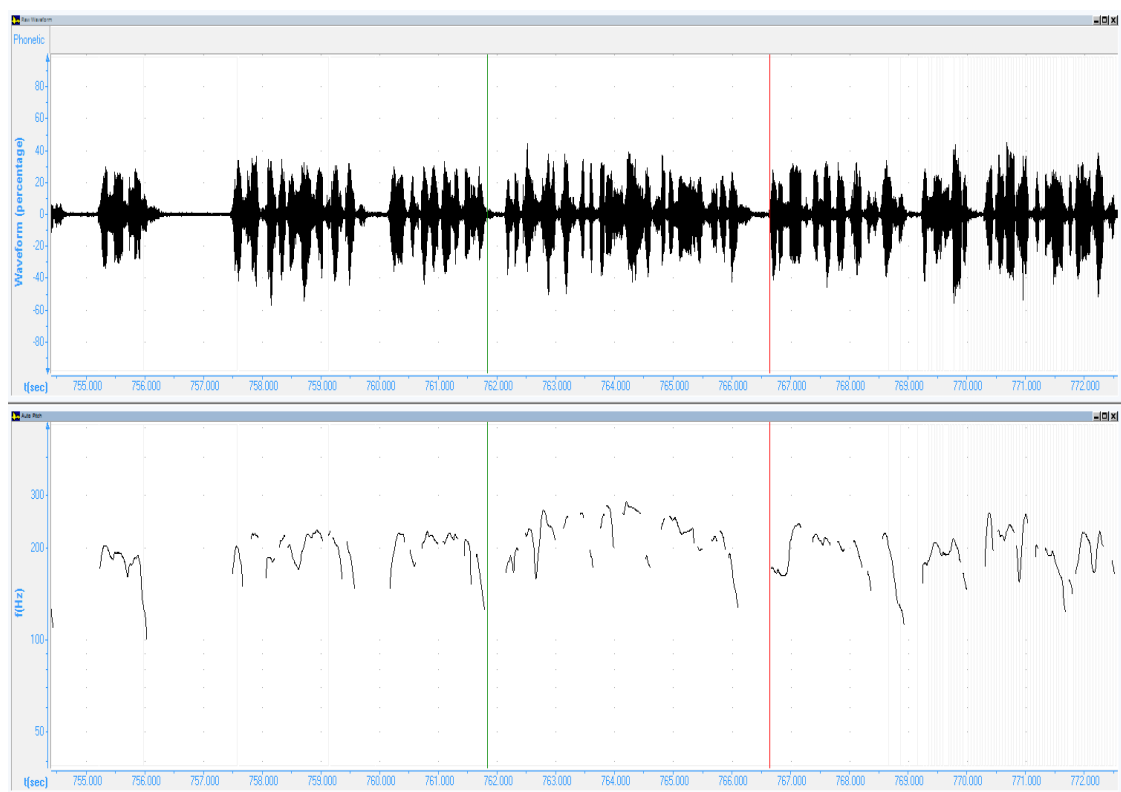

График 26.

*"We are a nation of Christians and Muslims, Jews and Hindus, and nonbelievers. We are shaped by every language and culture, drawn from every end of this Earth. And because we have tasted **the bitter swill of civil war and segregation** and emerged from that dark chapter stronger and more united, we cannot help but believe that the old hatreds shall someday pass"*

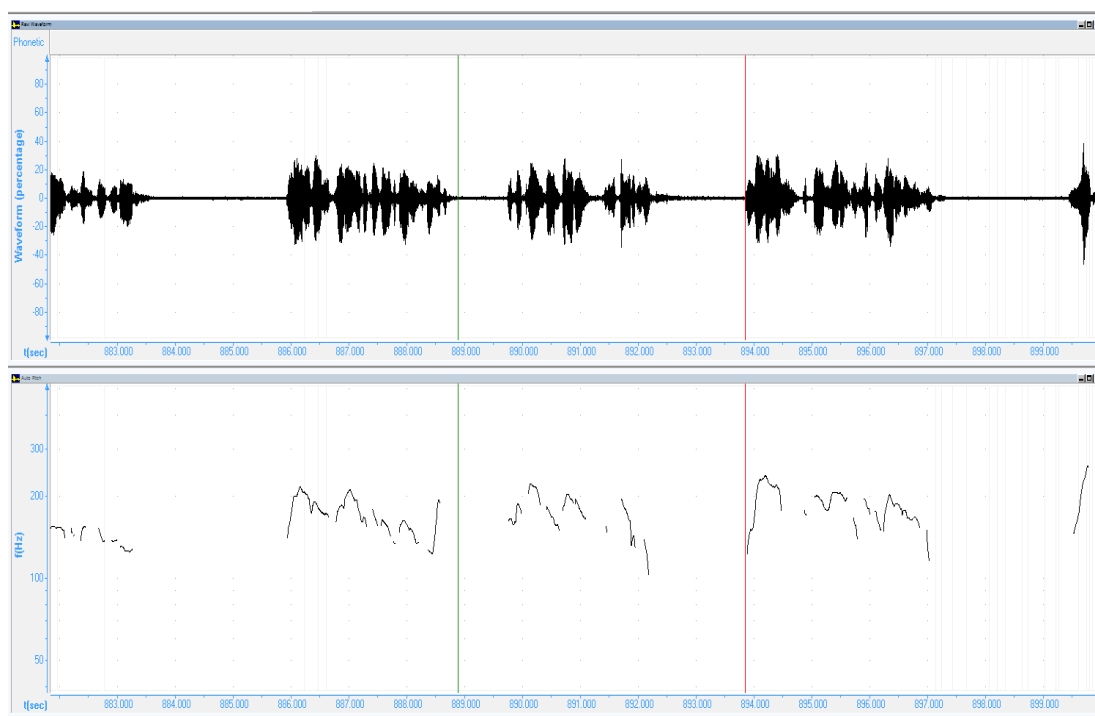
*"Мы — нация христиан и мусульман, иудеев и индуистов, и неверующих. Нас создала все языки и культуры, которые прибыли сюда из разных уголков Земли. И так как мы вкусили **горечь гражданской войны, сегрегации** и последовавших за этими событиями мрачных глав нашей истории, мы стали сильными и едиными, мы не может не верить, что старая ненависть однажды пройдёт"* (см. график 27)

График 27.

*"We honor them not only because they are guardians of our liberty, but because they **embody the spirit of service**: a willingness to find meaning in something greater than themselves."*

"Мы чувствуем их не только потому, что они — стражи нашей свободы, но и потому, что они воплощают дух служения: желание найти смысл жизни в чём-то более великом, чем мы сами." (см. график 28)

График 28.

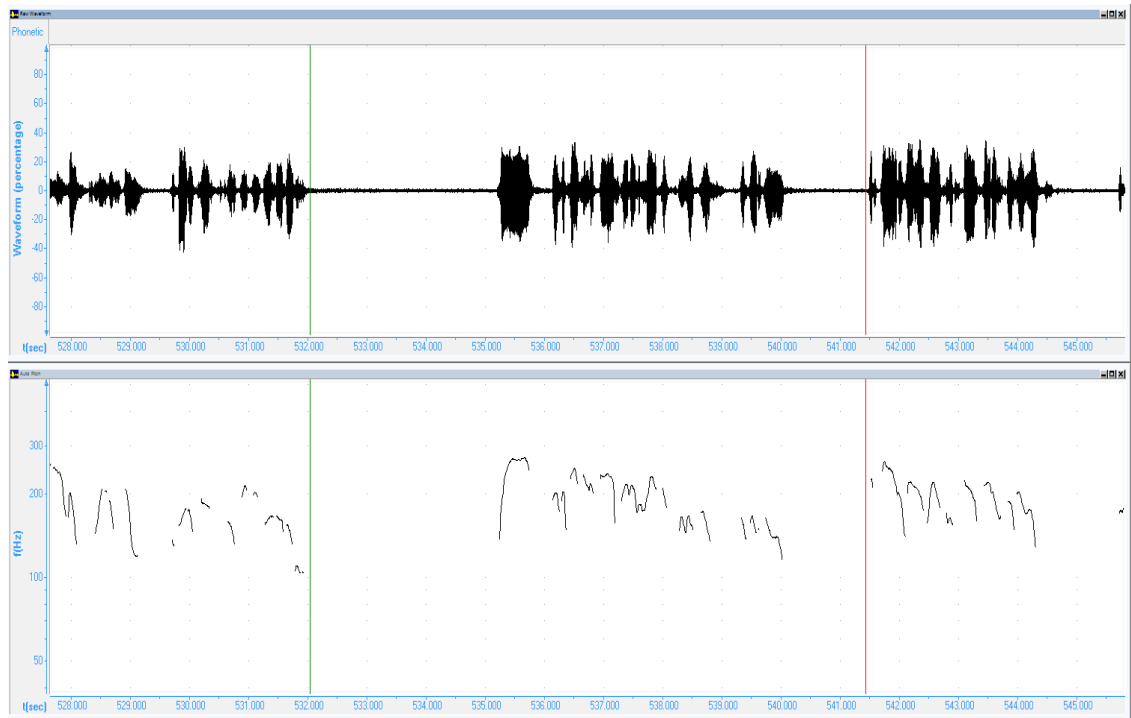
На основании приведённых примеров можно выделить особенности речи Б. Обамы, изобилующей наличием тропов. Так, говорящий, несомненно, испытывает радость по поводу своего избрания президентом и хочет поделиться ею с аудиторией. При этом важно помнить, что победная речь ориентирована не только на политиков-оппонентов, которые потерпели поражение в выборах, не только на граждан-избирателей, но и на весь мир в целом, поскольку за результатами выборов следят в разных уголках земного шара. Это объясняется тем, что итоги выборов могут предопределить взаимоотношения данной страны с ее соседями и странами-партнерами. Следовательно, необходимо, чтобы дискурс был понятен и доступен всем наблюдателям данного события. Среди основных стилевых характеристик можно выделить преобладание тропов с положительными коннотациями, укрепляющими уверенность

людей в светлом и радостном будущем (power, democracy, brave, perfected union, new, the best, grateful, appreciation, determination и др.), контрастное описание ситуации в стране до и после выборов.

Нельзя не отметить в качестве синтаксического образного средства, характерного для речи Б. Обамы и полностью отсутствующего в речи его преемника Д. Трампа, инверсию с использованием тропов, т.е. обратный порядок слов. Инверсия является достаточно сложным стилистическим приёмом, при помощи которого происходит распределение смысловых акцентов в высказывании. Напомним, что традиционным для английского языка является фиксированный порядок членов предложения: на первом месте подлежащее, за ним - сказуемое. В некоторых случаях структура предложения предполагает вынос именной части сказуемого перед подлежащим, что влияет на тема-рематическую организацию высказывания и ставит подлежащее в рематическую позицию. Приведём несколько примеров:

*"And those of us who manage the public's dollars will be held to account, to spend wisely, reform bad habits, and do our business in the light of day, because only then can we restore the vital trust between a people and their government. **Nor is the question before us whether the market is a force for good or ill. Its power to generate wealth and expand freedom is unmatched.**"*

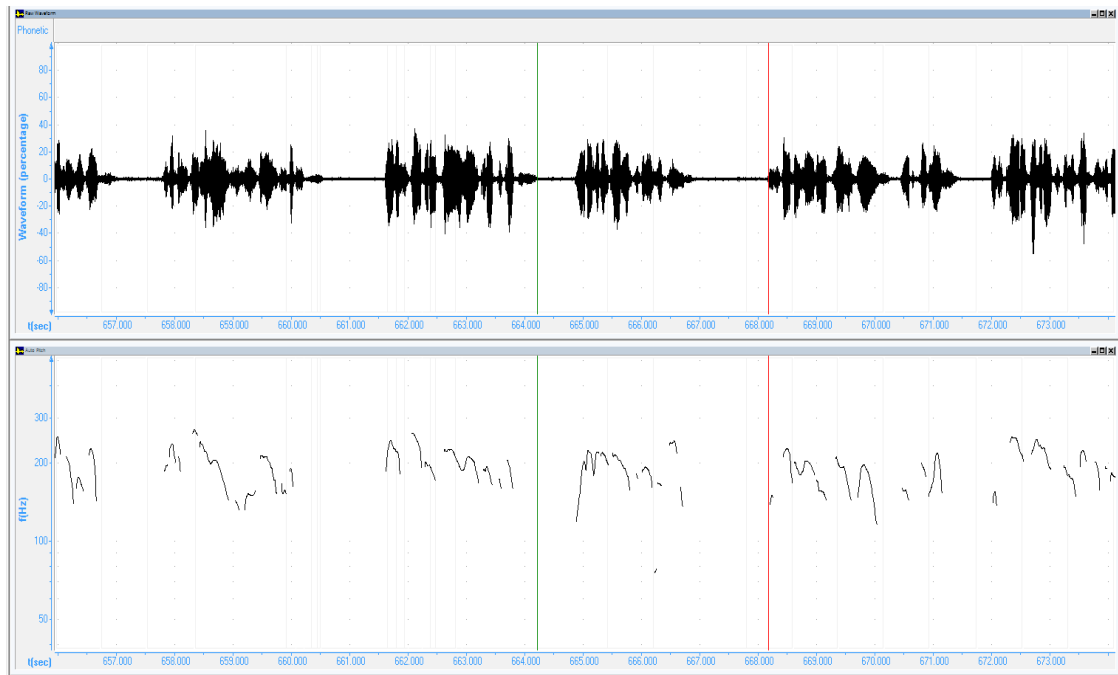
*"И те из нас, кто управляет деньгами общественности, будут под контролем, будут мудро распределять траты, изменят плохие привычки, и будут вести дела при свете дня, потому что только так мы сможем восстановить доверие между людьми и правительством. **Также не стоит вопрос о том, является ли рынок силой добра или зла. Его силу создавать богатства и расширять границы свободы нельзя ни с чем сравнить.**" (см. график 29)*

График 29.

*"Recall that earlier generations faced down fascism and communism not just with missiles and tanks, but with the sturdy alliances and enduring convictions. They understood that our power alone cannot protect us, **nor does it entitle us to do as we please.**"*

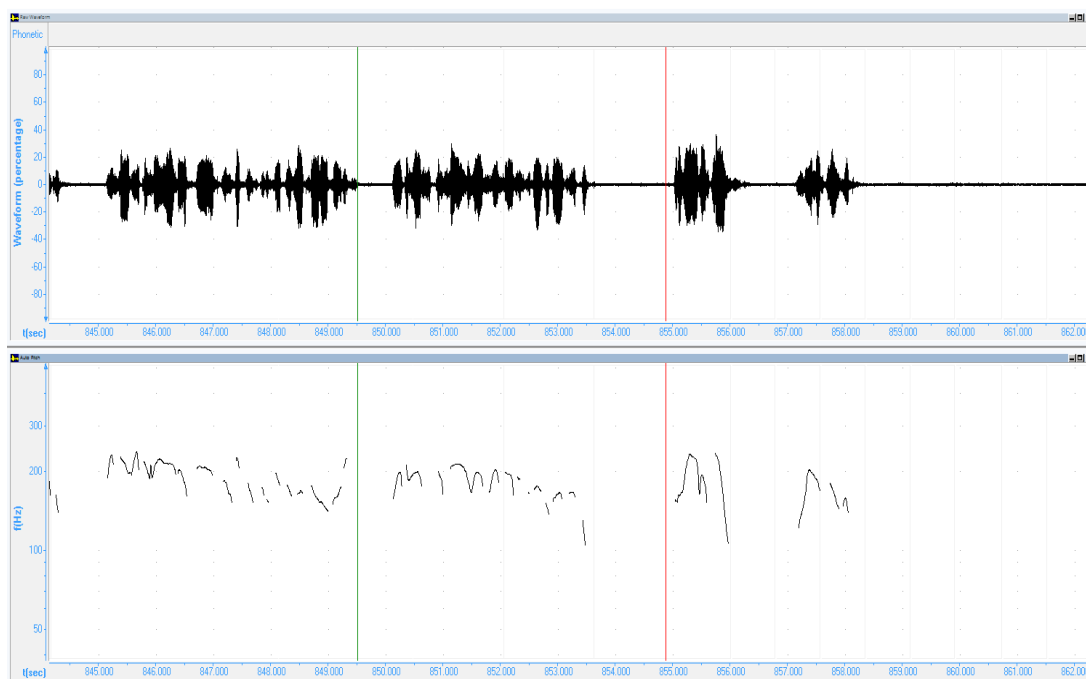
*"Помните, что предыдущее поколение подавило фашизм и коммунизм не только оружием и танками, но и крепкими связями и стойкими убеждениями. Люди понимали, что нельзя быть защищёнными благодаря одной физической силе, **не даёт она права и делать всё, что мы захотим.**" (см. график 30)*

График 30.

*"And to those nations like ours that enjoy relative plenty, we say we can no longer afford indifference to the suffering outside our borders, **nor can we consume the world's resources without regard to effect.** For the world has changed, and we must change with it."*

*"И тем нациям, подобно нашей, которые наслаждаются относительным достатком, мы говорим, что мы не можем больше оставаться равнодушными к страданиям людей за пределами наших границ, **не можем мы и продолжить потреблять мировые ресурсы, не учитывая последствия.** Ведь мир изменился, и мы должны измениться вместе с ним." (см. график 31)*

График 31.

Очевидно чёткое единство просодического оформления инверсии: её начальный элемент — союз *por* — всегда оформляется выраженным восходящим тоном, одной из функций которого является демонстрация коммуникативного намерения несогласия, противоречия, контраста, происходит интенсификация эмфатического ударения, а также возрастает прагматическое воздействие на адресата. Кроме чётко выраженного восходящего тона за высказыванием с инверсией следует длинная пауза (1,5 сек +/- 0,1 сек), что свидетельствует о высоком образном потенциале высказывания.

Нельзя не упомянуть некоторые лингво-культурные особенности аналогичной коммуникативной ситуации в России на примере инаугурационной речи В.В. Путина (2012 г.). Прежде всего, длительность выступления на инаугурации в России традиционно меньше, чем в Соединённых Штатах Америки: в то время, как в США новый президент произносит речь около 20 минут, речь президента России после инаугурации не длится больше 10 минут. Рассматривая использование тропеических средств нельзя не заметить существенное

различие: инаугурационные речи в США характеризуются высокой концентрацией тропеических средств (согласно нашим подсчётам, за 20 минут выступления ораторы озвучивают в среднем 30 высказываний, содержащих тропеические средства), что способствует успешной реализации коммуникативного намерения оказать влияние на массовое сознание. Речь получается традиционно яркой, образной и эмоциональной. В русской лингво-культурной традиции инаугурационная речь не характеризуется обилием тропов, при этом те тропы, которые находят применение в речи, приближаются к "стёртым" метафорам и уже не обладают такой высокой образностью, как раньше. Так, например, среди тропов, использованных В.В. Путиным присутствуют такие хорошо известные метафоры как *"прочный фундамент традиций"*, *"служить центром притяжения"*, *"придать дополнительный импульс"*. Отсутствие ярких, образных тропов лишает речь эмоциональности, придаёт ей дистантный, официальный характер, и не способствует осуществлению влияния на имплицитную аудиторию.

Интонационная модель, подобная рассмотренной нами выше, была также выявлена в публичной речи носителей немецкого языка. Кроме однословных метафор с обширной семантикой и метафор-словосочетаний в немецком языке присутствует особый тип метафор — это метафоры-сложные слова, т.н. *Kompositionsmetaphern*. К характеристикам сложного слова относятся наличие двух составных частей (бинарной структуры), стабильность структуры слова, слитное написание. Основное ударение падает на первый компонент. Метафоры, состоящие из двух или более компонентов, каждый из которых имеет самостоятельное лексическое значение, не имеющие семантической связи друг с другом, производят неожиданное и сильное впечатление. При сложносоставных словах внимание адресата акцентируется на дополнительном имплицитном содержании и что создаёт предпосылки для целенаправленного и

активного восприятия информации, что способствует определенной степени информативной и экспрессивной плотности текста. Коммуникативно-прагматическая ориентированность адресата в процессе его восприятия облегчается. Анализируя немецкую публичную речь, нельзя не заметить, что выявленная нами модель "пауза+повышение тона+пауза" при интонационной реализации тропов сохраняется, что позволяет сделать вывод о единстве просодического оформления тропеических средств в германских языках.

Таким образом, на основании анализа полученных данных, нам удалось выявить общую интонационную модель оформления высказываний, содержащих тропеические средства для германских языков, а также было установлено влияние на тропеическое оформление речи и просодические характеристики высказывания таких факторов, как коммуникативная ситуация, коммуникативное намерение говорящего, статусно-жанровые особенности публичной речи и индивидуальные особенности и когнитивно-перцептивно-аффективного опыта адресата и адресанта. Также, опираясь на анализ имеющихся данных, мы выделили интонационную модель оформления тропов в устной публичной речи: "пауза+повышение тона+пауза". Таким образом, наша гипотеза о существовании определённых интонационных моделей, оформляющих тропеические средства, полностью подтвердилась.

3.1.6 Анализ данных, представляющих особое просодические оформление тропеических средств

В ходе нашего исследования было установлено, что в некоторых случаях наблюдается несоответствие интонационного оформления тропов выявленной модели "пауза + повышение тона + пауза". Проанализировав случаи "отклонений" от выявленной нами модели, мы определили ряд

особенностей, которыми характеризуется нетрадиционное просодическое оформление тропеических средств.

В первом случае было замечено, что стёртые метафоры маркируются менее заметно, что объясняется сокращением со временем их образного потенциала. Согласно определению Лингвистического энциклопедического словаря, стёртыми являются общезыковые метафоры со стёршейся образностью [ЛЭС 2002]. В стёртых метафорах чётко выражен денотативный компонент, в то время как коннотативный компонент со временем утрачивается. Под коннотативной функцией подразумевается способность метафоры более подробно и развёрнуто описывать абстрактные и конкретные понятия, ярче выражать мысль и характеризовать качества описываемого предмета. При частом употреблении коннотативный компонент метафоры стирается быстрее; в метафоре закрепляется определённое фиксированное значение, и в дальнейшем для успешной дешифровки этого значения контекст требуется всё реже. В случае дальнейшего постоянного использования метафоры, она превращается в штамп и закрепляется в языке. Метафорами нередко становятся слова, обозначающие части тела, природные явления, астрономические абстрактные понятия. Такие метафоры как "голубой экран" - "телевизор" или "чёрное золото" - "нефть" становятся терминами в определённой индустрии. Давно потеряли свою образность выражения: *срыв сроков, дорожные пробки, черный список, падение цен, рост цен, сдерживать расходы, массовое сознание, зеленый пояс города, ведущие державы, скачок цен, пилотный проект, впитать информацию*. В английском языке к таким словам относятся такие слова как "field", "top", "foot", "mouth", "arm", "fall", "rise" и т.п.

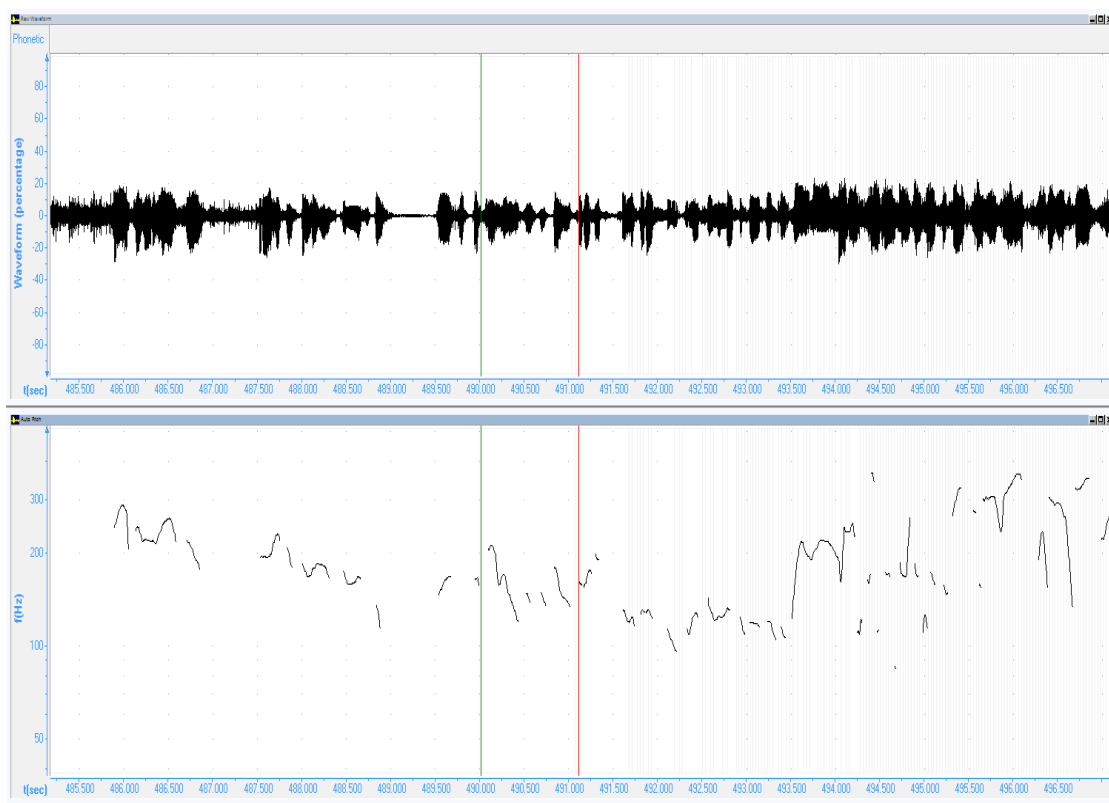
Стоит отметить, что в публичной речи употребление стёртых метафор достаточно частотно. Для современной ораторской речи является характерным сочетание логико-аналитических и эмоционально-образных

языковых средств. Практика выступления лучших ораторов показывает, что сухое деловое выступление, сводимое только к передаче информации в современной, хорошо осведомленной аудитории, как правило, остается без внимания, а нередко вызывает скуку и даже раздражение. Специфика устной речи проявляется в построении фраз и целых предложений. Считается, что в публичном выступлении предпочтение следует отдавать более коротким предложениям, они лучше воспринимаются на слух и запоминаются. Кроме того, короткое предложение позволяет более вариантно подходить к изменению интонации. Гармония дискурса достигается за счет использования тропов и фигур речи.

Использование в речи стилистических приемов предполагает высокий уровень лингвистической компетентности и речевой подготовки оратора. Аудитория тонко чувствует отношение к себе. Степень ее доверия и симпатии к выступающему зависит от таких его важных качеств, как авторитетность и компетентность, внешняя привлекательность и тактичность. На разных этапах общения эти качества могут играть разную роль. Например, на начальной стадии эффект привлекательности может возникнуть лишь благодаря внешности выступающего и его манере держаться, а представления о компетентности и авторитетности формируются на основе информации об его образовательной подготовке и социальном положении. Однако чем длительнее общение, тем большее воздействие будут оказывать перечисленные выше стилистические приемы в отношении как к аудитории, так и к тому, о чем он говорит. Незаинтересованное, формальное выступление оставляет людей равнодушными, высокомерие — вызывает неприязнь. При этом важно знать, что даже хороший оратор не может скрыть своей внутренней позиции, если она не совпадает с тем, что он говорит. Спектр языковых возможностей и речевых методик воздействия на аудиторию, которые могут применяться в политическом дискурсе, чрезвычайно широк. Умелое

использование языковых ресурсов, грамотное и творческое сочетание стилистических приемов способны обеспечить подлинный успех коммуникации в условиях публичного выступления.

Ниже приведён скрипт высказывания В. Соловьёва, содержащий стёртую метафору: "*Недавно я вернулся из поездки по ленинским местам, чтобы **освежить**, так сказать, в памяти некоторые факты*". (см. график 32)

График 32.

На графике видно, что паузы, предшествующие и следующие за метафорой, не отличаются от стандартных внутрисинтагменных пауз. Из интонационных маркеров остаётся только повышение тона, что, скорее всего, связано не столько с необходимостью привлечь внимание к смысловой нагрузке тропа, сколько с физиологическими особенностями человеческого голосового аппарата, требующими повышать голос в начале новой синтагмы, чтобы реализовать общее нисходящее движение невопросительной фразы.

Ещё меньше внутрисинтагменная паузация при реализации в речи стёртой метафоры выражена в английской речи. Приведём пример из инаугурационной речи Б. Обамы: "*It is the kindness to take in a stranger when the levees break; the selflessness of workers who would rather cut their hours than see a friend lose their job which **sees us through our darkest hours.***" (см. график 33)

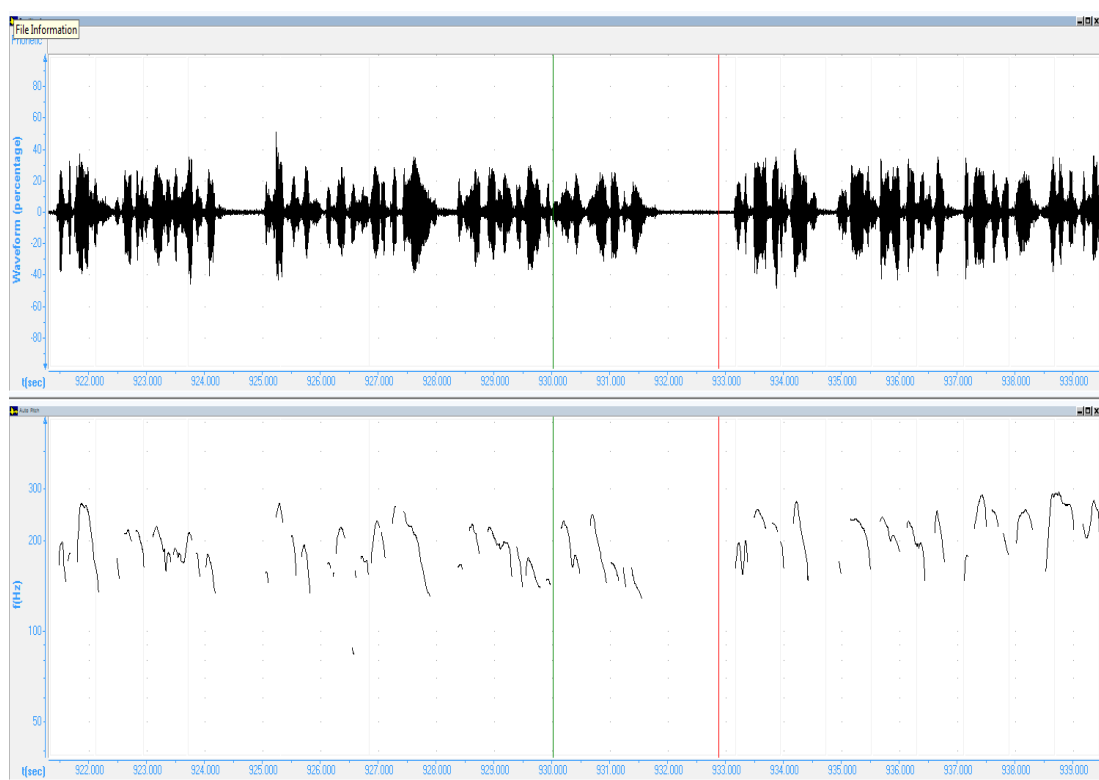
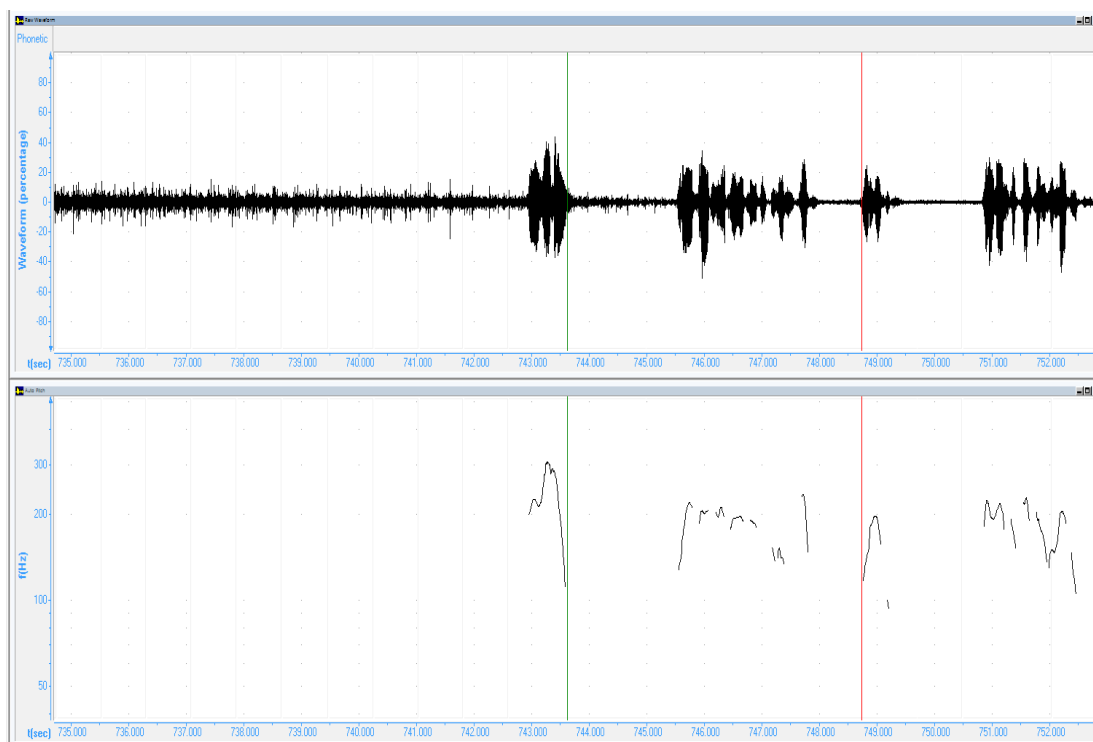

График 33.

На графике чётко выражен подъём голоса на лексемах *see* и *through*, но сама стёртая метафора *darkest hours* не выделена ни паузацией, ни повышением тона. Значение, закрепившееся за этой фразой - "*the hardest or the worst time in smb's life*" ("самое трудное или худшее время в жизни") - является общепринятым и аудитория не нуждается в дополнительной паузации для осознания переносного значения этого выражения. Заметим, что принятое в русской языковой традиции синонимичное выражение "в

трудную минуту" также является тропеическим средством, несущим в себе признаки метафоры и литоты.

Рассмотрим ещё один фрагмент речи Б.Обамы: "*For we know that our patchwork heritage is a strength, not a weakness*". — "*Потому что мы знаем, что лоскутное одеяло нашего наследия - это наша сила, а не слабость*". (см. график 34)

График 34.

Patchwork — это техника шитья, когда из разных по рисунку, размеру и даже форме лоскутов ткани получается единое изделие, чаще всего в такой технике выполняются одеяла и чехлы для мебели. В русской языковой традиции закрепилось понятие "лоскутное одеяло", которое означает нечто целое, собранное из разных кусочков, поэтому при переводе высказывания Б. Обамы нам пришлось использовать дополнительную лексему "одеяло", отсутствующую в оригинальном выражении. Термин "patchwork" также прекрасно известен в американской лингвокультурной традиции, поэтому значение метафоры "patchwork

heritage" осознаётся без каких-либо затруднений и не требует дополнительного времени для размышления.

Во втором случае мы наблюдаем ошибку при восприятии метафоры. Ошибка заключается в том, что один из собеседников использует лексическую единицу в метафорическом значении, в то время как его собеседник при дешифровке смысла высказывания выводит на первый план буквальное значение, намеренно или по ошибке. Обратим внимание на фрагмент из дискуссии Карена Шахназарова и Григория Амнуэля (см. график 35):

КШ: — *Вы принадлежите к партии либералов...* (под словом *партия* здесь понимается группа людей с одинаковыми политическими взглядами)

ГА: — *К партии я не принадлежу!* (в данном высказывании под словом *партия* понимается организованное политическое течение, имеющее свою программу и руководство):

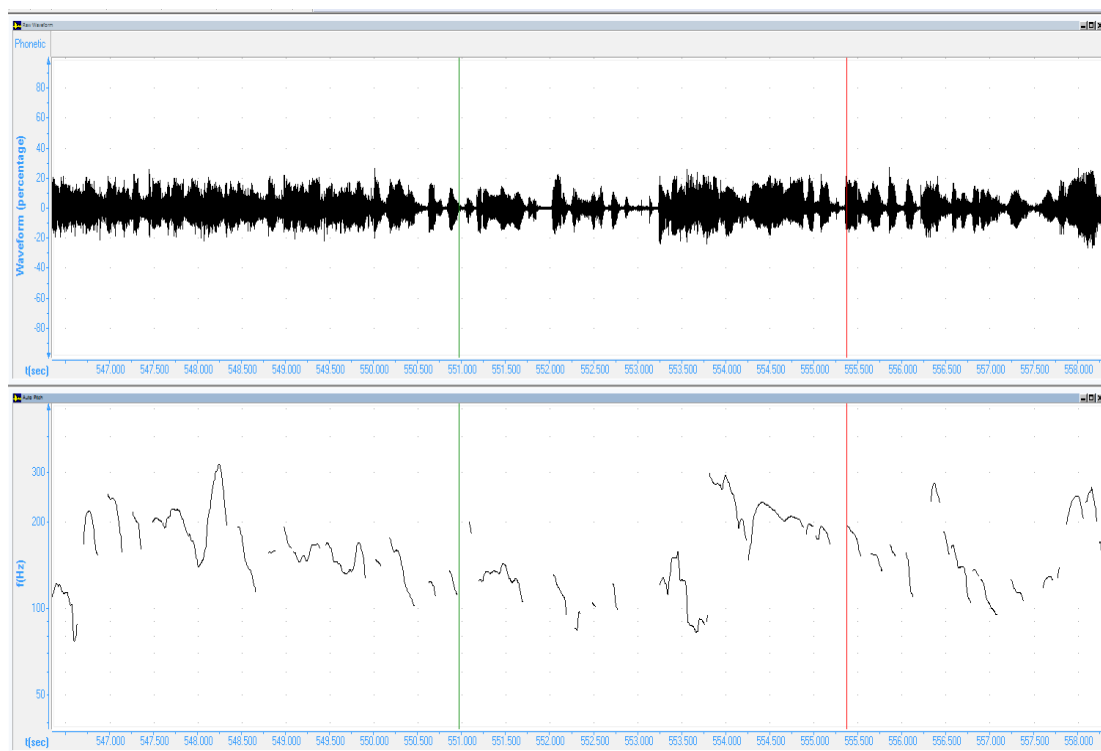

График 35.

На графике видно, что высказываемое Григорием Амнуэлем противоречие реализуется на более высоком просодическом уровне, таким образом, в речи оформлен контраст, противопоставление. В данной ситуации, разумеется, речь не идёт об ошибке при восприятии, так как оба собеседника являются весьма эрудированными личностями. Г. Амнуэль осознал двойной смысл выражения *"принадлежать к партии"* и ответил оппоненту, выдвинув на передний план то значение, которое говорящим изначально не было заложено. Эффект получился юмористический, заставивший улыбнуться всю аудиторию.

Обращение к тропам стилистически мотивировано. Если содержание высказывания не допускает эмоциональности речи, метафоризация не может быть оправдана. Необоснованное увлечение тропами в погоне за *"красивостью"* речи приводит к нагромождению метафор, перифраз, эпитетов, сравнений, выполняющих лишь орнаментальную функцию, что создает многословие. Особенно злоупотребляют тропами спортивные комментаторы, например: *"Сегодня выясняют отношения столичные бойцы клинка..."; "захватывающая дуэль шахматных амазонок продлится завтра..."; "двое, имя которым — команды, вышли на ледяную сцену, чтобы в стремительном диалоге, на языке хоккея поспорить, кто из них сильнее, умнее, мужественнее, благороднее..."* (Д. Губерниев). Употребление тропов может стать причиной неясности высказывания или искажения мысли автора. Еще М.В. Ломоносов предупреждал, что загромождение речи *"переносными словами"* даёт *"больше оной темности нежели ясности"* [Ломоносов 1972].

Особого внимания заслуживает просодическое оформление тропеических средств в неевропейских языках. Рассматривая интонационную систему китайского языка, нельзя не отметить, что модель *"пауза+повышение тона+пауза"* при реализации в публичной речи тропеических средств не прослеживается. Заметим, что в китайском языке

изменение частоты голоса, т.е. его повышение или понижение, способствует смысловому различию, так как китайский язык является тональным языком. Значение одной лексемы, произнесённой с различным интонационным рисунком (тоном), может меняться до противоположного. При этом эмоциональный фактор не нивелируется. Носители языка при производстве и восприятии эмоционально-окрашенной речи, тональность которой подвергается изменениям, способны отличать эмоциональные интонационные модуляции без потери заложенного в высказывание смысла. Отличие китайского языка от германских языков лежит в его структуре, следовательно, выявить схожую модель при реализации тропических средств не представляется возможным.

Таким образом, нельзя оставить без внимания наличие примеров альтернативного интонационного оформления тропов, которые функционируют как стёртые и, соответственно, теряют свою образность, а также случаи неверной интерпретации метафорического смысла высказывания, что приводит к непредсказуемым вербальным реакциям, которые, на первый взгляд, не имеют отношения к теме общения. В случае употребления стёртых метафор, данные тропы не маркируются ни повышением тона, ни дополнительной паузацией, а в случае с неверной трактовкой смысла тропа - наблюдается реакция адресата с акцентом не на коннотативный, а на денотативный компонент метафоры.

Анализируя полученный материал, можно констатировать, что выявленная нами интонационная модель является универсальной, но в случаях употребления стёртых метафор паузация редуцируется до 0,1-0,2 сек, поскольку, как нам представляется, значение стёртой метафоры уже устоялось в данной лингвокультурной традиции, и, следовательно, ни адресанту, ни адресату не требуется дополнительное время на кодирование и декодирование смысла высказывания, содержащего стёртую метафору. Также значение имеет лингвокультурный фактор, принадлежность языка к

той или иной группе. Выявленная нами интонационная модель подтверждается для германских языков, но не присутствует в китайской интонационной традиции, что объясняется различиями в самой языковой системе.

3.2 Выводы по главе III

Полученные данные подтверждают гипотезу о существовании интонационных закономерностей, наблюдающихся в просодическом оформлении эмоционально-окрашенных высказываний публичной речи. Результаты анализа собранных эмпирических данных привели нас к необходимости категоризации интонационных моделей, выделенных в речи адресантов сообщений в зависимости от индивидуального когнитивного опыта. Было подтверждено предположение о влиянии таких факторов, как коммуникативная ситуация, жанрово-статусная индексальность и индивидуальный когнитивно-перцептивно-аффективный опыт на успешность дешифровки тропеических средств.

Поскольку публичная речь объективируется во времени в форме звуковой волны, то структура её модификаций находится в полном соответствии со структурой смысла высказывания реализуемой посредством ограниченной функции речевой интонации. В рамках этой функции интонация маркирует смысловую значимость тропа, позволяя обнаружить и акцентировать последнюю в ментальном образе описываемой ситуации в сознании адресата сообщения.

Нами доказано, что индивидуальные особенности адресата и адресанта, коммуникативная ситуация, а также индивидуальная оценка говорящим ситуации общения и когнитивного опыта аудитории, оказывают непосредственное влияние на выбор тропов и на интонационные контуры, которые эти тропы оформляют. Подчеркнём, что

вышеперечисленные факторы влияют на смысловую и интонационную организацию высказываний, которые по-разному воспринимаются адресатами, поскольку семантическая составляющая высказывания влияет на образование отличных друг от друга инвариантных интонационных особенностей.

Таким образом, опираясь на полученные данные, можно сделать следующие выводы:

- 1) любой троп, вне зависимости от спонтанности или подготовленности речи, будет иметь особую звуковую форму;
- 2) результаты нашего исследования показали, что все тропы в публичной речи – это лингвосемиотические знаки, причем знаки разных типов;
- 3) в публичной речи продолжительность паузации, выделяющей тропеические средства, минимальна;
- 4) при отсутствии прямого контакта адресанта с аудиторией, интонационное оформление тропов играет доминирующую роль при формировании общественного сознания;
- 5) кроме паузации, роль маркеров тропеических средств в речи играет повышение частоты основного тона голоса;
- 6) наиболее репрезентативная с коммуникативной точки зрения интонационная модель интонационного оформления тропов - это "пауза + повышение тона + пауза". Данная модель одновременно даёт возможность адресанту использовать образное средство с опорой на собственный когнитивно-перцептивно-аффективный опыт, привлекает внимание к самой единице с высоким индексом образности за счёт повышения основного тона голоса, а также обеспечивает адресату время на дешифровку тропа с учётом личного когнитивного и языкового опыта;
- 7) особенности просодического оформления некоторых высказываний, содержащих тропы, выявленной интонационной модели

объясняется, с одной стороны, высочайшим уровнем конвенциональности используемого тропа, с другой стороны, «ошибкой» при дешифровке тропа и дальнейшим его использованием не в переносном, а в прямом значении;

8) имплицитное влияние за счёт просодики тропа происходит благодаря опоре на образность высказывания, что определяет расстановку тема-рематических акцентов внутри самого высказывания;

9) влияние на интонационный контур высказывания, содержащего тропеические средства, оказывает лингвокультурный фактор, поскольку интонационные модели дифференцированы в отдельных группах языков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование представляет собой попытку изучения особенностей интонационного оформления тропов, функционирующих в индивидуальном лексиконе в условиях устной публичной речи, с точки зрения их интонационных, просодических характеристик.

Представляется, что значимость и функциональные особенности интонации могут быть выявлены, если троп, как часть высказывания, рассматривается не только как результат, но и как процесс, когда акцентируется внимание на условиях его возникновения и восприятия. В этом случае создается объективная возможность принять во внимание все факторы, определяющие его интонационную организацию средствами языка. Попытки объяснить значение и специфическую роль интонации в устной публичной речи требуют комплексного подхода с привлечением накопленных знаний из психологии, когнитивной лингвистики, когнитологии и др., поскольку речь как когнитивный процесс связана с сенсорными ощущениями и восприятием, мышлением, памятью, вниманием. Очевидно, что звучащий язык существует только в речевой деятельности, поэтому едва ли справедливо считать объектом изучения только изолированную от этой деятельности языковую систему.

В работе представлен аналитический обзор основных существующих концепций и точек зрения на проблемы интонации и тропеических средств. Выполненный анализ источников показал, что в современной науке отсутствует единство в рассмотрении указанных феноменов. Однако, рассматривая тропы как лингвосомиотический знак, был сделан акцент на их интонационных особенностях, так как при продумывании содержания и формы высказывания, содержащего троп, в условиях звучащей речи, адресант также вынужденно продумывает интонационный контур своего высказывания.

С учётом сказанного выше была предпринята попытка выведения интонационных моделей оформления в речи тропеических средств. В работе выявлено, что интонационные особенности звучащей речи, содержащей тропеические средства, зависят от особенностей коммуникативной ситуации и от индивидуальных речеповеденческих черт адресата и адресанта.

В работе выявлено, что тропеические средства как когнитивный феномен несут определённую интонационную маркированность. Были высказаны предположения о зависимости интонационных моделей от коммуникативной ситуации и когнитивных навыков коммуникантов.

Новые верифицированные данные позволили выделить и обосновать интонационную модель функционирования в речи тропеических средств.

В диссертации показана значимость тропеических средств в процессе познавательной деятельности, подчёркивается значимость тропов как лингвосемиотических знаков, выделяется важность просодического фактора в оформлении высказывания.

Доказано, что семиотический потенциал тропов в публичной речи реализуется за счет активного использования аналитических возможностей метафоризации, манифестирующей в языковом поле продукты когнитивных операций.

Описанные выше результаты теоретического этапа позволили перейти к практическому исследованию, в ходе которого были сделаны следующие выводы:

- 1) индивидуальный когнитивно-перцептивно-аффективный опыт находит отражение в высказывании, реализуясь в процессе метафоризации на основании выявления связей подобия, аналогии и сходства между объектами и явлениями окружающего мира;

2) благодаря повышенному индексу образности, тропеические средства оказывают воздействие на адресата, при этом происходит апелляция к личностному опыту;

3) в условиях подготовленной речи участников информационно-аналитических продолжительность паузации, выделяющей тропеические средства, минимальна;

4) кроме паузации, интонационным маркером тропеических средств в речи является повышение частоты основного тона голоса;

5) была выявлена модель интонационного оформления тропов: "пауза + повышение тона + пауза". Данная интонационная модель, так как она одновременно даёт возможность адресанту использовать образное средство с опорой на собственный когнитивный опыт, привлекает внимание к самой единице с высоким индексом образности за счёт повышения основного тона голоса, а также обеспечивает адресату время на дешифровку тропа с учётом личного когнитивного и языкового опыта;

6) был установлен факт наличия примеров употребления тропов, имеющих слабо выраженный интонационный рисунок, соответствующий выявленной модели, что объясняется редукцией коннотативного компонента тропов и акцентом на их денотативной составляющей;

7) коммуникативная ситуация, жанровость статусно-индексального общения, а также индивидуальные особенности адресанта и адресата оказывают непосредственное влияние на интонационные модели, используемые в речи;

8) лингвокультурные особенности адресанта и адресата влияют на интонационное оформление тропой в устной публичной речи, так как просодическая сторона высказывания во многом определяется языковым строем и культурными традициями.

Таким образом, проведенное исследование позволило представить тропеические средства как инструмент формирования общественного

сознания. Особенности интонационного оформления тропов, выявленные в диссертации, являются способом формирования в сознании адресата определённого образа события или явления. Перспективным представляется дальнейшее многоаспектное изучение взаимосвязи просодии и тропов в контексте публичной речи, в частности, выявление интонационных моделей оформления тропов в языках за пределами германской группы, исследование функционирования тропеических средств в других сферах реализации публичной речи, в частности, академической, а также дальнейшее рассмотрение тропеических средств как инструмента воздействия на сознание аудитории, что может приблизить к новым решениям и выводам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеева Д.А. Социально-экономические метафоры в современных СМИ и сленге // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления: материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26-28.08.2014) / гл. ред. А.П. Чудинов ; ФГБОУ ВПО "Урал. гос. пед. ун-т". - Екатеринбург, 2014. - С. 30-33.

Антипова А.М. Система английской речевой интонации. М., 1979, - 255 с.

Антипова А.М. Ритмическая система английской речи. М., 1984, - 119 с.

Антисери Д, Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней. Античность и Средневековье. - СПб.: Пневма, 2003, 688 с

Апресян Ю.Д. Языки славянских культур. - М., 2009. — 568 с.

Аристотель. Аналитики // Сочинения. т.2. - М.: 1978. - 688с.

Аристотель Аристотель: Метафизика. Переводы ... // М., «Русская книга», 1996. - 450 с.

Арутюнова Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979. 173 с

Арутюнова Н.Д. Человек и "фигура" (анализ понятий). - М.: Институт русского языка им. Виноградова., 1995., 46 с.

Ахтырская Е.Н. Роль тропов в развитии речи учащихся начальных классов: автореф. дис. Е.Н. Ахтырская. – М., 1998. – 16 с.

Баламакова А.В. Коммуникативно-прагматическая интерпретация интонации вопросительного высказывания в устном юридическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Издательство "Ивановский государственный университет", г. Иваново, 2010, 24 с.

Бахтин М.М. "Человек у зеркала". Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. — СПб.: Азбука, 2000, — 240 с..

Белый А. Мысль и язык. (Философия языка А. А. Потебни) - М. - 258 с.

Бельчиков, Ю.А. Стилистика Текст. / Ю.А. Бельчиков // Русский язык. Энциклопедия. Издательско-торговая корпорация «Дашков и К0», 2007. - 348 с.

Бенвенист, Э. Общая лингвистика. —М.: УРСС, 2002. —448 с.

Блох М.Я Диктема в уровневой структуре языка Текст. Вопросы языкознания. 2000.

Блох М.Я., Фрейдина Е.Л. Публичная речь и ее просодический строй. - М.: Прометей, 2011. - 234 с.

Блэк М. Метафора // Теория метафоры: сборник статей. М.: Прогресс, 1990. - 172 с.

Бородулина Н. Ю. Метафорические модели языковой репрезентации экономических понятий (на материале русского и французского языков): Диссертация. -Краснодар, 2007. - 200 с.

Ботороева Ю.С. Лингвосомиотические аспекты эволюции эвфемизма в контексте времени культуры. Диссертация. Иркутск, 2010 г. - 172 с.

Браун Джиллиан. Восприятие английской речи на слух [Текст] / Джиллиан Браун. — М.: Просвещение, 1984. — 172с.

Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. М.: Русский язык, 1977 г. - 281 с.

Брынская О.П. систематизация основных понятий риторики, данных в трактате Аристотеля "Риторика". М., 1987

Бурак М.А. К вопросу об интонационном оформлении тропов в разных видах дискурса. Вып. XXV: Язык и человек: проблемы когниции и коммуникации: материалы Всероссийской научной

конференции с международным участием. 16 мая 2016 года/ отв. ред. выпуска Л.А. Панасенко. - 2016. - 1088 с. - С. 801-807

Васильев Л.М. Методы современной лингвистики: учебное пособие. – Уфа, 1965. - 380 с.

Васильев А.Д. Некоторые манипулятивные приёмы в текстах телевизионных новостей. - Политическая лингвистика. - Вып. 20. - Екатеринбург, 2006. - С. 95-115.

Введенская Л. А., Павлова Л. Г. Культура и искусство речи. Ростов – на – Дону, 1996, с. 576.

Вежбицкая А. Метатекст в тексте. М.: ЭТС, 1999.- 192 с.

Вербицкая Л.А. Основы общей фонетики(моногр.). - Л., 1992. - 382 с.

Волконский С.М. Выразительный человек. Сценическое воспитание жеста (по Дельсарту) - Изд. Либроком, 2012 г. - 250 с.

Всеволодский-Гернгросс В.Н. Теория русской речевой интонации. Государственное издательство, 1922. — 122с.

Выготский Л. С. Собрание сочинений. - Directmedia, 2008. - 1095 с.

Гаспарова М., Борухович В.«Ораторское искусство древней Греции», г. Москва, из-во «Художественная литература», 1985 г.

Голованова Е.И. Теоретические аспекты интерпретации термина ... // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007 № 2 , Тамбов, 2007 С. 81-86.

Голощопова Некоторые особенности темповых изменений в спонтанном тексте. - В журнале "Теория языка и межкультурная коммуникация" - №2, 2015 г. - С. 22-25.

Голубева-Монаткина Н.И. Классификационные исследования в лингвистике: вопросы и ответы в диалогической речи -М, 2003

Гонина А.С. Организация просодемого пространства в современном швейцарском варианте немецкого языка. Диссертация. М., 2010 г. , 155 с.

Гроцкая Н.Н. Просодия периферических единиц просодемого пространства в сравнении с ядерными единицами. Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук. М. 2010 г., 170 с.

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. Русь: Историко-филологические очерки. М., 2002.

Данеш Ф., Гаузеиблас К. К семантике основных синтаксических формаций. — В кн.: Грамматическое описание славянских языков. Концепции и методы. М.:Издательский центр «Академия»,1974. – 214с.

Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. - Изд. БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000 г. - 310 с.

Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологическо́й филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. - М.: ИНИОН РАН, 2002. - № 3. - С. 32-43.

Дешеева В.В. Атональность в телевизионном дискурсе (на материале современных российских телешоу): Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Волгоград, 2010. 222 с.

Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры: сборник статей. М.: Прогресс, 1990. - 193 с.

Дюбуа Ж., Общая риторика / Дюбуа Ж., Пир Ф., Тринон А. и др. М., 1986

Енгалычев В.Ф., Белянин В.П., Константинова Е.С., Ощепкова Е.С. Психолингвистические особенности "мужского" и "женского" языков. // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Выпуск 2. – Калуга: Эйдос, 2001. – С. 177-187.

Жинкин, Н. И. Речь как, проводник информации / Н. И. Жинкин. – М.: Наука, 1982. – 160 с. – С. 128, 154.

Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь, 1999. - 177 с.

Зейгарник Б.В. Патология мышления. - М.: Издательство МГУ, 1962 г. - 244 с.

Зильберт Б.А. Социопсихолингвистическое исследование текстов радио, ТВ, газеты. Саратов, 1986. - 211с.

Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку. М.: Русский язык, 2003.-220 с

Зиндер Л.Р. Общая фонетика и избранные статьи [Текст] / Л.Р.Зиндер. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2007.– 576с.

Златоустова Л.В. Общая и прикладная фонетика [Текст] / Л.В.Златоустова, Р.К.Потапова, В.Н.Трунин-Донской. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 304с.

Зубкова О.С. Специфика функционирования метафоры в индивидуальном лексиконе: автореф. дис. ... к-та филол. наук. Курск, 2006, 24 с.

Зубкова О.С. Метафора в профессиональной семиотике. – Курск: – Курск: Изд-во КГУ, 2011. – 334 с.

Зубкова О.С. Специфика объективации означивающих практик в рамках интегрированного лингвосемиотического пространства // Теория языка и межкультурная коммуникация: научный журнал. Курск, 2013. № 1 (13). URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/013-005.pdf> (дата обращения: 11.07.2016).

Зубкова О.С. Перцептивно-акустическая представленность профессиональной метафоры в лингвосемиотическом пространстве специального языка // Шестая международная конференция по

когнитивной науке: Тезисы докладов. Калининград, 23–27 июня 2014 г. – Калининград, 2014. – С. 302 – 303.

Зубкова О.С. Аккомодационная реконсолидация тропеических средств в семиотическом континууме профессиональных языков // Известия Юго-Западного государственного университета. Научный рецензируемый журнал. – Серия: Лингвистика и педагогика. 2015. – № 2 (15). – С. 57 – 61.

Зубкова О.С., Бурак М.А. Эмпирическое исследование просодической организации тропов в спонтанной публичной речи. Russian Linguistic Bulletin. - №3(7) - 2016 г. - Yekaterinburg - p.122-125.

Зубкова О.С., Ушкалова М.В. Лингвосемиотическая реализация каламбура в публичной речи : монография / О.С. Зубкова, М.В. Ушкалова; Юго-Западный гос. ун-т. – Курск, 2017. – 155 с.

Ивлева С.В. Лингвосемиотические характеристики комического абсурда. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Волгоград., 2010, 169 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. С. 45.

Касевич В.Б. Язык и знание // Язык и структура знания. М., 2003. 203 с.

Квинтилиан Марк Фабий. Риторические наставления. Книга 2. - Изд.: М.: Мысль, 1990 г. - 258 с.

Ключевский В.О. О русской истории: Сборник / Сост., авт. предисл. и примеч. В.В.Артемов; под ред. В.И.Буганова. – М.: Просвещение, 1993.

Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. - М.: Наука, 1986 г. - 206 с.

Кодзасов С.В. Общая фонетика [Текст] / С.В.Кодзасов, О.Ф.Кривнова. – М.: РГГУ, 2001. – 592с.

Кодзасов, С. В. Проблемы исследования просодии . Изв. РАН. Сер. Литература и русский язык. 2008. 156 с.

Корнилова Е.Н. Риторика – искусство убеждать. М.: Прогресс 2006 С 67

Корольков, В.И. К теории фигур Текст. / В.И. Корольков. М.: МГПИИЯ 1974. 80 с.

Кошанский Н. Риторика. - Изд. Русская панорама, 2013. - 320 с.

Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск: Изд. ОГУП, 2001.

Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Наука, 2004. - 318с.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. - Издательство Academia, 2005 г. - 352 с.

Леонтьев А.А., Маркосян А.С. Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации. – Издательство «Смысл», 2008. – 271 с.

Лещак О. Семантика вегетативного кода в языке и фольклоре (русско-польские параллели) // Studia methodologica. Вип. 18. Гол.ред. О.Лещак. - Тернополь, 2006. - С.34-51.

Ломыкина Н.Ю. Просодические характеристики речи телеведущих (диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук) - Москва, 2006 г. - 234 с.

Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968-1992). СПб.: Искусство-СПБ, 2000. - 704 с.

Лурия Р.А. Язык и сознание. – М.: Книга по Требованию, 2002. – 320 с.

Мерзляков А.Ф. Краткая риторика, или Правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических. - Изд. Книга по требованию, 2013 г. - 120 с.

Месропян Л.М. Речевая манипулятивная агрессия как контаминированный вид речевого воздействия [Текст] / Л. М. Месропян // Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2013. - № 3. - С. 56-60.

Митрофанова Е.Н. Интонация и синтаксис как уровни структурирования читаемого монологического текста (на материале английского языка). – Санкт-Петербург: журнал "Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина", выпуск 1, том 1, 2012. – С.100-107.

Мишланова С.Л. Метафора в поле термина (на материале медицинских текстов) // Фатическое поле языка. - Пермь, 2002. - С.76-83.

Николаева Т.М. Фразовая интонация славянских языков [Текст] / Т.М. Николаева. – М.: Наука, 1977. – 279с.

Николаева Т.М. От звука к тексту. М.: Издательский центр «Академия», 2001 г. – 230 с.

Нушикян, Э. А. Типология интонации эмоциональной речи / Э. А. Нушикян. – Киев – Одесса: Вища школа, 1986. – 157 с.

Павлов И.П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. – М.: Наука, 1973. – 664 с.

Палько М.Л. Интонационные средства выражения коммуникативных значений. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. - М., 2010 г. - 243 с.

Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика. - М.,1979. - 283 с.

Пауль Г. Принципы истории языка. Пер. с нем. М.:Издательство иностранной литературы, 1960. – 339 с.

Пешковский, А.М. Интонация и грамматика / А.М. Пешковский // Известия по русскому языку и словесности АН СССР, 1928. Т. 1, кн. 2. – С. 458-476.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. - Изд. Litres, 2017 г. - 2564 с.

Потебня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. М. : Лабиринт, 2007. -241 с.

Румянцев М.К. Тон и интонация в современном китайском языке. - Изд.: М.: МГУ, 1972 г. - 197 с.

Светозарова, Н. Д. Интонационная система русского языка / Н. Д. Светозарова. – Л., 1982. – 175 с.

Синёв А. Д. Внутренняя структура минимального интерактивного дискурса в американском варианте английского языка (экспериментально-фонетическое исследование): дис. ... канд. филол. наук. Издательство "Красноярский государственный университет", г. Красноярск, 2014. - 199 с.

Соколова М.А. Теоретическая фонетика английского языка. Дубна: Феникс+, 2010 г. - 192 с.

Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики. - Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999 г. - 432 с.

Сперанский М.М. Правила высшего красноречия. - СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1844 г. — 226 с.

Станиславский К.С. Собрание сочинений. Том 3. Работа актёра над собой (Часть 2). - Изд. Проспект, 2015 г. - 474 с.

Степанов В.Н. Прагматика спонтанной телевизионной речи. - Ярославль МУБиНТ, 2008 г. - 249 с.

Строкина Т. С. Теоретическая фонетика немецкого языка. М.: Высшая школа, 1998. – 131 с.

Телия В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М, 1988. - С. 173-203.

Тодоров Т. Тропы и фигуры // Памяти Р. Якобсона: Сборник в честь 70-летия Р.Якобсона. - М.:Издательство литературы на иностранных языках,1986 г. - 792 с.

Торсуев Г.П. Фонетика английского языка. М.:Издательство литературы на иностранных языках, 1954. – 332 с.

Торсуев Г.П. Константность и вариативность в фонетической системе (на материале английского языка). - Москва, "Наука", 1977. - 293 с.

Торсуева И.Г. Интонация и смысл высказывания [Текст] / И.Г.Торсуева. – М.: Наука, 1979. – 110с.

Трубецкой Н.С.Основы фонологии [Текст] / Н.С.Трубецкой. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 352с.

Ушкалова М.В. Лингвосемиотические особенности функционирования каламбура в публичной речи: дис. ... канд. филол. наук. Издательство "Курский государственный университет", г. Курск, 2016. - 160 с.

Фарыно Е. Введение в литературоведение. Изд. Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1991. - 428 с.

Фаустова Н.А. Интонационное выражение иллокутивных значений (на материале русского, французского и английского языков). Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. - М.,2009. - 198 с.

Фрейдина Е.Л. Просодия как фактор стилевого варьирования звучащей речи. В журнале "Преподаватель XXI век" - №3, часть 2. - С.307-313.

Фрейдина Е.Л. Просодия публичной речи (монография). - М.: Прометей, 2013 г. - 270 с.

Хазагеров Г.Г. On Monstrosity of Metaphor in Cognitive Paradigm. Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2016, № 2. – С.91-101.

Цеплитис Л.К. Анализ речевой интонации. - Рига: Зинатис, 1974 г. - 279 с.

Цицерон Марк Туллий. Об утешении. Избранные сочинения. М., 2000. - 340 с.

Шевченко Т.И. Социолингвистическая обусловленность эмоциональной интонации // Сб. науч. тр. МГПИИЯ. М., 1990. - 183 с.

Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. - М.: Гнозис, 2004. - 324 с.

Шивнани Д. Ритмическая организация английского языка в Индии : экспериментально-фонетическое исследование : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Моск. гос. лингвист. ун-т. - Москва, 1990. - 167 с.

Штерн А. С. Перцептивный аспект речевой деятельности: экспериментальное исследование. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1990. - 236 с.

Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. - М.: Учпедгиз, 1957. - 188 с.

Щерба Л.В. О дальше неделимых единицах языка [Текст] / Л.В.Щерба // Вопросы языкознания, 1962, №2. – С.99-101.

Эко У., Поиски совершенного языка в европейской культуре / Пер.с итал. А. Миролобовой. Серия "Становление Европы".—М., Александрия, 2000.— 430 с.

Якобсон Р.О., Лингвистика и поэтика. Библиографическая информация: // Структурализм "за" и "против". М., 1975. – С. 193-230.

Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 2009 г. - 470 с.

Arnauld A., Lancelot C. Grammaire générale raisonnée. - Slatkine, Genève, 1994. – 645 p.

Arnauld A., Nicole P. La Logique ou l'art de penser. - Gallimard, Paris, 1966. – 684 p.

Bannert R. Towards a Model of German Prosody. FoL, 1985. – 193 p.

Barthes R. Mythologies. - Paris, Seuil, 2000. – 164 p.

Barthes R. Oeuvres complètes, Vol. I,II / nouvelle édition revue, corrigée et présentée par Eric Marty. - Paris, Seuil, 2002.

Barthes R. Essais critiques. - Paris, Seuil, 1991. OCR & Spellcheck: SK, Aerius, 2004. – 276 p.

Bell A.M. 1882. Sounds and their relations. A complete manual of universal alphabets illustrated by means of visible speech and exhibiting the pronunciation of English, in various styles, and of other languages and dialects. London. - 482 p.

Bolinger, D. Around the Edge of Intonation [Текст] / D.Bolinger. – Cambridge, Mass., 1964. – 120p.

Cauquelin A. Aristote. Le langage. - Paris, PUF, 1990. – 250 p.

Chafe W. Meaning and the Structure of Language. Chicago: The University of Chicago Press.,1976. – 316 p.

Coupland N. Style: language variation and identity. - Cambridge: Cambridge University Press, 2007. - 209 p.

Essen O. von. Grundzüge der hochdeutschen Satyintonation. 2. Aufl. Ratingen; Dusseldorf, 1964. – 112 S.

Fox, D. Economy and semantic interpretation. MIT Press, 2000. - 198 p.

G. von Gabelentz. Die Sprachwissenschaft, ihre Aufgaben, Methoden und bisherigen Ergebnisse. Leipzig, 1891. – 231 S.

Halliday M. Intonation and Grammar in British English. The Hague – Paris, 1967. – 324 p.

Hébert L. Introduction à la sémantique des textes. - Paris, Honoré Champion, 2001. – 240 p.

O'Connor J., Arnold G. Intonation of Colloquial English. Ldn., 1973. – 342 p.

Odé C. Mir russkogo slova i russkoe slovo v mire, tom 6/1 pp. 119 - 125 , Sofia, 2007.

Palmer F.R. Prosodic Analysis. - London: Oxford University Press, 1975. - 327 p.

Pierrehumbert, J. The phonology and phonetics of English intonation. PhD thesis, MIT. Distributed 1988, Indiana University Linguistics Club., 1980. – 178 p.

Pike K.L. The Intonation of American English / K.L.Pike. –Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1945. – 204p.

Roach P.. *English phonetics and phonology: A practical course*. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. - 212 p.

Schofer P., Rice D. Metaphor, metonymy and synecdoche. - "Semiotica", 1977. - 342 c.

Stock E. Untersuchungen zu Form, Bedeutung und Funktion der Intonation im Deutschen. Berlin, 1980. – 410 S.

Sweet H. A Handbook of Phonetics: Including a Popular Exposition of the Principles of Spelling Reform. - Cambridge University Press, 2013. - 242 p.

Sweet H. A New English Grammar, Logical and Historical. - BiblioBazaar, 2015. - 540 p.

Wichmann A. Intonation in Text and Discourse. Beginnings, Middles and End. -Harlow: Pearson Education Limited, 2000. - 162 p.

Wolfe P. M. Linguistic Change and the Great Vowel Shift in English. - University of California, 1972. - 198 p.

Zubkova O.S. Linguosemiotical approach to the study of professional metaphor (based on the material of medical discourse) // Russian Linguistic Bulletin. - 2016. - № 4 (8). - S. 86 - 88.

Словари

1. Лингвистический энциклопедический словарь/гл. ред. В.Н. Ярцева. - 2-е изд., доп. - М. : Большая российская энциклопедия, 2002. - 709 с.

Интернет-источники

1. Первый Канал <http://www.1tv.ru>
2. The New Times <https://newtimes.ru>
3. CNN <http://edition.cnn.com>
4. BBC <http://www.bbc.com>
5. ARD <http://www.ard.de>